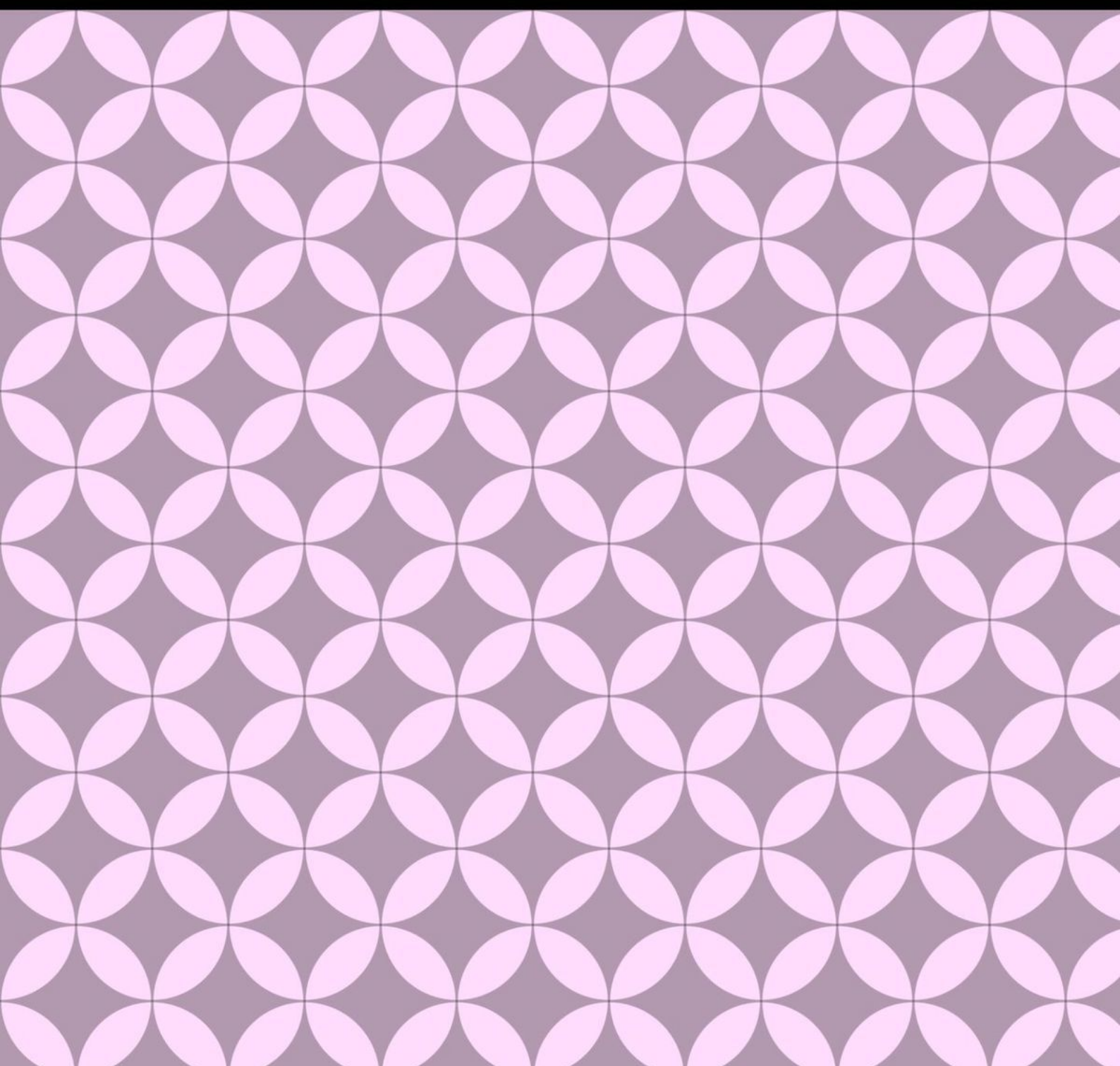

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ
СТРЕЛЬНИКОВ

Солдаты Сумерек

Владимир Стрельников

Солдаты Сумерек

«Издательские решения»

Стрельников В. Н.

Солдаты Сумерек / В. Н. Стрельников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966415-0

Один из трёх друзей-подростков случайно встречается с симпатичными пришельцами из другого пространства. Но дальше всё идёт не так. Двое мальчишек проваливаются в бездну времени и пространства, а оставшихся, возможно, ждёт ещё более страшная участь. Потому что у правды много граней, но не всегда через них видно истину.

ISBN 978-5-44-966415-0

© Стрельников В. Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. «Кодекс рыцаря»	6
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	48
Глава 7	56
Глава 8	63
Часть 2. «Ударом на удар»	72
Глава 1	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Солдаты Сумерек

Владимир Николаевич Стрельников

© Владимир Николаевич Стрельников, 2020

ISBN 978-5-4496-6415-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. «Кодекс рыцаря»

Пролог

– Das Feuer! Feuer!! Feuer!!! – орал в переговорник Хельмут, срываясь в фальцет. Похоже, от наплыва чувств бедолага помнил лишь немецкий. «Н-да. Не жилец!» – с лёгким сожалением подумал Феоктистов. Впрочем, иного варианта у парнишки, похоже, не было. Серый цвет занимал лишь серединку его спектрограммы, а времени, что бы вырастить полноценного Солдата Сумерек какой-то нерадивый вербовщик Хельмуту просто не предоставил. «Да не какой-то, а я сам!» – самокритично ругнулся Адмирал. Это была его идея, вытащить ребят прямо из мясорубки боев над Кубанью. А те никак не могут отойти ещё от той ненависти. Даже на базе друг друга режут, калеча дорогие оболочки. Приходится до поры бывших советских и немецких пилотов по разным эскадрам разводить. Но и это мало помогает – настоящих Солдат катастрофически не хватает, а «Дикие» всё более изошряются. Что «чистоплюи», что «твари» безвозвратно гибнут. Многострадальное 94-е пространство уже 17-й раз переходит из рук в руки. «Советская» эскадра пока успешно блокирует Землю-95, а вот «фашистская» не вылезает из встречных боёв и тает на глазах.

Адмирал высветил на сенсорном экране «дело» Хельмута Кройцера. 1918 года рождения, обер-лейтенант. Ну да, из «тварей». Был талантливым командиром бомбардировочной эскадрильи. Летал на Ju-87. Отличался умением наносить особо точные бомбо-штурмовые удары. Плюс – два лично сбитых советских самолёта. Вот только в последнее время старался уничтожать всё, что видел на земле. В том числе, крестьян, детей и даже домашнюю скотину.

«Тварями» в их среде называли тех, кто тяготел к тёмному спектру жизни – агрессии, похоти и эгоизму. «Чистоплюи» же, напротив, старались быть гуманистами, аккуратистами и человеколюбцами. Причем, по закону единства и борьбы противоположностей, «твари» почти всегда становились твёрдыми сторонниками колонизации, а вот «чистоплюи» частенько ударялись в оправдание «Диких». Увы, жестокие условия межпространственной войны не оставляли шанса ни тем, ни другим. С потомками хозяев этого мира успешно сражались лишь люди с практически идеальным серым спектром души. Те, кого называли «Солдатами Сумерек».

Тем временем голос Хельмута пропал из эфира. Его звено пыталось отразить атаку «летающих скал», обрушившихся из космоса на Землю-95 недалеко от местного аналога Норвегии. Поэтому каждая крупинка информации была на вес золота. Два предыдущих контакта с этими новыми созданиями «Диких» закончились гибелью истребителей «сумеречников». Видеоканал Кройцера транслировал медленно вращающийся скалистый ландшафт с ровными воронками ядерных ударов. Похоже, мальчишка был без сознания и с открытыми глазами падал на поверхность.

– Helimuth, mein Junge, wach auf! Wach auf! (Хельмут, сынок, просыпайся! Просыпайся!) – ласково заговорил в переговорник Адмирал. Он уже давно преодолел отвращение к немецкому и легко переходил на него. Это подействовало.

– Vater, bist du das? (Отец, это ты?)

– Да, мой хороший. Ручку на себя, Хельмут, газу прибавь. Выравнивайся, сынок.

Конечно, космический истребитель Коройцера не имел ни газа, ни элеронов. Но именно эту аналогию лучшее всего сейчас принимал его помутившийся разум. Война навсегда врежется в подсознание. Вот обер-лейтенанту и казалось, что он снова падает на подбитой «Штуке», пытаясь выровнять непослушный бомбардировщик.

– Плавнo подбирай, подбирай ручку. Сбрасывай газ. Видишь платo слева, на 11 часов?

- Да, папа.
- Переходи в планирование. Садись.
- Выполняю.

Адмирал использовал всё ещё работающий аудиовизуальный канал Хельмута, который вывел на один из своих виртуальных сенсоров. Одновременно по второму вызывал командира «фашистской» эскадры Николая Зуброва, своего бессменного ведомого. Так как в эфире оставался лишь канал Кройцера, можно сделать вывод, что остальные из его звена сбиты. А «летающие скалы», между прочим, никуда не делись.

- Седьмой, Седьмой, я Пятый! Срочно к Норвегии. Наведение по каналу Ноль-Девятого!
- Понял, командир! Выполняю.

Идеальная телесная оболочка Владимира Феокистова всегда придавала ему вид поджарого мускулистого 30—35 летнего мужчины, исполосованного тонкими, не портившими его шрамами. Фактически же он прожил уже более 52 лет номинального времени. Из которых последние 37 не вылезал из боёв. Адмирал, вместе с Зубровым, прошёл наиболее длительную школу из всех «сумеречников». Они успели побывать и средневековыми «тварями», и революционными «чистоплюями». А в стреляющих небесах боковой ветви своей Земли-57 дозрели до настоящих «Солдат Сумерек». И вот теперь уже второй год дрались меж пространствами.

Параллельно, по третьему сенсору, Адмирал разговаривал с курирующим его Эскадру резидентом Управления Мобилизации. В экране шевелилась объёмная голограмма очень миловидной строгой женщины с погонами командора-атташе:

– Аркадьевна, сто раз говорил – доводите кандидатов!!! Не надо мне сырое мясо слать. Мы-то пару дней всяко потерпим. Зато потерь не будет! Гоняйте их, как нас.

– Да поймите, Пятый! – оправдывалась командор-атташе: – Не можем мы тратить столько ресурсов на обучение! С вами же всё по-другому получилось.

– А пацанов пачками терять вы можете себе позволить?! Все затраты коту под хвост! Отправляйте их в «автономки», лет на 10—15...

Вдруг связь прервалась. Похоже, Адмирал больше не мог распылять внимание сразу на три сенсора. Вместо этого его сознание переключилось на две остальные картинки. А канал механически транслировал их в Управление. Хельмута Кройцера окружило около тридцати «летающих скал». Они двигались синхронно с капсулой, сопровождая её к импровизированной посадочной площадке. Причём, в его поле зрения не вылезали. Зато «скалы» транслировал заходящий сверху Николай Зубров.

- Пятый, Кройцера в «клещи» берут!
 - Вижу, Седьмой. Как сядут, бей вольфрамом.
- Голос Зуброва дрогнул лишь чуточку:
- Понял. Начинаю пикирование.

Удар вольфрамовыми болванками, сброшенными с границы стратосферы, приводил к последствиям, сравнимым с атомной бомбардировкой. Менялись атомарные связи и высвобождалось громадное количество энергии. «Скалы», скорее всего, удастся накрыть – все творения «Диких», при всём их совершенстве, не могли противостоять таким взрывам. Но тогда и старшему космонавту конец. Из такого пекла его сознание не спасут никакие сверхсовершенные технологии Метрополии.

Капсула Кройцера коснулась каменистого плато, и тут же «летающие скалы» заполнили всё его поле зрения. Хаотичные серые нагромождения одновременно бросились со всех сторон. Со скрежетом и грохотом разорвали сначала корпус истребителя, а затем и мягкий скафандр. Сенсоры передатчика были вживлены в голову космонавта, поэтому картинка не исчезала. Неожиданно твёрдое каменное крошево взметнулось вверх мельчайшей тучей пыли и застыло над Хельмутом в виде неровного овального зала со скальными стенками. А не далее 2 метров оказалось кольцо живых волосатых тел, опоясанных ремнями «разгрузками». «Дикие»!

Мощные, более чем двухметровые приматы схватили обер-лейтенанта, распылили в лапах. Самый рослый оторвал левую икру и с видимым наслаждением вложил в пасть.

– Ба-а-а-а-а-а!!! – заорал Кройцер по-русски: – Они меня жрут!!!

– Вижу. Держись, сынок. Иду! – спокойно ответил Адмирал по-немецки.

Его «Феникс» (или «Финист», как прозвали капсулу русские) вынырнул из подпространства чуть ниже отбомбившегося звена Зуброва и вошёл в крутое пике, обгоняя вольфрамовые болванки. Четкая лента мезонного следа светила сзади. Но самого двигателя на истребителе не было! То, что Адмирал давно летал без топлива, уже как-то стало привычным. Но чтобы и без двигателя?! Туча «скал», прикрывавшая сверху площадку, где заживо жрали Хельмута, пришла в движение. Протянула к «Финисту» лучи импульсов. Но на нём лишь ярко вспыхнули личные руны Адмирала. Капсула всё быстрее мчалась вниз. Творения хозяев попробовали принять её на себя, но неожиданно также всклубились тучей невесомого песка. Четырьмя светлячками вспыхнули внутри части «Диких». Феоктистов ещё на Земле-57 всегда резал стропы парашютам сбитых. И здесь он оставался верен себе. Только теперь рассекал острыми крыльями уже прямо тела хозяев. От его соприкосновения они всегда загорались.

Было видно, что «Дикие», поглощавшие живую плоть, быстро менялись. Становились более хитрыми морды, корёжились, принимая силу, громадные мышцы.

– Эскадра! Тела врагу не отдавать!!!

Яркий миг и картинка погасла. (Потом, при просмотре с сильным замедлением, было видно, что прямо через обмякшую стену в зал влетел «Финист» с непривычно толстым клювом. Удлиненные крылья с обеих сторон рубили жрущих ещё живого Хельмута, летя прямо в его сенсор. Яркая вспышка! Потеря изображения). Трансляция же Зуброва показала, что капсула Адмирала перешла на бреющий и врезалась в скалу, скрывавшую пиршество. Её мезонный след прервался. Но тут же вынырнул с другой стороны, расстилаясь за «Финистом», перешедшим в резкий набор высоты. Затем и эта картинка исчезла во вспышке атомных изменений долетевшего вольфрама.

– Эскадра, Ноль-Девятый у меня! – спокойно отрапортовал Феоктистов. Он успел нырнуть в подпространство. В клюве капсулы моргал контейнер с удачно выдернутой душой Хельмута Кройцера. Оставалось лишь вложить её в очередную идеальную телесную оболочку обер-лейтенанта.

Эфир взорвался воплями радости. Орали и «сумеречники», и технари, и почти все офицеры Управления. А оцепеневшая командор-атташе восхищённо смотрела в сенсор: «Господи! Да ему же не Солдаты, ему просто какие-то Боги там нужны!»

Глава 1

Для Земли-57 эта история началась в конце мая 1984 года. Советская глубинка, вместе со всей страной, вяло пыталась в очередной раз дать «пятилетку в четыре года». Зато в выходные разбавляла общественно полезный труд истинно стахановской пахотой на собственных подворьях и дачах. У кого, конечно, они имелись. Не являлся исключением и небольшой районный городок Бузулук, раскинувшийся в лесостепном междуречье трёх рек Южного Урала.

Раннее воскресное утро. Хрустальная прозрачность воздуха, промытого ночной грозой, дарила прохожим ощущение особой беспричинной радости. Индустриально-провинциальные пейзажи сонного городка уже оживлялись негромко урчащими легковушками, да редкими фигурами рабочих, бредущих с ночных смен. Но один 15-летний подросток уверенно мчался навстречу новому дню. Это был ещё нескладный, тощий, но достаточно широкий в кости Вовка Емельянов. Он радостно бодал асфальт подошвами старых ботинок, уверенным топотом разбивая остатки ночной тишины. Рот мальчишки сам по себе расплывался в счастливой улыбке. Пьянящий аромат распускающихся тополей кружил голову, и на душе становилось очень приятно. Ведь торопился он к своим самым лучшим друзьям! А что может быть приятнее компании таких же озорных фантазеров, когда впереди ещё целая жизнь? А, главное – весь, без остатка, этот выходной!

Впрочем, в глубине души, он подозревал, что гораздо приятнее может оказаться девичья компания... Но непроизвольно возникающие мысли об этом тут же загонял вглубь, чтобы не портить столь редкого настроения праздника. Увы – внешность была его слабым местом. Вовка, скрепя сердце, признавал, что пока не являлся эталоном красоты. Длинный, угловатый, с жесткими темно-русыми волосами, вечно торчащими «а-ля воронье гнездо». Но самое обидное, что ещё и «очкарик»! Надо же было в 11 лет поставить тот клятый эксперимент с натрием. До сих пор не может понять, что там получилось. То ли что-то не дорассчитал, то ли наоборот, слишком хорошим химиком оказался. Но с таким трудом добытые реактивы, вместо красивого свечения, попросту взорвались. Прямо в полуметре от его любопытной мордашки. Хорошо, хоть вообще глаза не выжгло. Но после длительного лечения на его задорном носу уверенно прописалась уродливая «оптика» в неуклюжей оправе.

Паренек все-таки расстроился и не заметил заинтересованного взгляда первой же встречной девушки. Тем более что уже показалась заветная пятиэтажка друзей. Вид облезлого панельного фасада мгновенно вернул состояние радостного возбуждения. У них впереди целый день! Его тезка, Владимир Феоктистов, уже наверняка в нетерпении проглядел все окна и придумал новую захватывающую «фантастику» – костюмированную игру о приключениях в космосе. А там и Колька Зубров подойдет.

Вдруг Вовка резко остановился. Его словно обожгло чьим-то пристальным взглядом. Резко вскинул голову вверх. Это ещё что такое?! В прозрачном утреннем небе горела звезда. Большая. Яркая. Даже наполовину поднявшееся солнце не могло затмить её света. Паренёк удивленно всмотрелся:

– Ничего не понимаю! Сейчас уже никаких звезд не должно быть. Разве что Сириус? Или Венера?..

В голове фанатичного поклонника космонавтики, как в справочном железнодорожном автомате, защелкали названия звезд, комет и прочего вселенского хлама, обретавшегося в видимости Земли.

– О, господи! Она увеличивается в размерах. ЛЕТИТ!!!

Емельянов бросился вперед, сшибая зазевавшихся прохожих. Иногда, невпопад, извинялся. А звездочка, у которой так и не появлялось ни грозди парашютов спускаемого аппа-

рата, ни языков тормозных двигателей, ни характерного «хвоста» болида, плавно опускалась. По виду – куда-то за пятиэтажку друзей. Причём, делала всё совершенно бесшумно.

– Блин, да что же ЭТО? И куда падает? В карьеры, что ли? – прикинул направление Вовка. Рванул изо всех сил. Видел бы его сейчас учитель физкультуры! На одном дыхании проскочил микрорайон, крохотные дачки, самовольно наляпанные горожанами по берегу высохшей речки Домашки, и ворвался в степное царство глиняных холмиков. Где-то дальше был карьер кирпичного завода.

Очевидно, охотник, выслеживающий в джунглях ягуара, не так осторожно крался по сельве, как хоронился Емельянов, разыскивая опустившийся НЛО. В его воображении всплывали яркие картины метеоритных воронок и виды серебристых «тарелок» на тоненьких металлических ножках. И всё-таки сердце екнуло, когда среди глиняных холмиков, бурого сухостоя и зелёных метёлок полыни блеснула сталь матового конуса. Вот он – корабль пришельцев!!! Сколько Володя мечтал, сколько грезил в бессонные ночи! Неужели случилось?! И он, именно он является сейчас свидетелем первого контакта землян с инопланетянами?!

В этот момент Емельянов явственно различил в корпусе НЛО дверь. Хотя готов был поклясться, что за мгновение до этого её не было! Борт казался цельнолитым. Меж тем отделившаяся часть обшивки плавно опустилась, образовав легкий трап, и в дверном проеме появился силуэт существа в аккуратном скафандре. Чем-то он напоминал высотные доспехи современных лётчиков-истребителей. По его внешнему виду сразу становилось понятно, что обладатель принадлежал к гуманоидной расе.

Мальчик постарался ещё сильнее вжаться в мокрую глину. Но существо, похоже, уже увидело его. Они сделали несколько лёгких, практически бесшумных шагов и протянуло руки, показывая пустые ладони с пятью растопыренными пальцами. Восходящее солнце подкрашивало громаду инопланетного скафандра в холодные, кровавые тона. Но явно миролюбивый жест успокаивал. Пронизывающий ветер наполнял легкие землянина ароматами молодой полыни и весенней сырости, сильный озноб колотил тело. Было сильное ощущение нереальности происходящего.

Не отрывая взгляда от головы пришельца, Емельянов поднялся и тоже продемонстрировал пустые ладони. Пальцы мальчишки крупно дрожали от утреннего холода и накатившего страха. Чужак понятливо кивнул и дружелюбно, даже как-то панибратски, махнул рукой в сторону своего аппарата. Заходи, мол. Давно ждём.

НЛО тем временем принял вид обычной глиняной горки. Даже покрылся бурыми кустиками прошлогодней челиги, островками молодой зелени и несколькими желтыми «одуванчиками» мать-и-мачехи. Только сюрреалистический вход с тесным шлюзом отличал её от множества подобных. Вовка изумился, но, немного поколебавшись, всё же направился внутрь. Во всяком случае, инопланетяне не принялись сразу палить во все стороны тепловыми лучами, как предрекал в своё время достопочтенный мистер Уэллс.

В шлюзе их обволок голубоватый газ с сильным запахом полыни и жареного лука. Затем его вытеснил простой горячий воздух.

– Это ещё ничего, – вслух сказал землянин. – Я уж думал, вы метаном дышите!

Инопланетянин не отреагировал. Он провел Емельянова по ярко освещенному коридору в отсек цилиндрической шахты. Там они постояли некоторое время, а затем вышли в тот же самый проход. Вот только закончился он не шлюзом, а полукруглым техническим помещением. Очевидно, шахта всё же как-то доставила их на другой уровень. По обилию обзорных панно, кнопок и совсем уже непонятной аппаратуры Вовка решил, что находится на пульте управления кораблём. Тем более, повсюду стояли прозрачные кресла. Правда, какие-то несерьезные. Больше похожие на детские надувные игрушки. На центральном сидел человек. Обычный темноволосый парень лет 25-30-ти на вид. А не какая-нибудь, к примеру, разумная жаба. Это ещё больше успокоило парнишку.

Провожатый ловко снял громоздкий скафандр и тоже оказался симпатичным рослым блондином. И он, и дежурный у пультов были одеты в серо-зеленые рабочие комбинезоны, наподобие спецовок студенческих строительных отрядов. Да и их сразу располагающие, приятные лица хоть сейчас годились на плакат серии «Комсомолы-добровольцы». Первый инопланетянин сноровисто убрал «доспехи» во встроенный шкаф, достал какие-то механические стальные коробочки и начал присоединять их к главному пульту. Около минуты ушло на эту процедуру. Затем ещё столько же он что-то там подкручивал, вполголоса споря с оператором. Причём, всё это время блондин демонстративно улыбался Емельянову, которого предусмотрительно посадил на одно из кресел. Наконец, облегченно вздохнул, повесил коробочку на грудь, а вторую протянул Вовке.

– Рад тебя приветствовать на нашем корабле! – раздался из неё противный надтреснутый голос. Землянин удивился, но ответил:

– Энно ядзуцу фрал камана!

Тем же омерзительным тембром, но уже из другой коробочки. Что, вообще-то, должно было обозначать: «Я тоже рад встрече!»

«А!» – догадался Вовка: «Это у них механический переводчик такой!»

– Как ты нашел нас? Ведь мы садились в пустынное место, рассчитывая, что корабль успеет мимикрировать под местность?

Мальчишка проглотил непроизвольно подступивший комок:

– Я увидел падающую звезду и со всех ног помчался за ней. Я всю жизнь мечтал встретиться с инопланетянами!

Оператор опять что-то вполголоса бросил, а переводчик тут же прогундел:

– Значит, и система невидимости вышла из строя.

– Похоже на то. Там ведь тоже какие-то элементы связаны с общей сетью...

– Так вы потерпели аварию?! – догадался землянин. Инопланетяне смутились. Оператор, покраснев, уткнулся свои экраны, а блондин, помявшись, всё же ответил:

– В каком-то смысле, да.

– Давайте я помогу! – вскинулся Емельянов. Но тут же поправился: – Если смогу, конечно. И если разрешите.

– Похоже, у тебя доброе сердце, – снова улыбнулся собеседник. – Это хорошо. Понимаешь в чем дело, фантом...

– Фантом?! Вы сказали «фантом»?

– Подожди, не перебивай. Мы не совсем инопланетяне, как ты думаешь. Мы – инопространственники. Есть много параллельных миров, существующих одно в другом.словно матрешки, только гораздо сложнее. Вселенная во Вселенной. И как бесконечна каждая из них, так и пространств бесчисленное множество.

– Я что-то слышал о теории параллельных пространств.

– Прекрасно. Значит, тебе не придется много объяснять. Самая суть – в ваше пространство, то есть тоже на Землю, но на другую, мы уже засылали и зонды-разведчики, и экспедиции наблюдателей. Они собрали обширный научный материал, в частности, изучили ваши языки. А наша цель итоговая, обобщить и дополнить банк данных, на основании чего составить целостную картину вашего мира. Но – увы. Произошло непредвиденное. При преодолении одного из промежуточных слоев в наш энергетический отсек угодила довольно большой звездный булыжник. Метеорит, то есть. Он как раз падал на ту эфемерную Землю и, по закону подлости, именно в этой точке нашей траектории. В принципе, вероятность подобного должна была составлять что-то около одной трехтриллионной. Но, видимо, эту-то триллионную мы и поймали... В общем, сидим сейчас без общей энергетической сети, которая вырубилась сразу и, похоже, надолго. Это, конечно, не смертельно – все жизненно важные системы работают

автономно. Но остальная аппаратура, в том числе и наша научная, сейчас бесполезна. А без нее посредник не более чем летающее космическое корыто. Даже анабиоз вырубился.

– Вы разгадали секрет анабиоза?

– Да. Переходы легче осуществлять в состоянии «уснувшая жизнь». Впрочем, сейчас вся система жизнеобеспечения на нуле.

Фантом грустно вздохнул.

– Мы даже не можем собрать нормальные пробы воды, почвы и воздуха. Кругом полно подобных тебе энтузиастов! – он указал на экраны, где обычно пустынные карьеры напоминали ярмарку в день распродажи. Менее расторопные, чем Вовка, свидетели падения загадочной звезды безуспешно пытались найти её обломки. Причем, один стоял прямо на верхушке закопавшегося в землю корабля пришельцев.

– Я могу выйти и набрать все, что вам нужно! – с надеждой сказал Емельянов. С первого шага по межзвездному кораблю его не покидало ощущение восторженной эйфории. Словно мальчишка попал в один из своих самых сокровенных снов.

– А что? Не плохая мысль! – подал голос заметно повеселевший оператор.

Вскоре неугомонный любитель ботаники, как это, наверное, могло показаться со стороны, собирал гербарии, набирал образцы грунта, глины и минералов. Затем спустился вниз и зачерпнул воды из лужи. Точнее, одного из озёрок, оставшихся после половодья в русле пересыхающей речки Домашки.

Фантомы поблагодарили Вовку, а блондин, специалист по контактам, сообщил, что общая сеть корабля уже, практически, восстановлена.

– Ещё немного – и все будет в порядке! – весело сказал он. – Никак не найдут поломку в одной из ванн.

– А что у вас за энергия? – заинтересовался Емельянов.

– Ток, подобный вашему электрическому.

– Может эту ванну просто отсоединить и замкнуть цепь напрямую?

Володя хорошо знал и любил электромеханику, поэтому рискнул предложить самый простой и логичный, с его точки зрения, выход.

– А что? Пошли, попробуем.

Блондин снова повёл с собой, и вскоре они оказались в отсеке жизнеобеспечения. Там уже собрался почти весь персонал корабля, свободный от вахты. Всего что-то около двадцати человек, мужчин и женщин. Хотя, последних всё же было поменьше. Внимание Вовки сразу же привлекла одна... «фантомочка».

На вид – 18-19-летняя девушка с большими черными глазами на очень хорошеньком личике. Как и все, она внимательно смотрела на копошащихся у ванны злых, уже взопревших инженеров. Одежда инопространственной прелестницы абсолютно не походила на типичный скафандр, в которые сплошь и рядом одевали своих космических героев земные фантасты. На ней была удобная белая спецовка с накладными плечиками из твердого материала и щегольскими красными швами, того же покроя юбочка чуть выше колен и обтягивающее трико телесного цвета. Довершали костюм изящные серебристые туфельки на среднем каблучке.

Темные, почти черные волосы, мягкой волной прикрывавшие плечи, густые красивые ресницы и тонко изогнутые брови выгодно контрастировали с цветом ткани. На левой груди, волнительно проступающей под тонкой тканью спецовки, ярко алела эмблема – карточное сердце на черном бархатном фоне, крест-на-крест перевитое узкой белой лентой.

«Врач!» – догадался землянин.

– Ну, говори! – подтолкнул провожатый. Емельянов подошел к инженерам, что-то яростно накручивавшим в железных потрохах, и, преодолевая робость, произнес:

– Ребята, а не легче её вообще отсоединить, а провода замкнуть напрямую?

Один из фантомов поднял голову. Лихорадочный взгляд «куда-ты-сволочь-делся?» медленно потух, перетекая в «тебе-какого-черта?!» Мальчишка почувствовал себя крайне неловко. Он произвольно заелозил руками по собственным бокам, не зная, куда их деть. А инженер полностью осмотрел новоявленного рационализатора и довольно злобно ответил:

– Много вас тут, советующих!

– А ты попробуй! – вступился за Вовку блондин.

Инженер молча открутил ванну от пола. Затем специалисты быстро срастили четыре мощных кабеля в два. Мрачный фантом вылез из ниши и повернул какой-то рубильник. Тотчас же яркий свет потух, и комнату залил мягкий, с зеленым оттенком.

– Ур-р-а-а!!! – взвыл переводчик своим хриплым кашляющим баритоном, внеся диссонанс в дружный молодой рёв. Но тотчас со стен полился нормальный перевод:

– Ура фантому!

– Вот это специалист!!!

– Да выкинь ты эту рухлядь, дружище – все уши повяли от его хрипа! И так всё слышно!

Вовка послушно отсоединил ставший уже ненужным переводчик. А к нему подскочил теперь уже сияющий инженер и стиснул руку:

– Извини, я тебя обидел! Мне так неловко.

– Да что ты, все в порядке... – смутился Вовка.

– Я Мишнелъ, будем знакомы.

– Володя.

Емельянов увидел восторженные черные глаза фантомочки и тотчас теплый комок подкатил к горлу. Инопространственники благодарили его, жали руки, хлопали по спине – словно он был их самым близким приятелем. А землянин лишь смущенно улыбался и никак не мог отвести взгляда от необыкновенной звездной девушки. Она подошла к Емельянову, и комок разросся до невероятных размеров, перекрывая дыхание. Мелкая дрожь пробежала по телу. Вовка испуганно захлопал глазами. Все произвольно замолчали. А девушка, сразу уловив решительность момента, мягко взялась теплыми руками за предплечья подростка, а затем, чуть изогнувшись, с силой притянула его к себе и долго, чувственно поцеловала в сухие горячие губы.

Мягкая сладость девичьего рта первый раз в жизни обожгла лицо Емельянова. Жаркая волна тут же ударила в голову, начисто отключив «соображалку», и сладкой истомой охватила область подбрюшья. Словно сквозь вату, заложившую уши, Вовка расслышал одобрительный рев инопространственников. Под градом двусмысленных шуточек о назревающем «тесном контакте» миров, он неожиданно понял, что все эти фантомы были очень молоды. Не старше 25 лет. Что, мягко говоря, не совсем соответствовало его представлениям о космонавтах. А главное, что и к нему они относились как к равному. Что, конечно, тоже было не совсем правильно с земной точки зрения. Но ведь, если разобраться, пришельцы-то, в конечном счёте, от всего только выиграли... Похоже, землянам предстояло ещё отрабатывать и отрабатывать технику контактов.

Системы корабля ожили, и фантомы дружной веселой толпой убежали работать. Буквально через пару часов, за время которых Емельянов успел только осмотреть корабельную оранжерею, работа экспедиции была завершена. На прощание молодые ученые подарили Вовке целую гору вещей-сувениров (в том числе и злополучную анабиозную ванну), а так же накормили обедом, изготовленным в бортовых системах жизнеобеспечения. Непривычные блюда оказались такими же приятными, как и их творцы. Паренек сам удивился, когда с аппетитом «умял» аж три стандартные корабельные порции.

Долгим взглядом, держась за руки, простились понравившиеся друг другу фантомы. А затем корабль-посредник рванул вверх, озарив голубое небо пламенем фейерверка. Оче-

видно, это был ещё один, прощальный привет от звездных друзей своему земному приятелю. Глядя в его потухающие огни, Вовчик тихо повторял имя исчезнувшей девушки:
– Зоринка... Зоринка... Какое красивое имя – Зоринка!

Глава 2

Феоктистов опять не услышал будильника и проснулся, когда лучи солнца уже нещадно выжигали светлые обои на стенах спальни. Не спеша сел в кровати и с удовольствием потянулся. Наконец-то воскресенье! Целый день о школе можно не вспоминать. Красотища! К тому же светило припекало уже совершенно по-летнему, от чего настроение улучшалось с каждой секундой.

– Пожалуй, так можно проспять весь выходной!

Володя решительно отбросил одеяло, обнажив коренастое туловище. Кошечка, тихо дремавшая на соседней, аккуратно заправленной, кровати, тут же испуганно вскинула голову. Она подозрительно уставилась на молодого хозяина, и он успокаивающе погладил её по голове:

– Спи, лупастая!

Под ногами привычно загремели не убранные с вечера игрушечные бронетранспортеры и танки. Подросток деловито переложил их в специальную коробку. Затем ссыпал в старый портфель разнокалиберных пластмассовых солдатиков и самодельных фашистских мотоциклистов, после чего засунул его под стол. Туда же, после некоторого колебания, отправилась и коробка с бумажными полумоделями самолетов. Сегодня, к сожалению, это не пригодится. Емельянову не нравится любимая игра Феоктистова и Зуброва в летчиков-истребителей Второй мировой войны. Он предпочитает театрализованные сюжеты о приключениях космических разведчиков и контактах с инопланетянами.

Феоктистов умылся, затем торопливо проглотил холодный завтрак и подошел к окну. Емельянова все еще не было.

– Вот скотина! Обещал ведь пораньше придти!

Володька направился к зеркалу. Пару секунд критически осматривал своё отражение. Физиономия, пожалуй, что подкачала. Овальное, чуть сужающееся книзу лицо. Прямые темнорусые волосы. Высокий лоб. Внимательные серо-зеленые глаза, сидящие чуть ближе друг к другу, и узкие губы (как сказала соседка по парте – «взгляд волка»). Довольно заметные скулы. Нос с горбинкой. Блин! Татарская кровь, что ли, проглядывает? Впрочем, горбинку он честно «заработал» в секции бокса. Вот если бы её оттуда как-то убрать! Совсем другой вид был бы. Впрочем, вроде и так нравится девчонкам. И в классе, и во дворе. Правда, большей частью не тем, кому надо... А впрочем, чего разнылся? Морда как морда. Не хуже иных прочих. Да и вообще, говорят – мужик должен быть лишь чуть симпатичнее обезьяны!

Успокоившись, достал чугунные 4-килограммовые гантели и занялся силовой гимнастикой. Недавно начавшие наливать мускулы довольно заметно перекачивались под кожей, поэтому Володька с удовольствием смотрел на «игру мяса». Чем большую атлетичность приобретала фигура, тем больше ему нравилось своё отражение. Ну, прямо Аполлон в молодости.

Сегодня выдался удачный день – мать работала, а сестра еще с вечера уехала к тётке. Всё воскресенье можно было смело посвятить друзьям. Отца у Володьки давно уже не было. И хотя матери-одиночки часто балуют детей или, наоборот, не уделяют им должного внимания, Феоктистова подобная участь миновала. Под умелым воспитанием матушки он рос не по годам рассудительным и начитанным. Но при этом оставался в меру озорным советским романтиком.

Когда терпение уже практически лопнуло, в прихожей всё же рассыпалась мелодичная трель дверного звонка.

– Ну, наконец-то!

На лестничной площадке, действительно, стоял вспотевший и запыхавшийся Емельянов. Он попытался что-то сказать, но не смог. Поэтому принялся попросту хватать хозяина за майку.

– Ты что, взбесился что ли?!

Вовка, наконец, смог кое-как отдышаться:

– Не спрашивай, блин... Помоги затащить... Одну штуку...

Вдвоем они перенесли подарки инопространственников в спальню Феоктистова. При этом насмерть перепугали несчастную кошку. Василиска прямо-таки панически боялась больших предметов в руках людей, так как недавно Володька уронил на неё гладильную доску. Саму ванну друзья с трудом пропихнули через узкую дверь в небольшой зал.

После отлета корабля-посредника, среди оставленных вещей Емельянов обнаружил портативное устройство воздушной подушки. Немного подумав, он сообразил, как его можно было приспособить к анабиозной ванне. Затем сложил внутрь остальные подарки, включил поддув и смог в одиночку дотащить по бездорожью свои, довольно тяжелые сокровища до подъезда пятиэтажки.

В зале Вовка отключил воздушную подушку, и вся система прочно встала на пол. Несколько секунд удивленный Феоктистов осматривал непонятное сооружение. Затем осторожно потрогал аппарат. Странная массивная штука была теплой и твердой на ощупь. Судя по ощущениям, эта фиговина могла быть изготовлена из чего угодно, но только не из металла. Хозяин озадаченно покатал желваки и спросил:

– Слушай, я или дурак, или одно из двух... Это чего мы приперли-то? У меня ведь вечером мать придет и заставит всё выкинуть!

– Я те выкину! – сразу нахохлился уже отдышавшийся Емельянов. И тут же, захлебываясь от восторга, принялся рассказывать о прилете инопространственников. В обычное время Феоктистов, конечно, принял бы всё за очередную фантазию «шизанутого» на космосе Емельянова. Но массивная анабиозная ванна говорила сама за себя.

– Я проспал НЛО?!

Володька импульсивно прижал кулаки к глазам. Вот ведь блин!!! Он тоже искренне любил космос и мечтал о контакте с инопланетянами. Пусть и не так фанатично, как Емельянов. В неподдельном гневе Феоктистов отвесил ванне мощнейшего пинка. Аппарат даже не пошатнулся, а вот Володька тут же рухнул на пол, уцепившись за отбитую ногу. Несколько минут шипел и тихонько подвывал, перемежая это не совсем литературными выражениями, характеризующими как догадливость Емельянова, так и полезность принесенной им штуки. И лишь полностью исчерпав небогатый запас подростковой нецензурицы, смог подняться и немного успокоиться:

– Скотина, блин! Меня разбудить, что ли, не мог?! Эх! Ладно. Давай подарки, что ли, смотреть.

Впрочем, пришлось сначала опустить ногу в таз с холодной водой. После столь неосторожного удара она отзывалась жуткой болью.

– Ёлки! Я, по-моему, сустав себе вышиб!

– Да кто тебя лягаться-то заставлял? – ухмыльнулся Емельянов.

Ответа он, естественно, не получил.

Затем около получаса ребята рассматривали сувениры. Звездные карты, непонятного назначения аппараты, изящные безделушки, какие-то части скафандров, эмблемы, шевроны и еще много чего, что покрывало ковер в зале. Особенно им понравились голографии экипажа, похожие на черные плоские портсигары. Стоило их раскрыть, как в пространстве между двумя плоскостями возникали объемные цветные снимки пришельцев. Причем, в зависимости от угла раскрытия, фигурки то беззвучно хохотали, то махали руками, а девушки, как правило, посылали воздушные поцелуи. Вот только Зоринку хозяин не смог как следует рассмотреть – Емельянов быстро выхватил «снимок» и спрятал в нагрудный карман.

После подарков ошалевшие от восторга ребята перешли к самой анабиозной ванне. Внешне она походила на раскрытый тюльпан, два вытянутых лепестка-саркофага которого могли сворачиваться в плотный бутон. Сеть датчиков и других непонятных систем покрывала

«цветок» замысловатым, но логически правильным узором. А из мощного стебля-станины, как своеобразные корни, выходили отростки четырех больших кабелей.

– Она что, на электричестве работает? – спросил Володька.

– Нет. Но на токе, подобном электрическому.

– Это как?

– Ну... – замялся Емельянов. – Почти электрическим. Но не на нем... Несколько иного рода... Но, в основном, таком.

Он аж покраснел от напряжения, пытаясь сформулировать определение, даже для него оставшееся не совсем ясным.

– Понятно. А что, если... – озорные искорки-бесинки зажглись в глазах Феоктистова. – Приспособить её под электричество? Можешь?

Вовка опешил:

– Вообще-то я не думал...

– А чего тут думать? Трясти надо! Как это можно соорудить?

Емельянов наморщил лоб, внимательно осмотрел выходы кабелей и, наконец, изрек:

– Нужно много проводов, изолянты и... ну, вилку, что ли. Что бы в розетку было чем включить.

Сказано – сделано. Через два часа все проводочки инопространственного аппарата были сращены с их земными собратьями и выведены на бытовую электрическую вилку.

– Ну, с богом! – сказал Феоктистов и включил ванну. В обыкновенную земную розетку напряжением 220 Вольт. И абсолютно ничего не произошло. Вовка глубокомысленно хмыкнул и повернул рычаг времени на одно деление. Снова нулевой результат. Однако стоило ему потянуться к следующему рычагу, как «тюльпан» вдруг угрожающе загудел и свернулся в бутон. Ребята радостно переглянулись:

– Работает!!!

Впрочем, тут же посерьезнели и напряженно уставились на аппарат. К их огромному облегчению, примерно через минуту, он совершенно самостоятельно распахнулся. А ещё через пару секунд рычаг времени, сухо щелкнув, вернулся в исходное положение. Володьки азартно пожали друг другу руки и алчно закружили вокруг станины. Они ещё не знали, что будут делать с «уснувшей жизнью», но уже пытались придумать наилучшее применение.

Увы, несмотря на кажущуюся «взрослость», друзья были всего лишь беззаботными мальчишками. Поэтому в романтических, восторженных головах не возникло даже тени удивления или сомнения по поводу случившегося. Будь ребята хоть чуточку старше, наверняка задались бы вопросом – как мог неизвестно на чём работающий, да к тому же «неисправный» инопространственный аппарат так легко запуститься от подключения к земной бытовой электросети переменного тока? Да ещё и без каких-либо переходников.

– Нужно проверить, как она действует на живые существа! – от волнения Феоктистов слегка охрип. – Подожди, я сейчас...

Прихрамывая, бросился на улицу. И на лестнице нос к носу столкнулся с идущим к нему Николаем Зубровым – стройным темноволосым крепышом, напоминающим молодого Александра Македонского. В нескольких словах Феоктистов прояснил ситуацию и поковылял дальше. Колька, не раздумывая, повернул следом.

– Кого ловить будем? – карие глаза Зуброва мгновенно загорелись азартом. Ему не терпелось посмотреть на аппарат инопространственников.

– Кошку или собаку бродячую. Чтоб, если сдохнет, никто не расстроился.

– Понял. Там за домом, в траве, щенки вчера бегали, – вспомнил Николай.

Зубров, родители которого были инженерами-технологами и долгое время работали на обогатительных заводах Средней Азии, переселился в Бузулук всего пару лет назад. Как известно, в подростковом возрасте всегда очень трудно терять привычные связи и вливаться

в какой-либо новый коллектив. Будь то класс или двор. А уж тем более – город! Поэтому дружелюбный и предприимчивый Феоктистов оказался для него поистине бесценной находкой. Вскоре Николай уже перезнакомился со всеми товарищами нового друга. Вместе с ними, за время летних каникул, облазил весь Бузулук и окрестности. А также пристрастился к новым, необычным для него играм – емельяновским «фантастикам» и феоктистовским «авиационным войнам». Очень быстро Зубров опять почувствовал вкус к жизни! Имея же надежных приятелей по месту жительства, проще было втянуться и в школьные будни нового коллектива. Поэтому Николая с Владимиром связывала очень крепкая дружба. Не смотря на то, что парни были очень разными по характеру, оба испытывали огромное удовольствие от общения.

Вскоре ребята, действительно, увидели маленького толстопузого бедолагу, деловито перебиравшего лапами в высоких зарослях прошлогоднего бурьяна. Охота не заняла много времени. Когда щенка принесли Емельянову, тот критически осмотрел подопытного:

– Какой-то маленький...

Жалобно скулящая собачка тут же справила малую нужду прямо на его брюки.

– Ах ты, зассанец!

Емельянов решительно сунул щенка в один из «лепестков» и включил аппарат. После чего побежал в ванную.

Через минуту из «тюльпана» неожиданно показался громадный волкодав. Он коротко рыкнул и бросился на Феоктистова. Парень в два прыжка покрыл расстояние до кухни, схватил табурет и ткнул в морду псины. Николай поспешил на помощь. Вовка выбежал на шум и чуть не упал через бросившуюся под ноги Василиску. Тут же сунул её в анабиозную ванну, а сам попробовал укрыться за тумбочкой с телевизором.

Через минуту произвольно включенный Емельяновым «тюльпан» распахнулся, и оттуда поднялась серая полосатая громада. Кошка увеличилась до размеров хорошей рыси. Вовка полез на сервант. Зубров дико заорал, отпрыгнул в угол прихожей и закрылся табуретом. А Феоктистов, оставшись один на один с волкодавом, от испуга подломился в коленях и упал на спину. Но продолжал удерживать тянущегося к горлу зверя.

И тут всё закончилось. Василиска прыгнула на спину собаки, два раза полоснула её своими когтистыми лапами, а затем, ловко извернувшись, вцепилась зубами под нижнюю челюсть. Через пару минут дико рычащую кошку, вместе с ещё трепыхающимся трофеем удалось вытеснить на лестничную площадку. Володька, весь залитый своей и собачьей кровью, истерично трясся и не мог говорить. Знаками показал, что хочет пойти в душ, но самостоятельно подняться не смог. Вовка с Колькой подняли его и помогли. Вскоре за белой крашеной дверью послышался плеск и другие характерные звуки. А друзьям ничего не оставалось, как заняться уборкой.

Через полчаса следы необыкновенной битвы, которые можно было скрыть общими усилиями, благополучно исчезли. А ещё через некоторое время мальчишки решились заговорить. Причем, первым, как это ни странно, оправился Феоктистов. Он задумчиво разлил по кружкам горячий чай, а потом изрек:

– Честно говоря, парни, я тоже хочу за одну минуту стать большим и сильным.

Наступило многозначительное молчание. Ребята сосредоточенно дули на кипятилок и обкалывали в уме новую вводную. Потом Зубров спросил:

– Чего-то я не понял. Почему это аппарат не усыпляет зверей, а увеличивает их?

– Он же не на электричестве работает, – вступился за инопространственный «подарок» Емельянов. – Их энергия только похожа на нашу. А наш ток, к тому же не постоянный, как на их корабле, а переменный, очевидно, оказывает совсем не анабиозный эффект. А увеличивающий.

Емельянов пользовался у друзей огромным авторитетом именно как человек, больше других преуспевший в науках и имевший задатки крупного ученого. (Только вот ещё не опре-

делившегося, в какой области будет специализироваться). Поэтому его объяснение, тем более с таким количеством малопонятных терминов, показалось весьма убедительным.

– Ванна, получается, не замедляет, а как бы ускоряет время, что ли? – уточнил Феоктистов. – Отчего подопытные и становятся сразу такими большими и сильными?

– Ну да!

Феоктистов повеселел:

– Вот я и говорю – я тоже хочу стать большим и сильным!

– А почему именно ты? – тут же возмутился Зубров.

– Да, – поддержал его Емельянов. – Почему ты-то? Я тоже хочу стать большим и сильным!

– Да вы не поняли! – начал оправдываться тот. – Мы все станем. Только я первый.

– Да почему ты-то?! – вскипел Николай.

– Ну, потому что из нас троих я самый сильный. И если что-то случится со мной во время эксперимента, у меня больше шансов выжить. К тому же кто-то обязательно должен остаться здесь. А кроме тебя, Вовик, это поручить некому. Мы же с Николкиным вообще в этой технике не «рубим». Ты хотя бы отключить сможешь, если что не так пойдет. А если всё пройдет хорошо и получится, как надо – вы просто сделаете то же, что и я.

Емельянова подобный расклад вполне устроил. К сожалению, авторитетом он пользовался только среди друзей. Тем более – как ученый. Зубров, похоже, был не согласен, но ещё не придумал, что возразить. Он только обиженно засопел.

Вдруг со стороны входной двери раздалось уверенное царапание, и в комнату вошла громадная Василиска. Под её блестящей шкурой ощутимо перекатились бугры мускулов. Феоктистов несмело приблизился и, увидев, что любимица не проявляет агрессивности, начал с удовольствием гладить кошку. Зубров ещё раз обиженно посмотрел на них, а квартиру наполнило громоподобное мурлыканье.

– Ну, вообще-то, у меня всё готово, – намекнул Емельянов.

– Ну и я готов! – сразу вскочил Володька. Нарочито медленно занял место в «лепестке» и, скрывая волнение, заорал:

– Поехали!

Вовка повернул рычаг. В это мгновение Николай сорвался с места и распахнул второй «лепесток». Быстро юркнул внутрь. Емельянов не успел его остановить – ванна уже загудела и начала сворачиваться. Он лишь заметил, как скрестились два взгляда – осуждающе-недоуменный Феоктистова и задорный, радостно-вызывающий, Зуброва.

* * *

Очнулись экспериментаторы где-то на припёке, среди высоких зарослей бледно-зеленой травы. Оба лежали в тех же позах, что придало забытие «уснувшей жизни», но никаких следов анабиозного аппарата вокруг не наблюдалось. Метрах в десяти, по краям небольшой поляны, красовалось кольцо пышных высоких кустов, а за ними поднимались кроны многочисленных лиственных деревьев. Теплый порывистый ветер недвусмысленно шевелил это великолепие, донося то сырой запах прели, то медвяный аромат разнотравья.

– Господи, лето, что ли уже наступило? – ошарашено пробормотал Зубров.

Феоктистов ещё раз окинул его осуждающим взглядом, но ничего не сказал. А тем временем полностью пришедший в себя Колька ощупал тело:

– Слушай, по-моему, мышцы у меня больше не стали.

– Мозгов бы тебе кто побольше вставил, экспериментатор долбаный! Ты за каким лядом в ванну полез?!

– Тебе одному, что ли, на халюву «качаться»?

Несмотря на эмоциональность разговора, настоящей злости у мальчишек не было. Напускная грубость составляла их особый жаргон, лишний раз подтверждавший тесную дружбу.

– Ну ладно, «накачался»? – съязвил Володя.

– На себя посмотри.

Феоктистов вынужден был признать, что мускулы, действительно, остались прежними. Зато полностью исчезли раны от зубов и когтей волкодава. Да и отбитая об анабиозную ванну нога чудесным образом исцелилась.

– Ну и ладно. Главное – вообще живы остались. Слушай, я чего-то вообще не понимаю. Что, блин, за бардак такой с этой ванной дебильной творится? То увеличивает вместо усыпления. То усыпляет, когда не надо, и закидывает фиг знает куда!

Колька лишь неопределенно пожал плечами.

– Понятно, – хмурый Феоктистов еще раз критически осмотрел местность. – Ну, хотя бы сообрази, где мы сейчас? Сколько времени прошло? Да и куда переться теперь прикажешь?

– Так ты, вроде как начал эксперимент! Вот и соображай. А я вообще в последнюю секунду запрыгнул.

– Придурок, короче. Сказал же – после меня лезь! – теперь уже всерьез вскипел Володька. – Ну, да ладно. Сейчас, наверное, где-то июнь. Судя по листве. А находимся мы, скорее всего, в Бузулукском бору. Так, и по солнцу...

Феоктистов поколдовал с часами:

– По солнцу – нам туда.

Зубров тут же вскочил:

– Ну, пошли, Сусанин!

А «командир» неожиданно огорчился:

– Слушай, а ведь если сейчас лето – накрылся мой перевод в 9-й класс!

– Да ладно, не переживай! В нашу школу переведёшься.

Зубров давно мечтал, чтобы Феоктистов оказался с ним хотя бы в одной школе. Тем более что он был на класс старше. А в мальчишеских драках, регулярно случавшихся за его новым учебным заведением, помощь или хотя бы присутствие рядом дружественного старшеклассника многого стоили. Однако Володьку эта идея не успокоила. Вконец расстроившись, он пошёл вперед. В тени деревьев жар солнца почти не ощущался. Там, где не росли кусты, землю покрывал густой слой папоротника, коварно маскирующий буреломы и многочисленные завалы из сухих веток. На их преодоление уходило немало сил и нервов. К тому же, в лесу сильно парило, и ребята были вынуждены снять рубашки. Но уже через несколько минут, с проклятиями, натянули обратно – откуда-то налетели огромные, почти сантиметровые комары. Часа два, потея, матерясь и отбиваясь от кровопийц разлапистыми листьями папоротника, друзья шли в выбранном направлении. Наконец Зубров не выдержал:

– Блин. Давайте отрубим Сусанину ногу! Не надо, не надо – я вспомнил дорогу!!

Феоктистов лишь скупой улыбнулся. Песенка была стара.

– Слушай, а ты ошибиться не мог? Что-то мы, кажется, не туда прём.

Мальчишки остановились:

– Да идем-то мы правильно. Вот только...

– Что «только»? – Колька сразу почувствовал в голосе друга растерянность.

– Да бор-то наш, в основном, сосновый. А здесь, сколько ни прём – ни одной сосны. Да и папоротник этот странный, чуть не по пояс.

– Так это что – не тот лес, что ли?

– Боюсь, что не тот.

– Ну здра-асьте-приплыли! Ты что, действительно, Сусаниным на полставки устроился?

– Да пошел ты...!!!

Закончить фразу он не успел, так как Зубров тут же, практически на ровном месте, ухнул под землю. Правда, не совсем. Руками успел уцепиться за торчащие, узловатые корни деревьев, и теперь повис на них, испуганно таращась из-под листьев папоротника.

Володька упал на живот и помог вылезти из довольно глубокой земляной ямы, до поры скрытой тонким слоем валежника. На дне торчал деревянный острозаточенный кол.

– Это ещё что за на фиг?!

– Похоже на волчью яму.

Николай выразился такими словами, каких, по идее, и знать был не должен.

– Слушай, ты меня так больше не посылай! – вполне серьезно попросил он.

Феоктистов согласно кивнул:

– Да и ты уж, в таком случае, воздержись.

В этот момент ребята слышали яростные крики, громкий, явно металлический лязг и конское ржание.

– Блин, это еще что? Колхозники, что ли подрались? – предположил Володя.

Друзья направились в сторону новых звуков. Но теперь уже не спеша, опасаясь странных ям. Минут через пять крики стихли, однако ребята продолжили идти в выбранном направлении. По крайней мере, там были люди. Густой лес плавно сменился мелким подлеском, папоротник кончился, и друзья вышли на обширную поляну, сплошь заросшую соцветиями высокой травы. В её зарослях паслись две очень крупные оседланные лошади. В нескольких местах в траве проглядывали какие-то светлые, словно матерчатые, продолговатые кучи.

– А где колхозники? – спросил Николай. Не дожидаясь ответа, направился к животным. Но, не дойдя, попятился, что-то пробормотал и быстро побежал обратно. Феоктистов рассмотрел, что так напугало Зуброва, и сам издал глухой крик.

Перед ними лежал только что убитый человек. Совсем молодой парень, на вид чуть старше их, беспомощно раскинулся на траве и широко раскрытыми глазами смотрел в бездонное небо. В дополнение к шоку от зрелища насильственной смерти, друзей ошеломил наряд мертвеца. На голове был деревянный шлем, похожий на выеденную половинку яйца, окованную по краю и крест-накрест через верхушку неровной железной полосой. Под подбородком он крепился ремешком. Туловище закрывал белый холщовый балахон, из-под которого выглядывала куртка из коричневой грубой кожи, напоминавшей солдатскую кирзу. На ногах такие же грубые кожаные штаны, заправленные в короткие ворсистые сапоги. Из горла покойника, слегка подрагивая от ветра, торчало полуметровое древко оперенной стрелы. Пробитую шею и траву вокруг заливали потёки буреющей, уже сворачивающейся крови. Но её тошнотворно-сладкий запах терялся в сильной вони давно не мытого тела и закишей одежды убитого. Наверное, поэтому над свежей раной уже крутился рой крупных мух.

Все пять куч оказались телами таких же мертвых воинов в кожаных куртках. Двое тоже были убиты стрелами, а остальные, похоже, зарублены. Что представляло ещё более отвратительное зрелище. На поляне нашлось и оружие, скорее всего принадлежавшее убитым. Во всяком случае, оно им здорово подходило. Это были небольшие 80-90-сантиметровые мечи, со следами ручнойковки на клинках. Заточенными у них были лишь кончики и первая треть лезвия. Обнаружились и круглые деревянные щиты, как и шлемы, укрепленные по краю полосами железа, со следами отражённых ударов на лицевой части.

– Господи, да что же это такое? – побелевшими от страха губами постоянно спрашивал Колька. – Что здесь происходит?

– По-моему, на кино не похоже... – наконец ответил бледный Володька, вылезая из-за куста. Зубров испуганно схватился за рот, и еле сдерживая судороги, тоже скорчился в приступе рвоты. Минут через пять полегчало и ему.

– Пора отсюда сваливать. И чем быстрее – тем лучше.

С большим трудом друзья поймали гнедого жеребца. Обоих била нервная дрожь, но ребята, не сговариваясь, вооружились мечами, щитами и шлемами убитых. Перед лицом непонятной, неизвестной опасности им хотелось иметь хоть что-то, способное послужить для

самозащиты. Затем мальчишки вдвоем влезли в одно седло и неумело, но быстро помчались с места трагедии.

Через несколько минут конь вывез их к проселочной дороге, по которой в разные стороны ехали повозки и шли группы людей. Но не привычных колхозников, а каких-то непонятных личностей в странных плотных одеждах, хаотично украшенных яркими разноцветными лоскутами! К тому же, по всей видимости, ещё и не русских. Потому что, когда те начали разбегаться, друзья не поняли ни слова из громких воплей.

– Блин, куда это мы попали? – ошарашено спросил теперь уже Феоктистов. Вопрос повис в воздухе, так как ответа не имел в принципе.

Через некоторое время, осмотрев брошенную местными лопату с непривычной поперечной рукояткой на конце, Володька изрек:

– Слышь, Колек, кого-то мне эти уроды здорово напоминают.

– Кажется, нас приняли за хулиганов, – довольно спокойно отреагировал Зубров.

– Ага. Или за идиотов, сбежавших из ближайшего дурдома.

– Не думаю, – Николай кивнул в сторону поворота, за которым скрылись личности в непривычных костюмах и шляпах. – В таком случае они сбежали бы из соседней палаты.

Друзья зашли поглубже в лес и зацепили повод коня за подходящий сук. Обоих уже начал донимать голод, но никакого выхода из создавшейся ситуации не просматривалось.

– Слушай, по-моему, этот дурацкий анабиозный аппарат вообще сработал обратно во времени. Причем, далеко не на одну минуту! – жадно обкусывая травинки, заявил Зубров.

– Похоже на то. К тому же мы, вроде, ещё и здорово переместились в пространстве. Это ведь явно не Россия. И даже не Русь...

Ребята немного помолчали.

– Слушай, Володь, а как же мы теперь назад вернемся?

– Да фиг его знает, товарищ майор... По-видимому, никак.

Повисло гнетущее молчание. Первым его нарушил Зубров:

– Блин! И дернуло нас с этим анабиозом связаться! Куда же это, интересно, нас занесло?

Володька неопределенно пожал плечами:

– Я тебе пособие по истории, что ли? По-моему, такие костюмы носили где-то в Европе в средние века.

– При рыцарях, что ли?

– Ну да. Тут у них ещё попы всякие должны быть, короли там, разбойники...

– Слушай, так может, нас за разбойников-то и приняли? – вдруг оживился Николай.

– Да кто же их знает-то?

– Ну, так это. Может, действительно, попробуем поразбойничать? Один фиг ничего не умеем. А уж по башке-то как-нибудь дадим! Тем более, оружие уже есть.

– А тебе не стыдно будет грабить и убивать бедных крестьян? – брезгливо поморщился Феоктистов.

– Ну почему сразу крестьян?! – обиделся Николай. – Можно нападать только на богатых. Как Робин Гуд!

Феоктистов оживился. Только недавно по телевидению прошел английский сериал про легендарного разбойника, оказавший огромное впечатление на друзей.

– Как Робин Гуд? Вообще-то, мысль. Но давай уж совсем на крайняк оставим.

Глава 3

Все же друзья решили вернуться к проселку. Ведь это было единственное известное им здесь людное место. Крестьяне (или кто они там были на самом деле?) сновали по дороге довольно часто, отчего мальчишки не решились сразу подходить близко. Вскоре кто-то из прохожих заметил коня, и с тракта донеслись громкие встревоженные крики. Пришлось вновь спешно удаляться вглубь чащи.

– Блин, и здесь свои сложности! – огорченно сплюнул Зубров.

– Тебе не кажется, что идея с разбоем вообще туфтовая? – мрачно спросил Владимир.

– Это почему?

– А ты в школе хоть раз у младшеклассников деньги отбирал?

– Не-ет... А это-то здесь при чем? – искренне удивился Николай.

– Притом. Если нет склонности к преступной жизни, так и не получится ничего.

Зубров промолчал, понимая, что приятель опять оказался прав. При всем заманчивом антураже Робин Гуда, вживую зарубить кого бы то ни было вот этим самым настоящим мечом Зубров, пожалуй, не смог бы. Перед глазами всё ещё стояли окровавленные покойники с лесной поляны.

– Ну и чем заняться предлагаешь? Милостыню просить? Или в батраки наняться?

– А хотя бы!

– Так мы же языка не знаем.

Теперь замолчал Феоктистов. Потом вздохнул:

– Слушай, а ведь если здесь, действительно, средневековье, так нас еще и повесить могут.

Или, там, на костре сжечь. Живьем.

– Это за что же, интересно?

– Да мало ли за что! Здесь инквизиция знаешь, как свирепствует? Чуть что не так – сразу на костер. А «докопаться» можно и до столба. У тебя, вон, одежда непонятная какая-то, говоришь фиг знает на каком языке. Да и вообще – откуда ты, такой красивый, здесь взялся?

Ответа не последовало. Зубров молча осмотрел свои потрепанные джинсы и теплую фланелевую рубашку. Затем зачем-то проверил содержимое карманов и грустно вздохнул.

– Ладно! Мы в лесу или где? Пошли ягод, что ли, или грибов каких поищем.

* * *

До самого вечера друзья наугад бродили по сырому, местами сильно заболоченному лесу. Пытались отыскать хоть что-то съедобное. В более сухих местах деревья стояли мощные, крепкие. Их стволы снизу обтягивали зелено-коричневые шубы живого мха, а нижние ветки, как своеобразные лианы, оплетали нити и плёнки засохших лишайников. Сквозь повсеместные буреломы лезли к солнцу частые прутья молодого подростка. Так что продираться через заросшую и захламлённую чащобу было весьма проблематично. В болотистых местах лес стоял более хлипкий и редкий, как правило – с перекрученными уродливыми стволами. Но туда лезть вообще не хотелось.

Не смотря на обилие сырости, грибы не попадались. Чем всё время заставляли вспомнить анекдот про Штирлица, который сказал «Видать, не сезон!» и зашвырнул корзинку в сугроб. Лишь на закате мальчишкам удалось найти на одной из сухих полянок немного лесной земляники, которая только начинала спеть. От голода Зубров даже вспомнил, что можно есть молодые побеги папоротника. Ими друзья, уже в сумерках, и набили жадно заявлявшие о себе желудки. Спать легли на голой земле, устланной охапками того же растения. В итоге замерзли, не выспались и проснулись с ломотой во всём теле. А в довершение бед, очевидно от папоротника, обоих прошиб сильнейший понос. Лишь трофейному коню все было нипочем. Спал он

стоя. Наверняка при этом не замерз. А с утра пораньше, с видимым удовольствием, принялся хрупать сочную траву.

– Нет, Коль, на траве мы долго не протянем. Мы же не лошади!

– А где ты мясо возьмешь? – злой Зубров страдальчески держался за многократно злодейски опорожненный живот.

– Да, хотя бы, вон! – Феокистов указал на ближайшее дерево, в кроне которого деловито сновали и перепархивали какие-то чёрные птицы. Не то скворцы, не то дрозды, кто их разберёт. Вообще, присмотревшись, друзья поняли, что этот лес буквально кишел жизнью. Птиц было много, они то и дело попадались на глаза. Пару раз на край поляны выходили группы мелких светло-коричневых оленей. Ночью кто-то красноречиво хрюкал неподалеку. Наверняка, кабаны. Да и разных следов на земле попадалось множество.

Зубров явно заинтересовался:

– Слушай, а чем охотиться будем? Тут рогатку бы в самый раз. Но не из трусов же резинку выдергивать! Из такой рогатки не сделать. Да и на лук не пойдет.

– Смотри как их тут много. Может, просто камнями попробуем пошибать?

– Ну, давай!

На дне прозрачного лесного ручья, из которого ребята пили весь прошлый день, им удалось отыскать несколько крупных окатышей гальки. Ими и попробовали поохотиться. Птицы подпускали людей достаточно близко, но от камней раз за разом уворачивались. Настырные мальчишки, полностью вымотавшись бесцельными бросками, некоторое время отдыхали, но потом вновь выбирали дерево с птичьей стаей. В конце концов, более меткому Николаю повезло. Он подшиб какого-то зазевавшегося пернатого. Тот сверзился с дерева, но тут же попробовал снова взлететь. Оба приятеля бросились на ускользающую добычу и безжалостно добили ударами плоских сторон мечей. Азартно порывкая, тут же ошипали. И лишь держа в руке тощую тушку, напоминавшую сдохшего от голода цыпленка, Феокистов спросил:

– А жарить-то на чём будем?

Остаток дня провели, безуспешно пытаясь добыть огонь трением. В результате лишь стерли себе руки до кровавых мозолей.

– Блин, так птица вообще протухнет! – в сердцах ругнулся Николай. – Давай, хоть выпотрошим, да на солнце подсушим.

Несчастную тушку разделали. При этом не брезгливый Феокистов, к тому же доведенный голодом до отчаяния, откусил и прожевал кусок сырого птичьего мяса.

– Фигня, конечно. Но если завтра ничего не придумаем – можно будет и сырой слопать.

Назавтра они ничего не придумали. Кроме того, что можно было попробовать половить рыбу в ручье. Подкрепились сырой птицей и занялись плетением «мордушек». Благо ива по обеим берегам росла в изобилии. К сожалению, у них не было при себе ничего железного, из чего можно было сообразить крючок для удочки. Поэтому пришлось ограничиться рыбными ловушками. Этот день они вообще ничего не ели.

Следующий оказался чуть более продуктивным – Зубров подбил еще одного дрозда, а Феокистов, регулярно проверявший ловушки в ручье, добыл трёх рыб. Птицу слопали сырой, а рыбу почистили и повесили на ветках сушиться. День был достаточно жаркий, поэтому к вечеру от неё уже ощутимо пахло сохнувшим рыбьим жиром. За эти дни друзья сделали себе на берегу шалаш, который покрыли плотным слоем папоротника. Внутри наклали двадцатисантиметровый слой мелких сухих веток и сухой травы. На такой «подушке» спать было хоть и холодновато, но уже не так тяжело, как на голой земле.

Очевидно, именно запах их и подвел. Уже в сумерках из зарослей неподалеку от шалаша вышел крупный серый зверь. Зубров первый заметил пришельца:

– О, блин! Смотри, овчарка.

«Овчарка» зарычала и недвусмысленно обнажила клыки.

– А ну пошёл на фиг отсюда!!! – замахнулся Колька. – Пошёл!

Именно отсутствие страха и спасло его от немедленного нападения. Феоктистов с мечом в руке встал рядом:

– Какая, на фиг, овчарка! Это волк, Коля! Он хочет отнять нашу рыбу!

– Ах ты, тварь! – животная ярость зверя, отстаивающего добычу, охватила Зуброва. Он так же схватил меч. Не сговариваясь, чувствуя одно и то же, друзья бросились на наглого разбойника, имея для драки лишь по одному, но зато длинному и острому железному зубу. Волк, как и все его собраты, очень чуткий к душевному состоянию оппонентов, сразу определил, что решительно ломанувшиеся существа суть такие же хищники, как и он. А посему, скорее убьют, чем позволят съесть хотя бы кусочек своей добычи. Тем более – их двое, а он пока один! Поэтому зверь, с чувством выполненного долга, уклонился от схватки и побежал искать счастья в другом месте.

Только через несколько минут до друзей дошел запоздалый страх. Это ведь был настоящий волк, прирожденный убийца. И то, что его удалось отогнать, ещё ни о чем не говорило. Что, например, мешает вернуться со всей стаей? Тогда никакие мечи не помогут. С особой остротой пришло ощущение, что они были совершенно одни в этом чужом и враждебном лесу. И никакой от него защиты. Даже обыкновенного огня.

– Что-то дичаем мы с тобой, дружище. Эдак, скоро и сами в волков превратимся, – полусмешливо заявил Феоктистов.

– Вот уж хрена! Ты как хочешь, а я завтра же набью морду первому попавшемуся буржую. Что бы не жировал у себя, когда живых людей волки сожрать хотят. И хотя бы спички какие и еду нормальную у него отниму. Он-то себе еще наэксплуатирует!

– Это ты дело говоришь. Спичек-то здесь, наверное, ещё не придумали. Но вот огниво какое, или чем они тут огонь добывают, у местных богатеев при себе наверняка имеется.

– Я же тебе сразу говорил, что надо было как Робин Гуду действовать! Нет, надо почти неделю голодать, да ещё чтобы самих чуть волки не сожрали!

На этот раз возразить Феоктистову было нечего.

* * *

Наутро было решено одному выдвинуться поближе к тракту, а второму с конем идти в глубине чащи, пока не будет найдено удобное место для засады. Зубров взял под уздцы их транспортное средство, а Феоктистов прокрался ближе к проселку. Некоторое время шли параллельно ему, пока не наткнулись на место, где кусты подступали особенно близко. Быстренько привязали коня, соорудили незамысловатые схроны и затаились.

В тени было прохладно, и из леса начали целыми роями налетать комары. Сначала, боясь себя выдать, мальчишки их почти не прогоняли. Но вскоре укусы стали вообще нестерпимы. К тому же звенящая туча привлекала внимание прохожих. Они, как правило, поудобнее перехватывали свои посохи и лопаты и поспешно проходили странное место. Пришлось вернуться в лес, надрать по огромному вороху папоротников и почти полностью закопаться. Этим мальчишки ещё более замаскировали свои схроны.

Комары мало-помалу успокоились. Но ребят начала донимать мысль о том, что они собирались совершить самое настоящее преступление. От этого тело прошивала мелкая неприятная дрожь, сердце часто и гулко ухало, а руки всё время потели. Оба невольно стискивали деревянные рукояти мечей, пытаясь придать себе смелости. Увы, огромные мускулы некоторых проходящих мимо крестьян заставляли серьезно задуматься. К тому же, за полчаса ожидания, по дороге не проследовало ни одного богача. Улучив момент, когда тракт практически опустел, Владимир сдавленно проговорил из своей кучи:

– Слушай, ну его на фиг, этот разбой! Давай чем-нибудь другим займемся.

– Давай! – согласился Николай. Но именно в этот момент из-за поворота показался верховой воин. Он был в белой полотняной накидке-балахоне с каким-то рисунком на груди. Голову

закрывал кольчужный подшлемник. Стальной цилиндрический шлем с «Т»-образной прорезью красовался на луке седла. На перевязи висел длинный прямой меч. Почти достигшая поворота одинокая повозка поспешила уступить путь всаднику. Но у того, похоже, возникли иные намерения. Вороной конь направился прямо к крестьянам. Судя по тому, что седло под воином заметно «штормило», всадник был не совсем трезв. Может, этим всё и объяснялось?

Жеребец почти наехал на склонившихся в глубоком поклоне бородастого мужчину и стройную русоволосую девушку. Да так, что притаившиеся в сотне метров ребята непроизвольно ахнули. Всадник, пошатываясь, слез с коня. Коротко, без замаха, ударил кулаком в кожаной краге в голову простолюдина. Тот упал. А едва начал подниматься, получил мощный пинок.

– За что он его так? – побелев от ярости, прошептал Зубров.

– Иди, спроси.

– Ну, блин! Я этому буржую башку на фиг отрублю!

– Тише ты! Пусть ближе подъедет.

Ненависть к «эксплуататорам трудового народа», недавно бывшая лишь элементом их военно-исторических игр, вдруг ошутимо колыхнулась в душах друзей. Каждый новый удар воина отзывался вспышками слепой, щенячьей ненависти, наполнял мальчишек горячей, пульсирующей злобой. В ней было сразу всё: тоскливая голодная боль, жуткий животный страх смерти, сострадание к избиваемым «рабоче-крестьянам» (особенно к миловидной девушке), горечь унижения от ударов, в своё время полученных от прибалтнённых хозяев школ – членов «шобл» второгодников. А главное, осознание, что теперь они могут всё изменить. Исправить. Ведь у них есть оружие!!!

– Мы не сможем его убить. Он весь в кольчуге! – свистящий шепот Зуброва был полон злого отчаяния.

– Ничего, Колек! В Гражданскую танки захватывали без гранат и пушек, а тут всего-навсего какая-то пародия на рыцаря. К тому же, небронированная. Справимся.

– Как?

Володька почувствовал себя персонажем одной из игр-«фантастик», где их героям частенько приходилось решать подобные задачи. Правда, с игрушечными автоматами и бластерами.

– Хитростью. Я выскочу перед ним на дорогу и отвлеку на себя. А ты в это время подкрадешься сзади и рубанешь по шее. Только бей изо всех сил. Всё, тихо!

«Буржуй» тем временем порылся в повозке и, не найдя ничего интересного, повернулся к поднимающей крестьянина девушке. Хозяйским жестом схватил за длинные волосы, рывком поставил на ноги. Крестьянка громко вскрикнула: «Ма-а-а-ма!!!»

Этого Феоктистов не выдержал. Знакомый крик буквально выбросил его из схрона. С мечом наперевес он помчался на помощь. Воин тут же отреагировал – оттолкнул девушку и плавным, быстрым движением надел шлем. И селянин, и его спутница воспользовались моментом и опрометью бросились в лес. Подальше от жестоких сложностей жизни.

Первоначально Володька собирался дожидаться момента, когда «буржуй» поравнялся бы с их засадой. Там он планировал выскочить на дорогу и свалить верхового на другую сторону жеребца. Вдвоём с Колей они должны были расправиться с упавшим... Но получилось так, что теперь он сам спереди подбегал к средневековому воину. Причем, уже изготовившемуся к бою. В отличие от горе-разбойника, под матерчатым балахоном тот был защищен длинной стальной кольчугой. Так что, похоже, и первоначальный план не имел шансов на успех... Кольчужник молниеносным движением выхватил свой меч. Подпустив мальчишку ближе, изящным взмахом выбил его клинок и что-то спросил. Причем, почти понятно. Что-то вроде:

– Ты иже еси?

В этот момент, с бешеным воплем, Зубров так же выскочил из схрона и кинулся на подмогу. Воин, словно не ощущая обтягивавшего его металла, резко развернулся. Сверкающее лезвие свистнуло в воздухе, и страшной силы удар обрушился на щит второго подростка. Клинок, по приданной траектории полетел дальше, верхняя половина защиты Николая в одну сторону, нижняя в другую, а тело назад, на обочину. Володька яростно вскрикнул. Время вдруг для него словно ускорилося, растянув краткие мгновения в долгие секунды. При этом мир, почему-то, стал чёрно-белым. Чётко, как на замедленной съёмке, летел вперед головой оглушённый Зубров, плавно вращались в воздухе куски щита, а кольчужник продолжал медленно разворачиваться. При этом движения и рефлексy самого Феоктистова оставались прежними. Его меч лежал метрах в трех от схватки. Слишком далеко! Зато совсем рядом, на поясе у врага, красовался длинный узкий кинжал в ножнах. Феоктистов метнулся вперёд. Почти обнял железную громаду соперника, выхватил его оружие и с силой ударил куда-то под шлем-ведро, чуть выше кольчуги. Почувствовал мягкое, попробовал освободить клинок... И время вновь пошло обычным порядком.

Сильнейший удар обрушился на его голову, и сознание на мгновение померкло. С трудом до Феоктистова дошло, что он лежит в дорожной пыли. Левый глаз ослеп, а по щеке текла горячая струя крови. Воин коротко взмахнул мечом, но практически в последний момент Володька успел подставить щит. От мощного удара во все стороны полетели деревянные и металлические осколки. Инерция «отсушила» руку и прошла в живот. Во рту разлилась горечь выбитой желчи.

«Жить, жить, жить!!!» – заметалась в голове заполошная мысль. Остатками разбитой защиты горе-разбойнику удалось ещё раз спасти себя от рассечения на две части, но этот удар окончательно сломил его сопротивление. Он был уже не в силах поднять руки. Впрочем, нанесенная им рана тоже оказалась серьёзной. Уже весь балахон на груди кольчужника был залит кровью, вытекавшей из-под шлема. Воин шатался всё сильнее и уже с трудом поднимал меч. Неожиданно, вместо очередного замаха, он перехватил оружие клинком вниз и с силой воткнул в тело мальчишки. Тот лишь коротко всхрипнул. Боли он не почувствовал. Но острый жар выбил сноп слёз из уцелевшего глаза.

«Неужели, это конец?!» – мелькнула яркая, пронзительная мысль.

Вместе с потоками крови быстро утекало сознание. Впрочем, Феоктистов ещё успел рассмотреть, как сзади к воину приблизился бледный, шатающийся Николай. Клинок он сжимал двумя руками. Подросток замахнулся, но враг почувствовал новую опасность. Резко развернувшись, отмахнулся от неумелого рубящего удара. Словно поставил блок каратэ обтянутым кольчугой предплечьем. А затем проткнул мечом и Зуброва. Последнее, что слышал Феоктистов, был пронзительный крик друга.

* * *

Сначала была боль. Она накатывала волнами и приходила яркими вспышками. Грызла тело стальными зубами и превращалась в море из пылающих углей. И всё реже прерывалась черными провалами беспамятства. В один из таких моментов Феоктистову показалось, что он подошел к какой-то двери. Даже скорее огромному круглому люку, как на подводных лодках. За ним, он точно знал, должны были закончиться его боль и страдания. Но кто-то большой и невидимый во мраке безжалостно отшвырнул его прочь. «Тебе ещё рано!!!»

А потом он увидел глаза. Зеленые кошачьи глаза на уродливом человеческом личике, увенчанном парой маленьких рожек. Чёртик жадно смотрел на Володьку и, почему-то, лизал его лицо длинным гадким языком. Лишь через несколько секунд до мальчишки дошло, что это был не чёртик, и даже не кошка, а маленькая чёрная собачка. Которая тщательно, словно щенка, вылизывала его. Вообще-то, пёсик был довольно мерзкий, и Феоктистов испытал огромное облегчение, когда тот, наконец, спрыгнул. Он очень отчетливо помнил бой, и то, как его убивал воин в кольчуге. Откуда же взялась собачка?

Вокруг стоял полумрак. Совсем низко, в каких-то полутора метрах над ним, нависала двускатная крыша из потемневших стропил и грубого, похожего на кору, кровельного материала. Вместо потолка шли параллельные ряды тонких жердей, на которых были развешаны венички сушёной травы, пучки корешков и ещё что-то, напоминавшее мелкие экспонаты из кабинета биологии. Пахло сеном и химией. У Володьки видели оба глаза.

Слева раздалось торопливое хлюпанье. Феоктистов с трудом повернул голову, и увидел знакомую неприятную собачку, которая старательно вылизывала лицо Зуброва. Оба мальчишки, совершенно обнаженные, если не считать своеобразных бинтов из грязных окровавленных тряпок, лежали на деревянном топчане. Здесь же, в головах и по бокам, что-то горело в трех глиняных плошках, распространяя сладковатую вонь и чёрную копоть. Но самое главное, в комнате находился ещё один человек! Чумахая древняя старуха, что-то заунывно бормотавшая и напевавшая себе под нос. Причем, в правой руке она держала острый кованый нож с чёрной рукояткой, а в левой – большую шевелящуюся жабу. Этим омерзительным земноводным старуха, словно мочалкой, растирала ноги Зуброва. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы связать свое воскрешение с появлением этой Бабы-Яги и её забытыми способами медицины.

Наконец, Коля жалобно застонал. Собачка спрыгнула с топчана, а старуха одним взмахом ножа снесла жабе голову и небрежно отшвырнула тело куда-то в сторону. Как оказалось, прямо в огонь небольшого очага. Или камина. А потом преспокойно достала ещё одну плошку и поднесла к губам Феоктистова. Не доверять действиям этой Бабы-Яги было уже глупо, и он послушно отпил тёплой солоноватой жидкости. Пока приступ тошноты не оттолкнул губ от чашки. Было такое ощущение, что ему дали попить свежей крови. Во всяком случае, характерный тошнотворно-сладкий запах просто шибанул в ноздри. Силы вновь начали испаряться, и мальчишка соскользнул в сон.

Следующее пробуждение было более приятным. Пахло мясным бульоном. Гости из будущего по-прежнему лежали на топчане, разве что были ещё и прикрыты какой-то грубой рогожей. А давешняя миловидная старушенция сидела у очага и помешивала супчик, как раз и распространявший восхитительный аромат. Увидев, что мальчишки проснулись, что-то спросила. Язык был явно славянский. Что-то вроде польского или болгарского. Но смысла обращения они не поняли. Тем более что в школе Феоктистов изучал немецкий (из которого понимал разве что «ауфвидерзеен» и «Гитлер капут»), а Зубров – английский (с примерно равным объемом познаний).

Наконец, хозяйка поняла, что толку от мальчишек не добиться. Единственное, что они смогли разобрать из её долгого монолога, было имя спасительницы – Линде. Сама старушка так же повторила их имена почти без акцента: «Коля» и «Володя». После чего накормила горячей похлебкой с большими кусками жёсткого, недоваренного мяса. С голодухи оно показалось волшебной пищей древних богов. Когда ребята наелись, хозяйка, помогая малопонятной речи красноречивыми жестами, показала, что пора выходить из избушки. С огромными мучениями друзья сползли с топчана и, держась друг за друга, побрели к двери.

– Наше счастье, что голодные в драку полезли! – ободряюще сказал Феоктистов.

– Это еще почему?

– Да я слышал, что если на войне кто-то получал рану в живот на полный желудок, то спасти его было уже невозможно. А вот если на пустой – лечили.

Снаружи оказалось, что жилище приветливой бабушки не имело куриных ножек. Но в целом здорово соответствовало типу – было старенькое, низенькое, заросшее мхом по самую крышу. Да и стояло в середине густого лиственного леса. Двор был небольшой, без огорода, но с большим курятником и несколькими сараями. В одном перетаптывались две лошади. Обычная гнедая и здоровенный жеребец вороной масти.

– Ба! Да это же наши кони! – воскликнул Николай. – Смотри, коричневый, это тот, которого мы на поле поймали. А черный – это же того буржуя!

Тем временем хозяйка вывела мальчишек за ограду и жестами показала, что ей нужен хворост. Матерясь и охая, они приступили к работе.

Так прошло около двух месяцев. Ребята все больше понимали «бабушку Линде» и помогали ей в меру возможностей. Оказалось, что хозяйственная старушенция перетащила к себе всё, что нашла на месте их битвы с местным феодалом. Кроме, разве что, самого раненого рыцаря. Его она обобрала буквально до нитки, а вот лечить, почему-то, не стала.

Сначала друзья собирали указанные колдуньей стебли и листья лекарственных растений. При этом скрупулезно выполняли предписанные ритуалы, имевшие под собой явно магическую основу. Конечно, посмеивались про себя, но вести атеистическую пропаганду не спешили. Зачем, собственно? Ведь, не смотря на атрибутику, лечение шло более чем успешно. Единственное, что они в него добавили, была личная гигиена.

Дело в том, что их спасительница словно вообще не представляла, что воду можно было не только пить или использовать для приготовления снадобий. Хотя буквально метрах в тридцати от избушки протекал широкий ручей. Друзья завели обыкновение каждое утро умываться в нём и стирать с древесной золой свои старые «бинты». А так же купаться по вечерам в холодной воде, раз уж не было иной возможности помыться.

Сильно удручала мальчишек и ещё одна непонятная особенность доброй «Бабы-Яги» – она очень редко готовила горячую пищу. Кроме той первой мясной похлебки, лишь ещё раз сварила суп с олениной, да однажды обжарила на углях три куса медвежьего мяса. В остальное время приходилось питаться похлебками-затирухами, приготовлявшимися без термической обработки, орехами, ягодами, луком и сырыми яйцами. Большими деликатесами были хлеб и сыр, которые иногда приносили колдунье пациенты-крестьяне. От них, кстати, хозяйка старательно прятала пришельцев из будущего. А хворост, который мальчишки регулярно собирали, весь сгорал под её бесчисленными котелками. Колдунья не то готовила снадобье, требовавшее многих дней труда, не то просто развлекалась сложными алхимическими экспериментами. Причем, как правило, лишь по ночам.

Несколько окрепнув, парни начали активнее помогать «бабушке Линде». Теперь они стали косить траву на лесных полянах. Скошенному давали подсохнуть день-два, после чего копнили и нагружали в старенькую телегу. Запрягали в неё мерина, специально для этого купленного старушкой. Так они заготовили себе запас сена на зиму, в том числе для оставленной пары боевых коней, а потом «бабушка Линде» начала увозить его на продажу. Причем, сделки эти, по всей видимости, проходили не совсем законно – днем к колдунье приходили крестьяне, осматривали загруженную телегу и отдавали продукты. А ночью она отгоняла возок в ближайшую деревеньку Солми и возвращалась оттуда уже под утро, порожняком. После чего ребята ехали загружать новый стожок.

По совету «бабушки Линде» теперь они всегда брали с собою оружие. И в один из дней батракам, действительно, пришлось вступить в бой. Не думая о сложностях жизни, перешучиваясь и пересмеиваясь, они выкашивали очередную лесную полянку, когда из подлеска выехал верховой солдат. Экипирован он был примерно так же, как и первые покойники, встреченные в этом мире. Увидев увлеченный крестьянский труд, служивый, почему-то, возмущенно заорал и пришпорил коня в их направлении. На ходу выхватил меч и, без объяснений, полоснул им Николая. Тот кулем рухнул на мокрую от травяного сока стерню. Владимир, пригибаясь, бросился к повозке и, пока солдат разворачивался, натянул выданный ведьмой лук. А затем выстрелил прямо в центр несущегося всадника.

Стрела попала в металлическую бляху на его куртке и нападающий грохнулся на землю. Но тут же, с несомненной руганью, поднялся. Феоктистов тем временем наложил вторую стрелу и пустил навскидку, «по-татарски». Вновь попал. Но солдат попросту выдернул из себя

стрелу и пошел на косаря, покачивая обнаженным клинком. Ничего не оставалось, как тоже вооружиться мечом, подобранным на поле мертвецов.

Схватка была короткой и бесславной. Третьим выпадом воин обезоружил мальчишку. Но когда уже занес руку для удара, сзади шепеляво свистнула коса. Её широкое лезвие аж изогнулось от резкого соприкосновения с его шеей, закрытой кожаным капюшоном. Оказывается, солдат не зарубил Зуброва, а ударил его лезвием как дубиной, плашмя. Зато Николай в остревении измочалил о него всю косу.

После этого подростки ещё более озлобились на враждебный мир. Они по-прежнему косили траву и собирали хворост, которые тайком продавала крестьянам колдунья, но теперь вынуждены были ещё и с оружием в руках защищать свой труд. Общение с «бабушкой Линде» постоянно обогащало их словарный запас, и ребята смогли, наконец, немного разобраться в сложностях своей новой жизни. Все леса были личными угодьями короля. Охота, сенокос, рубка деревьев и даже сбор хвороста в них карались смертью. Следили за соблюдением этого королевские егеря, которые патрулировали лесные массивы и устраивали в них хитроумные ловушки для ловли и уничтожения браконьеров.

Как выяснилось, «долбанный аппарат» забросил друзей вообще в какой-то химерический мир, где смешались признаки сразу нескольких известных им эпох. Они находились в стране под названием Норман. Но не в Средневековье, как предположили изначально, а в какой-то немыслимой, де ещё и рабовладельческой дали. Почти весь известный «бабушке Линде» мир здесь занимала огромная Ромейская империя. Её столицу разные народы называли по-разному – «Ромея», «Йорос», «Царьгард» или даже «Троя». Владыке этого государственного образования подчинялся и король Нормана, являвшийся личным вассалом и наместником императора. Говорили здесь на общем, ромейском языке. Причём, он сильно напоминал смутно известный по своему миру церковно-славянский. (Благодаря чему и изучался довольно быстро). Самое же удивительное заключалось в том, что по утверждению «бабушки Линде», совсем недавно, всего каких-то несколько лет назад в Йоросе был распят Сын Божий. Он же – император Андроник, по прозвищу Иисус Христос. То есть, путем несложных подсчетов, напрашивался вывод, что от родного времени друзей отделяло без малого две тысячи лет!

Но этим все странности не исчерпывались. Страны, входящие в Ромейскую империю, были её отдельными составными частями – фемами, в каждом из которых правил свой наместник-король. Везде активно использовали труд рабов. Но при этом все фемы Ромеи, по всей видимости, давно являлись христианскими. Во всяком случае, едва до них дошла весть о гнусном убийстве Сына Божия, как объединенные войска имперцев, по призыву короля некоей Тартарии, тут же бросились мстить троянцам. Причем, называли эту войну «Крестовым походом»! Впрочем, особого успеха пока не имели, так как уже несколько лет безуспешно осаждали хорошо укрепленную крепость Йорос. В отличие от Иерусалима известной друзьям реально-сти, этот город располагался не в сердце аравийской пустыни, а на побережье некоего «Эвксинского моря». Через него в Трою переправлялись отряды крестоносцев, а обратно возвращались корабли с захваченными ими ценностями и рабами.

В настоящее время Норманом правил король Ратибор, по прозвищу Львиное Сердце. Причем, как и его легендарный тезка из родного ребятам мира, этот тоже собирался в крестовый поход. Где-то в далеком столичном Кангарде он снаряжал войско, в связи с чем изыскивал любые возможности для пополнения казны. В частности, ввёл столь жестокие и несправедливые ограничения на пользование своими лесами.

К свободным людям здесь относились представители «благородных» сословий – монархи-наместники и члены их семей, правители составных частей фемов – шерифы (они же графы), бароны и рыцари, а также все воины и церковники. Из простого народа свободными были некоторые ремесленники, жители городов и служители культов древних богов. (К последним бабушка Линде относилась и себя, хотя не стала уточнять, каким богам служит). Остальные

жители Нормана находились в зависимом положении. Причём, в любой момент могли стать бесправными невольниками. Но при этом и сами часто владели рабами, которых использовали на наиболее тяжёлых работах.

В одну из летних ночей, лёжа на охапках свежего сена, друзья готовили себе печёную утку. Рано утром, ещё до сенокоса, Володька смог подстрелить её на близнем болотце. Но заняться приготовлением удалось лишь к вечеру. Выпотрошенную тушку густо обмазали глиной и положили в костер. Пару раз «бабушка Линде» уже запекала таким образом птиц, поэтому юные браконьеры практически не сомневались в своих кулинарных способностях. Единственное, что изводило – слишком долгое ожидание. Но, как выяснилось, постоянное сглатывание слюны неплохо обостряло мыслительные способности.

– Слушай, Колёк, а ведь это совсем не наш мир! – неожиданно произнес Феоктистов. Зубров, словно думал о том же самом, тотчас ответил:

– Почему? Откуда мы знаем, как оно было на самом деле 2 тысячи лет назад?

– Да потому. Во-первых, здесь Сын Божий – это реальный исторический персонаж, а у нас мифическая личность. Поэтому у нас лишь почти через полторы тысячи лет после Его распятия удалось организовать пресловутые «крестовые походы». Да и то, пользуясь средневековым религиозным фанатизмом. А здесь возмущенные люди сразу пытаются отомстить за убийство Сына Бога. И, честно говоря, я их прекрасно понимаю.

– Что ты хочешь сказать? – Зубров был слегка озадачен.

– Прежде всего, что мы не в прошлом. Помнишь, Вовик объяснял, что пришельцы, подарившие ему анабиозную ванну, прилетели из какого-то параллельного пространства? Так вот и аппарат их, будь он неладен, тоже, похоже, зашвырнул нас в какой-то параллельный мир. Туда, где Иисус Христос действительно жил на земле, среди людей.

– Да уж! Похоже на то. И что теперь делать?

– А я знаю? Пока – просто жить, Коля. Жить, как жили. Даже скорее – выживать. В этом долбанном рабовладельческом строе!

Новые знания лишь укрепляли друзей в их «революционной» правоте. Наиболее возмущало, что даже свободных людей здесь не только лишили возможности истопить баню, но ещё и впрямую запрещали «ублажать тела мытьем и купанием». Потому что это, видите ли, считалось грехом. Ребята вообще не понимали, как можно было жить в лесу и не иметь права взять немного сухих веток, чтобы сварить себе суп? Ведь здесь за это на полном серьёзе убивали!

Друзья решили, что будут противостоять несправедливости с оружием в руках до тех пор, пока бьются их сердца. Правда, условились, что их битва не должна превращаться в разбой ради наживы. А так же договорились, что пока будет оставаться хотя бы малейшая возможность, то всё, необходимое для жизни, будут зарабатывать честным трудом. «Бабушка Линде» одобрила это решение.

В целях ограждения «своих» угодий от нежелательных визитов королевских егерей и прочей вооруженной публики, только и мечтавшей, что о пополнении поголовья рабов, подrostки сами предприняли несколько «партизанских» вылазок. Начали подкарауливать в тщательно выбранных местах одиночных солдат, которых расстреливали из луков. После того, как те перестали ездить в одиночку, несколько раз напали на двойки воинов. Меткие бронебойные стрелы и внезапность нападения позволяли им одерживать и такие победы. Но в непрямой рубке даже раненые солдаты наносили настолько серьёзные увечья, что большая часть их добычи уходила на оплату медпомощи «бабушки Линде». К тому же за время лечения мальчишки меньше могли накосить травы и собрать хвороста. Не говоря уж о том, что раненым невозможно было охотиться. Точнее, браконьерствовать.

Тем не менее, «партизанские» вылазки сделали свое дело. К первому снегу в избушке колдуньи удалось наготовить запасы на долгую зиму. А друзья уже уверенно сражались боевыми топорами, без особого труда справляясь с отрядом из двух-трех солдат. Окрыленные

первыми боевыми успехами, они решили вновь напасть непосредственно на «буржуя». За что и поплатились – встреченный рыцарь уехал дальше, а их искалеченные боевым кистенём тела ещё на два месяца «приковались» к топчану в избушке колдуньи. Ведьме пришлось буквально за уши вытаскивать друзей с того света.

За это время «бабушка Линде» ещё сильнее привязалась к загадочным ребятам. В силу своего ремесла, она была более любопытной и терпеливой, чем современники. Тем более ни детей, ни внуков, способных скрасить одинокую старость, у неё не было. Мальчишки же, благодарные за спасение жизни, да еще и изнывавшие от отчаяния в чужом мире, искренне полюбили нелюдимую деревенскую колдунью. Остаток зимы прошел в тренировках, браконьерских охотах и усиленных занятиях ромейским языком.

Глава 4

Гонец в пропыленном плаще и рыцарском балахоне, надетом поверх кольчуги, остановился перед каменной громадой замка. Коротко, требовательно протрубил. Когда в бойнице показался хмурый стражник, открыл бармицу шлема и уверенно представился:

– Шевалье Гаий д`Гисборн. С известием к барону де Шансону!

Имя молодого и отважного помощника Фалезского шерифа было хорошо известно в Шансоне. Вскоре подъемный мост опустился, а железная решетка, закрывавшая ворота, со скрипом поползла вверх. Всадник неторопливо въехал во внутренний двор. Подвел коня к сложенному в центре каменному колодцу, спешил. Проследил, чтобы слуги поводили першерона по двору, прежде чем дать ему воды, и насыпали полную меру овса. Только после этого снял шлем и пошел за услужливо открывающим двери солдатом.

Вскоре гонец уже сидел за столом в просторном, но полутемном зале донжона – центральной башни замка. Узкие стрельчатые окна от ветра были заткнуты надутыми бычьими пузырями, поэтому даже дневного света пропускали мало. Для дополнительного освещения в башне горели настенные факелы. Сэр Гаий отрезал своим столовым ножом куски от хорошо прожаренного кабаньего окорока. Рядом стояла большая деревянная кружка, которую регулярно наполнял сам хозяин, и находилась горячая краюха хлеба. После каждой новой порции эля сэр Гисборн с силой чокался с бароном. От удара темное ячменное пиво немного выплескивалось и попадало в кружку сотрапезника, где перемешивалось. После этого можно было пить в уверенности, что в предложенном питье нет яда. Де Шансона злила пунктуальность рыцаря, всю жизнь выполнявшего полицейские функции при отряде Фалезского шерифа. Но, хорошо зная его характер, барон сдерживался.

Сам барон почти не пил. Лишь пробовал новые порции, демонстрируя безопасность. Грива соломенных волос свободно лежала на его широких плечах, а пышные усы придавали угловатому лицу добродушное выражение. Но холод и блеск бледно-голубых глаз недвусмысленно говорили о крайней жестокости и агрессивности. Наконец, шевалье насытился. Он удобно откинулся на спинку пиршественной скамьи и сказал:

– Третьего дня этот сволочной Робин Худ напал в пределах твоих владений на святого приора из Тюри-Аркура.

– Да к черту приора! – словно только этого и ждал, почти прорычал де Шансон. – Мне глубоко плевать на него и всех остальных толстых ублюдков, вместе взятых! Включая и кретинского Робин Худа! За моими кошельками он не охотится. Ты же знаешь, что я хочу от тебя услышать!

Д`Гисборн улыбнулся:

– К сожалению, мы ещё не располагаем точной информацией.

– Я уже второй год слышу это! А между тем моих солдат по-прежнему режут! И я хочу знать – кто!!!

– Да, ты прав. Дело действительно несколько затянулось.

– Затянулось?! Да я уже почти полностью сменил гарнизон!

– Успокойся, барон. Собственно, поэтому я и приехал. Мы поделимся с тобой и недостоверной информацией.

– Давно бы так, – чуть поостыл де Шансон.

– Дело в том, что в народе всё настойчивее говорят о появлении так называемых «рыцарей Фалезского леса». Впрочем, слово «говорят» здесь не совсем уместно. Скорее – намекают. Потому что даже открыто говорить об этих существах опасно, так как уже этим якобы можно накликать несчастье.

– Надеюсь, ты, благородный Гаий, этого не боишься?

– Ну, я-то, положим, не боюсь! – д'Гисборн непроизвольно улыбнулся. – Положение, знаешь ли, обязывает. Но, продолжу. У этих мерзавцев есть и другое название – «рыцари-оборотни». Говорят, что они никогда не показываются людям. А тех, кто их увидит, ждёт неминуемая смерть. Так что нетрудно понять, почему мы долго не могли ничего узнать.

– И что случилось? Кто-нибудь выжил?

– Нет. Но мы определили их «почерк». Оборотни нападают только на солдат и священнослужителей. А в последнее время ещё и на состоятельных рыцарей без свиты или на свиты без рыцарей. То есть ищут не столько денег, сколько схватки. Деньги же для них – что-то вроде приза победителю. Причем, оборотни выбирают такой бой, победа в котором наверняка останется за ними. В общем, складывается впечатление, что они упражняются, убивая. И, судя по результатам, небезуспешно. Воинское мастерство оборотней постоянно растет. Что ещё характерно, в отличие от обычных разбойников, они очень редко забирают что-либо из оружия и снаряжение убитых. А также НИКОГДА никого не захватывают для получения выкупа. Что, мягко говоря, странно. Ведь теряются огромные деньги. Но эти твари только убивают. Убивают беспощадно и хладнокровно. После их нападений никогда не остаётся живых. Довольствуются же они, по всей видимости, только тем, что забирают у своих жертв.

Де Шансон слушал с большим вниманием, и шевалье продолжил:

– Помнишь щенков, напавших на тебя в позапрошлом году?

– Я же говорил, что был пьян и помню только драку! Да и то смутно. И причем здесь те сопляки? Они же не убили меня, как это делают твои «оборотни». Наоборот, я сам уложил обоих. Правда, когда упал без сознания, их сообщники раздели меня до нитки.

– Вот это-то и нас сначала смутило. Но недавно на плаще одной из жертв, забитой углом щита, я обнаружил вот это.

Д'Гисборн достал испачканный бурыми пятнами плащ и расстелил на столе.

– Ну и что это? – де Шансон добросовестно попытался что-либо разобрать.

– Это отпечаток герба со щита убийцы. Очевидно, когда из живота жертвы хлынула кровь, она залила герб, и в этот момент его накрыло плащом. А убийца или не заметил этого, или не обратил внимания. А теперь же мы сделаем вот что...

С этими словами шевалье снял со стены новый щит барона, мазнул его сажей из камина и оттиснул герб на белой скатерти. Увидев заметное сходство, де Шансон схватился за меч:

– Ах ты, сволочь! Ты хочешь сказать, что я...

Д'Гисборн мгновенно обнажил свое оружие:

– Надеюсь, что не ты! Даже почти в этом уверен.

– Тогда ничего не понимаю!

– Я же спросил, помнишь ли ты тех сопляков? Ведь их сообщники взяли твой щит.

Де Шансон в задумчивости опустил меч:

– Точно, мой щит.

На обоих оттисках угадывалась кабанья голова и роза.

– Вот сволочи-то!!!

– Успокойся, де Шансон. А теперь – о деле. Мы предполагаем, что рыцари-оборотни, это такие же молодые люди, как и убитые тобою мерзавцы. То, что тебя поразила их необычная одежда, говорит о том, что члены этой шайки, скорее всего, иностранцы. Поэтому и прячутся от обычных людей. Но кто-то из местных помогает им. Должны же эти оборотни как-то переводить свои трофеи в деньги, а на деньги покупать, хотя бы, еду. Пока же на рынках Фалеза и других наших вотчин подозрительные иностранцы не появлялись. Можно, конечно, и дальше ждать, но это попросту глупо. Мы хотим одним ударом покончить сразу с рядом проблем. А для этого хотим использовать твой гарнизон.

Барон сразу нахмурился:

– А я здесь при чем?

Красивое лицо шевалье д'Гисборна, чуть испорченное рубцом, оставшимся от плохо отражённого топора сопротивлявшегося должника, непроизвольно расплылось в улыбке. Он знал что, при всех рыцарских доблестях, барон де Шансон был до неприличия жаден.

– Тебе принадлежит большая часть Фалезского леса. С нашей помощью ты можешь навести в ней порядок. Мы сразу разделимся и с бандой Робин Худа, и с этими «рыцарями-оборотнями».

– Заманчиво... И что предлагает твой шериф?

– У нас есть договоренность с соседями о неподвижном блокировании их частей Фалезского леса.

– Правильно, эти трусы только на неподвижное и способны!

– Подожди, не перебивай. Латники шерифа, усиленные моей конницей, начнут прочесывание леса со стороны Фалеза. А ты, со своими вассалами, атакуешь со стороны Шансона. В конце концов, мы заждем этих бродяг между нами и уничтожим.

– И что? Мои солдаты смогут спокойно ездить с поручениями?

– Вне всякого сомнения. И не только солдаты. Купцы, рыцари, священники – все поедут через баронство Шансон, платя тебе законный налог. Кроме того, на подготовку к бою и личные расходы получишь двадцать экю. Золотом. Ну и, естественно, все трофеи с предстоящей операции. А главное, закончишь свои дела с «рыцарями-оборотнями».

Барон задумался. Всё, о чем говорил молодой шевалье Гайи д'Гисборн, было верно. Ни купцы, ни соседи, с которыми де Шансон ещё не успел подраться, действительно давно не навещали его. И в первую очередь, из-за разбойников.

– Решено, – хлопнул он ладонью по столу. – Где моё золото?

Д'Гисборн отстегнул с пояса небольшой кожаный кошелек и небрежно бросил на столешницу. Не оборачиваясь, пошел к уже отдохнувшему першерону. Его задача была выполнена. А через два дня началась громадная полицейская охота.

Однако барон решил убить одним ударом двух зайцев – прочесать лес в поисках разбойников, а заодно и посетить деревню Солми, в очередной раз не заплатившую оброк. Для этого он несколько «подправил» первоначальный план атаки. В направлении деревни прочесывание леса решил осуществить лично, со своими лучшими воинами. Что бы перед ней собраться в мощную ударную группу и забрать в Солми всё, что сочтет нужным. Как уже частенько поступал в подобных случаях. Прочёсывание же Фалеза должна была продолжить редкая цепь всадников. В случае встречи с разбойниками им надлежало звуками рога вызвать их на подмогу. Ведь если учесть, что лес большой, то очень маловероятно, что именно в этом месте и в это время произойдет обнаружение шайки или рыцарей-оборотней.

Правда, несколько смущало барона то, что всё сильное население деревни наверняка окажет сопротивление его ударной группе. А столкновение с крестьянами было бы весьма нежелательно. Они ведь, как никак, продукты выращивают. Да и дерутся, когда их прижмёт, отчаянно. Так что бой ему крайне не выгоден. Ну, по крайней мере, до тех пор, пока солдаты не соединятся с латниками шерифа или не укроются в замке... Но тут в голову де Шансона пришла простая, но поистине гениальная мысль.

* * *

Прошло два года с тех пор как советские старшеклассники попали в параллельный мир. Теперь у них уже была собственная избушка. Они поставили её не очень далеко от домика бабушки Линде, в ещё более глухом и живописном углу леса. Правда, жили там только зимой, да при длительном ненастье. В остальное время помогали колдунье, браконьерствовали, тренировались и ходили в засады. Парни уже достаточно хорошо выучили ромейский язык, и знали, что чашоба, в которой им довелось жить, получила своё название от крупного города-крепости Фалез. Управлял там шериф, или «граф», как его иногда называли. Этому владельцу принадлежала почти вся окружающая местность с деревнями на многие лье вокруг. Жители Фалез-

ского графства не отличались особой зажиточностью, в связи с чем практически не держали рабов. За исключением владельцев замков, да некоторых справных ремесленников, у которых запасы еды всегда водились. Эти-то могли себе позволить прокормить несколько бесплатных работяг, и получить с их труда прибыль. Что ещё сильно понравилось ребятам, так это известие о том, что в одном с ними лесу вот уже несколько лет действовала разбойничья шайка некоего Робин Худа, непревзойденного лучника. В основном, её составляли отчаянные беглые рабы, которые гордо именовали себя «вольными стрелками». Поневоле опять напрашивалась аналогия со средневековым родного мира.

– Похоже, и здесь нам не сильно повезло, – как-то заявил Николай. – У нас-то Робин был по фамилии «Гуд», то есть «хороший». А здесь «Худ». То есть – «худой», «плохой».

– А, не переживай! Поживем-увидим, – философски заключил Владимир. – Мы и сами-то здесь далеко не подарки.

К этому времени друзья уже сильно окрепли, раздались в плечах. Средний рост местных жителей ничем ни отличался от размеров людей их родного мира. Поэтому им постоянно приходилось наращивать мышечную массу, что бы хоть как-то заполнить трофейные кольчуги. Нападения из засады прочно вошли в жизнь, как жестокий ответ жестокому миру. Как-то, в одной из их первых связных бесед, бабушка Линде сказала, что выжить здесь странные пришельцы смогут только в двух случаях – если будут признавать верховенство всех существующих видов силы, или же если сами станут сильнее и беспощаднее прочих. Почему-то первый вариант ребят вообще не устроил.

Может быть, если бы они потеряли свой мир, родственников и друзей в зрелые годы, у парней вообще ничего не получилось. Но в юном возрасте даже самые страшные беды воспринимаются не так безнадежно. Молодые просто не в состоянии представить, что всё, в том числе и собственная жизнь, может внезапно закончиться. Юность проходит ожиданием будущего. Она беспечна и полна надежд. Вот ими-то наши герои и жили. Правда, пока они не представляли, как можно выбраться из западни, где капканом является само пространство-время. Но твердо верили, что всё образуется. Нужно лишь потерпеть и выжить. Поэтому долгие тоскливые месяцы своей новой жизни заполняли многотрудными тренировками, отчаянными рукопашными схватками и суровым лесным бытом. Это заглушало тоску и страх, подбадривало яркими событиями и впечатлениями.

Хотя если бы кто-то спросил друзей, зачем они настойчиво лезут под клинки феодалов и сами убивают людей, то вразумительного ответа, скорее всего, он бы не получил. Причина крылась на уровне подсознания – ребята просто мстили. Мстили за ужас и боль своего первого столкновения с иномирьем, за беспомощность перед лицом смерти, явившейся в образе пьяного рыцаря, за постоянный страх лишиться свободы. И с каждой новой победой они словно бы поднимались ещё на одну ступеньку невидимой лестницы, выводившей к какой-то светлой, но ещё неведомой цели.

Основным источником дохода друзей были теперь трофеи от военных нападений. Благодаря чему, с помощью бабушки Линде, они достаточно быстро разобрались в денежной системе Нормана. В обращении здесь ходили только золотые и серебряные монеты. Самая мелкая и наиболее распространённая называлась деннарий. Это были довольно грубые круглые серебрушки, чуть больше советского металлического рубля. На одной стороне деннария был отчеканен вписанный в круг крест, с тремя зубчиками на концах, выше которого шла надпись. Буквы частично напоминали латиницу, а частично кириллицу. Причём, крест в качестве буквы там тоже присутствовал. На обратной стороне тоже был круг с надписью, но уже другой. А в центре изображено что-то вообще непонятное. Ребята решили, что это мог быть вензель какого-нибудь здешнего правителя.

12 деннариев составляли 1 золотой солид, а 20 солидов – фунт. Это был местный высший денежный номинал. Изготавливался фунт обычно в виде длинного серебряного (реже – золо-

того) прутка, с теми же крестами и кругами на торцах. По его бокам шли тонкие риски, делившими фунт на 20 равных частей. То есть, его можно было разрубить на 20 серебряных брусков, равных стоимости одного солида. Такой прутки было удобно носить вокруг шеи либо на руке, свернув в браслет-пружину. Вес такого «украшения», по прикидке Феоктистова, составлял чуть менее полукилограмма. То есть примерно равнялся русскому дореволюционному фунту.

Имелась в Нормане и собственная золотая монета, имевшая повсеместное хождение – эку. На ней крест красовался уже не в круге, а внутри рыцарского щита. Эта денежка была аккуратная, красивая. Но вот драгметалла в ней было чуть меньше, чем в имперском солиде. Поэтому расчет обычно шел по 51 деннарию за 5 эку. Кроме того, имелась золотая монета и в 3 эку – тетрадрахма. А также достаточно широко использовался хазарский золотой цехин, номинал которого слегка не дотягивал до 9 деннариев. Поэтому при сложных расчётах здесь просто взвешивали имеющиеся деньги, высчитывая точное количество фунтов. При этом использовали достаточно простое правило: 1 часть золота равнялась 4 частям серебра.

Сначала, конечно, всё это показалось ребятам достаточно сложным. Тем более с размером золота у простолюдинов обычно возникали определённые проблемы. Но затем всё устаканилось. Друзья просто начали отдавать денежные трофеи бабушке Линде. То есть промышляли гости из параллельного пространства банальным разбоем. Правда, по их понятиям, благородным. Они ни разу не обидели горожанина, крестьянина или ремесленника, а нападали исключительно на одиночных рыцарей, кавалькады иных аристократов, двигавшихся без должной охраны, и высокопоставленных служителей церкви. Не гнушались и богатыми ростовщиками. Причем, сведения о последних обычно собирали в окрестных городах и поселках, переодеваясь простолюдинами. С помощью их беспощадного промысла местные жители удачно избавлялись от ещё более жестоких и разорительных процентных займов. Поэтому, до поры, не сдавали приятелей стражникам. Хотя, конечно, многие обращали внимание на странную пару молодых чужаков.

После того как друзья убили несколько подозрительных человек, зачем-то слонявшихся по чащобе неподалеку от их избушки, о беспощадных разбойниках вообще начала распространяться слава как о «лесных оборотнях» с рыцарскими титулами. Правда, почему именно «оборотнях», они так и не поняли. Знали лишь, что не осталась в стороне от создания этого пугающего образа бабушка Линде. Старушка применяла как свои колдовские способности, так и элементарное распространение слухов.

Несмотря на непоколебимый атеизм, друзья вынуждены были признать, что что-то такое бабушка, действительно, могла. Дополнительно к нетрадиционным методам лечения. Например, подаренные ей амулеты на самом деле защищали от стрел, копий и топоров. Особенно ребятам запомнился бой, когда бронебойная стрела, выпущенная в Феоктистова почти в упор, сломала ему два ребра, но не пробила кольчуги. Хотя после схватки он сам, из того же лука, с той же дальности и той же злополучной стрелой насквозь пришил бронезащиту к стволу вяза.

В лесу на них никогда не нападали волки и другие хищники. Не встречались и разбойники-конкуренты. А и тех, и других, по слухам, вокруг было множество. Но самое пугающее было то, что несколько раз в лесу они видели такие картины, о которых потом старались не говорить даже друг с другом. Настолько вызывающе-бесстыдно вели себя странные женщины, мужчины и животные. Эти существа сначала призывно манили друзей к себе, а при отказе бесследно растворялись в воздухе. И это лучше всяких амулетов подтверждало, что «есть многое на свете, друг Горацио, что недоступно нашим мудрецам». И что идеологи марксизма-ленинизма, вкупе с историческим материализмом, чего-то там недоучили.

Бабушка Линде по-прежнему лечила больных крестьян, используя заговоры, отвары и магические обряды. Поэтому в овощах, яйцах и сыре недостатка не испытывала. Другой вопрос, что своим ремеслом она не могла прокормить сразу трёх взрослых человек. Тем более,

что само существование друзей, по общему уговору, старались как можно дольше сохранить в тайне. А вот у «рыцарей» разбойничьи дела шли всё хуже. Богатые люди всё реже появлялись в страшной части Фалезского леса. Особенно небольшими группами. Теперь для промысла приходилось уходить в поход с двумя-тремя ночёвками. Дошло до того, что простолюдины, которых «оборотни» никогда не трогали, искренне считая себя потомками рабоче-крестьян, и те стали реже ходить по лесным тропам.

Настал день, когда бабушка Линде ушла в деревенскую харчевню с последними «рубленками». Так называли четвертинки деннария, на которые его делили крестьяне для производства самых мелких расчётов. Николай усакал за водой, а расстроенный Владимир принялся вновь расчесывать гриву коня. Оба находились в полном боевом облачении, в котором проводили теперь большую часть времени, приучая тела к тяжести и неудобству защитных доспехов. Единственное, что «оборотень» себе позволил, это снять укрепленные кольчугой перчатки и открыть забрало цельнометаллического щлема.

Феоктистов с удовольствием вдыхал ароматы леса и свежего сена, стожок которого был сложен под ближним навесом. Но в голове бродили невеселые мысли. Он тщательно восставливал в памяти план известной части Фалеза, прикидывая, где можно было устроить засаду. Ведь, если и дальше так пойдет, то жевать им придется вот это самое сено. Благо, хоть его накосили.

Как всегда в минуты грустных раздумий, мысли плавно соскользнули домой, в свой мир, откуда они так неудачно ухитрились исчезнуть. Больше всего ему не давала покоя мысль, что что-то было не так во всей этой истории с «неисправной анабиозной ванной». Что-то нелогичное, и от того пугающее. Да и Николай с этим согласен. С какой, скажите, стати учёным из другого мира отдавать малознакомому, да ещё и несовершеннолетнему землянину часть неисправного оборудования своего корабля? Это ведь не чья-то личная вещь, а казённое имущество. Которое, к тому же, наверняка можно было починить дома, по возвращении экспедиции. Помнится, даже в каком-то фильме герой восклицал: «Да ты что, сукин сын, самозванец, казённые земли разбазариваешь? Так никаких волостей не напасёшься!» Вот и здесь именно такой случай. Так никаких аппаратов не напасёшься. Стоит-то такой «тюльпанчик», поди, о-го-го сколько. Бешеных денег. Куча высокоинтеллектуального труда в него вгрохана. А эти придурки вдруг взяли и так запросто отдали его первому встречному мальчишке из другого мира?! Нелогично. Очень нелогично. Всё равно что с атомного ледокола первому же чукче обогреваемый галльон подарить... Еще можно было бы понять, если бы у инопланетянников, к примеру, от удара метеорита возникли проблемы с топливом. Тогда, действительно, пришлось бы максимально облегчать корабль для старта. Но ничего похожего, судя по рассказу Вовчика, там не было. Зачем же тогда пришельцы отдали мальчишке «тюльпан»? Зачем?! Объяснение напрашивалось одно. Это было сделано умышленно. Причем, с санкции руководства инопланетной экспедиции. Была у этих молодых космонавтов какая-то своя цель. Которая оправдывала средства... Но ведь именно такие случаи – когда «цель оправдывает средства», всегда и пугают.

Из задумчивости Володьку вывел громкий крик. Бабушка Линде молила о помощи! Бабушка!!! Очевидно, она бежала к дому по тропинке, и за деревьями её не было видно.левой рукой Феоктистов привычно схватил щит, а правой меч. Он уже достаточно уверенно владел этим «буржуйским» оружием. Прикинул направление и помчался наперерез. Продрался сквозь подлесок, прикрылся щитом и выпрыгнул на дорожку.

Прямо на него, задыхаясь и жадно хватая ртом воздух, бежала окровавленная бабушка Линде. Она уже не имела сил кричать. Сейчас, с развевающимися седыми космами и перекошенным судорогой лицом, старушка больше чем когда-либо напоминала страшную Бабу-Ягу. Следом, почти доставая боевыми топорами, неслись три воина. А за ними, ярдах в семиде-

сяти, с вилами, косами, заступами и граблям, небольшая толпа крестьян. Все они непрерывно вопили:

– Вот она, сволочь!!! Бей ее! Бей! Бей ведьму!!!

Появившаяся на дорожке фигура в продранном ветками балахоне чуть присела, подняла щит до уровня прорезей глазниц и чуть повела мечом. Резким кивком головы опустила забрало. Бабушка буквально просияла, увидев одного из «внучат» -разбойников и резко свернула с тропики. Уже замахнувшийся преследователь с треском опустил свой топор не на её мягкую спину, а на невесту откуда появившийся щит. По инерции он ещё и сам налетел на преграду. И тотчас почувствовал в животе жало чужого клинка.

Два товарища незадачливого солдата успели отвернуть в стороны и развернулись для атаки. Но и новый противник, вращаясь вокруг собственной оси, уже выскользнул из-под раненого. Широким дуговым ударом отбил топор правого солдата, и такой же дугой врезал ему по голове щитом. Отпрыгнул вправо, избежал атаки третьего преследователя. Не останавливаясь, закончил разворот и рубанул по шее, закрытой кольчужной сеткой. С неестественно выгнувшейся головой тот повалился на тропу.

Затем рыцарь дико заорал, давая выход своей ярости. Великоватый ему, сильно вытянутый рыцарский шлем с незакрепленным забралом неожиданно срезонировал, усилив силу звука. Пораженные ревом крестьяне остановились, что дало Феоктистову возможность добить раненых сильными точными уколами. Его узнали. Страшный лесной оборотень, в дырявой темно-пятнистой накидке, которую заляпала ещё и свежая кровь. Он повернулся к толпе крестьян. В многочисленных прорехах балахона отсвечивала стальная вязь кольчужных колец, напоминавших змеиную чешую. Испуганные мужики тут же бросились прочь. Но из кустов на другом краю тропинки, на коне, закрытом такой же вручную закамуфлированной накидкой, появился второй оборотень.

– Стоять!!! – раздался «нечеловеческий» крик первого. – Стоять или вы все умрете!!!

Это подействовало. Сразу побросав оружие, крестьяне бухнулись на колени. Истово и дружно начали креститься, умоляя Пресвятую Деву и святого Дунстана помочь. Друзья связали их принесенной бабушкой веревкой, собрали сельхозинвентарь, и лишь затем приступили к расспросам. Феоктистов снял шлем и поинтересовался обычным голосом:

– В чем дело, уважаемые? Почему вы так злобно накинудись на эту женщину?

Насмерть перепуганные крестьяне лишь молча таращились на оборотня.

– Кажется, я знаю, в чем дело! – неожиданно сказал Николай. – Я тут наведалься к Солми и видел, как в неё на рысях вошел крупный отряд солдат. Оттуда вскоре такие крики и бабские визги донеслись – хоть уши зажимай. По всей видимости, вояки там здорово повеселились. Из деревни они выехали уже караваном в 27 повозок, со всяким барахлом, продуктами и связанными девушками.

Дружный горестный вой был ему ответом. Тёмный верзила вдруг рванулся из пут:

– Сволочь, я убью его!

И порвал веревку. Николай не растерялся и тут же, словно оглоблей, огрел мужика копьем. Древко сломалось, но череп детины выдержал. Оглушенный пленник снова осел к связанным товарищам. Глядя на это, седой крестьянин грустно произнес:

– Говорил я вам, что нужно было платить оброк. А теперь не только добро наше барон забрал, так ещё и девки в рабство попали. Да и самих оборотням скормили.

– Да, Эл, – отозвался второй. – Обдурил нас хозяин. Да и сами хороши. Разве может ведьма сразу у всех коров молоко застоять? Баб своих нужно было бить, чтоб выдаивали скотину лучше, а не за ведьмой гоняться. А теперь, почитай, пропали не за грош.

– Так это солдаты барона натравили вас на колдунью?

– А то кто же, клянусь святым Виттом, – уже смелее откликнулся тот же мужик. – Она, говорят, у ваших коров молоко в вымени застаивает, что бы животные мучились и дохли. А мы-

то и поверили. Действительно, ведь орет скотина благим матом. А сейчас-то вот понимаю, что как оброк платить перестали, да лишь на себя работать начали, бабы три раза коров уже не доят – некогда. А они-то, сердешные, и орут.

Феоктистов расхохотался:

– Здорово же вы лопухнулись! Теперь, значит, и добро ваше, и девки преспокойно к хозяину отошли.

– Так он же, поди, сволочь, знал, что ведьма оборотней вызовет!

– Это вряд ли. А вот что вы деревню без защиты оставите – сообразил.

Мужики поникли. И тут раздался голос бабушки Линде:

– Внучата, помогите им!

У Зуброва к этому моменту уже были кое-какие задумки. Он поделился ими с другом и пленными, и его горячо поддержали. Оказалось, что барон де Шансон давно не пользовался народной любовью, так как всё чаще старался взять оброк подобными грабительскими вылазками. Это приносило ему намного большую прибыль и пополняло ряды рабынь-наложниц. Стоит ли удивляться, что вскоре вооруженная толпа крестьян, под руководством Николая, отправилась в погоню за отрядом своего феодала. Владимир же вызвался задержать грабителей до их подхода. Он дополнительно надел поверх кольчуги железный панцирь-торакс, заменил меч на более привычный топор и быстро порысил через лес.

Вообще-то, его задача была единственным слабым звеном стройного плана Зуброва. Срезав путь, по знакомой им прямой, только всадники могли перехватить обнаглевших грабителей. Но вот их-то как раз у мстителей оказалось всего двое. То есть – сами оборотни. Но самоуверенный Феоктистов пообещал остановить караван в одиночку.

Глава 5

Отряд де Шансона отъехал уже мили на две от ограбленной деревни, когда в подлеске, справа от дороги, послышались треск и приближавшийся лошадиный топот. Солдаты охранения переглянулись и, не сговариваясь, опустили пики. Они не ожидали погони так быстро! В голову каравана немедленно выдвинулся большой черный рыцарь, любимец барона, сэр Кристофер де Гретевил.

Он был младшим сыном в семье де Нормесов, и не мог рассчитывать на получение земли и титула по наследству. Поэтому с детства готовился заработать их своим мечом. Барон заметил молодого, но искусного рыцаря на турнире в Тюри-Аркуре, после которого шевалье Кристофер д'Нормес собирался в крестовый поход. Де Шансон выступил в роли благодетеля, и выделил ему небольшой феодал, с деревней Гретевил. Таким образом, избавил честолюбивого юношу от опасного и малоприбыльного пути на побережье Эвксинского моря и приобрел преданного рыцаря-вассала. С тех пор сэр де Гретевил не раз побеждал в небольших турнирах, переполнявших жизнь местного рыцарства. Так он увеличивал своё состояние и поддерживал боеспособность в хорошей форме. А барон со спокойной душой мог возложить на него любые опасные обязанности. Например, принять первый удар мстителей.

Де Шансон уже поднял руку, чтобы опустить забрало, да так и застыл в седле – на дорогу перед отрядом выскочил один-единственный конный воин! Правда, тяжёлый рыцарь, а не крестьянин, как предполагал феодал. Но один!!! Против четырех рыцарей и тридцати пикинеров... Неужели собирается нападать?

Тем временем фигура в светлом тораксе, не задерживаясь, выбросила из-под руки копье, зафиксировала локоть в крепежных ремнях и установила оружие в упор щита. То же срочно проделывал и сэр де Гретевил.

– Смелчак! – уважительно протянул барон. Его глаза вспыхнули неподдельной симпатией. Но, впрочем, лишь на секунду. Кони рыцарей уже начали разбег. Де Шансону был хорошо виден герб нападавшего – серебряный грифон на лиловом. Но это явно не сэр де Бугвиль! Де Бугвиля убили разбойники в прошлом году. К тому же какая-то знакомая незаконченность движений, лихорадочная неуклюжесть в жестах. Ах ты! Да это же тот сопляк-«оборотень»!!! Тот самый, поверженный им два года назад! Живой, тварь!!! Но это значит, что где-то рядом должен быть ещё, как минимум, один. Тот, у которого щит де Шансона. Наверняка, сидит рядом в засаде. Барон уже знает их штучки.

– Сомкнуть строй! – закричал он пикинерам. – Усилить наблюдение!

Сэр Кристофер, уже выскочивший за пределы конвоя, в одиночестве поскакал на лесного мстителя. А Владимир, неожиданно оказавшись перед небольшой армией, даже не испугался, а скорее удивился. Но тут же сосредоточил внимание на передовом рыцаре. Враг был в чёрных богатых доспехах, на вороном коне. Его щит наискось перечеркивала алая полоса с единственной белой лилией в центре. Прямо демон какой-то.

– Скотина! – почему-то подумал Феоктистов. Вдавил шпоры в бока першерона и сжался перед неминуемым ударом. Через прорезь глазницы четко виднелись чёрные перья на шлеме быстро приближавшегося противника. Их постоянно перекрывал наконечник собственного копья, никак не желавший оставаться в заданном положении. Знакомая картинка. Где-то Володька уже видел такую. В кино, что ли?..

Тренированная рука довольно уверенно держала оружие, но в голове метался хаос: «Куда его направляют?!» Это был первый «честный» турнир оборотня. За короткие секунды сближения он успел прицелиться в голову, щит и в маленькое «окошко» между щитом и шеей коня сэра де Гретевила.

Черное копьё с силой въехало по лбу Феоктистова (показалось, или действительно из глаз вырвалось по снопу искр?), разорвало броню, рассекло кожу... И ушло на рикошет. Великоватый разбойнику шлем, дёрнувшись на ремне телячьей кожи, отбросил от головы смертельный удар. А вот его наконечник, скользнув по краю вражеского щита, с треском проломил чёрный нагрудник. Оборотень, ещё ничего не видя после оглушительной затрешины, едва удержал рванувшееся из рук древко. Остановленные ударом кони вздыбились, продолжая лягать и кусать друг друга. Соединяющее противников копьё с треском переломилось. Сэр де Гретевил обеими руками ухватился за торчащий из груди обломок. Он всё ещё держался в седле. А Володька уже бросил свою половину копья, выхватил топор и рубанул по шее коня сэра де Гретевила. Вороной рванулся и сразу сбросил ослабшего седока. Чем на некоторое время отгородил разбойника от подошедшего строя баронских солдат.

Но всё равно удар доброго десятка пик, даже потерявших убойную силу и пришедшихся на щит, чуть не смахнул его с лошади. А затем настоящий стальной дождь обрушился на оборотня. Правда, с остервенением молотившие воины не кололи коня, желая сделать дорогой подарок барону, а шарахавшийся першерон больше половины их стараний сводил на нет. Да и сам разбойник отчаянно отбивался мечом и щитом.

Но все же сначала один острый наконечник смог пробить панцирь, затем второй. А потом пробоины стали появляться почти при каждом ударе. Правда, из-за спасительной кольчуги, неглубокие и причиняющие больше беспокойства, чем реального вреда. От боли Феоктистов быстро потерял счет времени. Сколько он уже терпит эту муку? Минуту, десять, час, день? Сознание начинало медленно уплывать из всё ещё сражающегося тела. И вдруг дождь копеечных ударов прекратился.

Господи! Неужели подошли друзья?!

Увы, нет. Конный строй раздался в стороны, образовав ошетилившийся пиками коридор. А в его начале изготовился к бою... Николай?! Да нет, этот рыцарь не был Зубровым, хотя на его щите оскалившийся кабан тоже почти кусал розу на лиловом поле.

Якорный бабай!!! Да это же тот пьяный убийца! Тоже, значит, выжил. И теперь хочет поквитаться. А что, собственно, делать-то? Продвижение вперед, навстречу рыцарю, уже начавшему разгон, закрыто коридором из пик. Поворачивать назад, значит наверняка погибнуть от удара его копья в спину. А на месте отбить несущийся многотонный удар практически невозможно. И все же разбойник поднял щит.

В это мгновение из леса с криком начали выбегать крестьяне, а из-за древесных стволов с легким свистом вырвались двухфутовые стрелы. Неожиданный меткий залп сбил с коней почти половину солдат, и смертельный «коридор» распался. Изумленный барон приостановился, но тут же вновь дал шпоры коню. Увы, поздно. Оборотень успел подобрать «освободившуюся» пикку и скакал навстречу.

В этом месте ветви вековых дубов сплетались над дорогой подобием живой арки. Что-то там затрещало и рухнуло вниз в окружении веток. Всадники уже почти сшиблись, когда «нечто» грохнулось прямо на древко Феоктистова. Под его тяжестью пика воткнулась в землю, и оборотня вырвало из седла. Благодаря чему убийственный удар барона вместо головы пришелся на щит. Литая железная пластина разлетелась, а безжалостный наконечник в очередной раз пробил торакс Феоктистова. Вырвал здоровенный кусок металла, вспорол кольчугу, располосовал правый бок и улетел дальше. От этого мстителя завертело как большой волчок. Так он и грохнулся с высоты пяти футов на утопанную копытами землю.

Поэтому Володька уже не видел, как Николай, нанизал на своё копьё солдата, а затем махал топором, пытаясь достать ещё хотя бы одного. Не видел, как забивали крестьяне своими сельхозорудиями закованных в кольчуги грабителей, отчаянно дерущихся пиками. Не видел и того, что с дерева на него упал молоденький паренёк с большим луком. Поднявшись над телом оглушённого оборотня, этот мальчишка опередил своим выстрелом удар второго вассала

де Шансона, поскакавшего вслед за сюзереном. Однако рыцарь ловко соскочил с убитого першерона. И непременно убил бы паренька, решительно выхватившего топорик, если бы не подоспевший крестьянин. Тот без затей обрушил на спину дворянину свой заступ. Вдвоем мстители одолели бронированного грабителя. Сам барон и его последний вассал под градом стрел, вязнувших в рыцарской броне, пробились из окружения. Все остальные налётчики были убиты.

Выжившие в схватке крестьяне вернулись домой со спасенными дочерьми и имуществом. Но перед этим они торжественно поклялись никогда больше не нападать на рыцарей-оборотней или колдунью. Как, впрочем, и ничему не верить без доказательств. Слишком дорогую цену приходилось заплатить за эту науку. А многочисленным мёртвым, едущим домой на телегах, было уже всё равно.

* * *

Ещё начиная атаку, Николай заметил повозки с девушками. Поэтому, когда с грабителями было покончено, сразу направился освобождать их. Ярдов за двадцать перевел коня с галопа на шаг, снял шлем и широко заулыбался, чуть не вывернув скулы. Два года он не видел красивых женщин. Нельзя же считать таковой «бабушку Линде»! А пленницы, несмотря на чумазные мордашки и уродливые тёмные платья, все как одна, казались ему ослепительными красавицами. Даже в своем беспомощном положении, при виде подъезжающего рыцаря, они тотчас захихикали и начали постреливать глазками.

Лишь одна нетерпеливо рвалась из стягивающих тело веревок и глядела совсем в противоположную сторону. От этого подол светло-коричневой одежды постоянно колыхался и обнажал крепкие округлые голени. Зубров аж поперхнулся, рассмотрев их поближе. Красавица гневно повернулась к нему, и Николай смог оценить девушку – полная грудь, широкие плечи и хорошо заметная талия на крепком теле. Над всем этим развевалась копна темных прямых волос, с длинными, выгоревшими на солнце прядями. А из них выглядывало прехорошенькое, но очень уж строгое личико. Пожалуй, она была ещё слишком мускулиста для девушки, но это ничуть не портило опьяняющего впечатления.

– Ничего себе вкус у барона! – только и смог пробормотать Зубров.

Пленница прекратила попытки освободиться и как-то странно посмотрела на рыцаря. У неё были большие, коричневые, яростно сверкавшие глаза. Коля даже слегка смутился, торопливо спешился. Попытался отвесить галантный поклон, но ещё более сконфузился. Поэтому просто достал кинжал и перерезал стягивающие руки веревки. Девушка тут же соскочила с повозки и куда-то умчалась. Не сказав даже простенького «спасибо»!

– Кобыла бомбейская! – в сердцах ругнулся Зубров. Почти злобно рассек остальные путы. И тут же красавицы облепили его пленительной гроздью. Поток объятий, к сожалению плохо ощущаемых через кольчугу, и жарких поцелуев захлестнул Николая. Зубров мгновенно забыл о неблагодарной.

А она с самого начала следила за первым появившимся спасителем. Поэтому, едва получив свободу, сразу побежала к месту его падения. Кто этот отважный одиночка, сразивший сэра де Гретевила и устоявший под градом копейных ударов? Не испугавшийся схватки с самим де Шансоном, считавшимся непобедимым? Своим подвигом он сразу запал ей в сердце. Поэтому, когда второй рыцарь разрезал верёвки, она не удостоила его даже благодарного взгляда. Ведь поверженный одиночка в это время умирал на дороге!

Лежащего уже окружила группа вооруженных мужчин. Перед растерзанным, кое-как перевязанным прямо поверх доспехов телом на коленях сидел плачущий мальчик в зеленой холщовой куртке. Он робко пытался снять с раненого смятый окровавленный шлем. Девушка присела рядом, уверенными движениями растегнула крепежный ремешок. Железо тут же сошло с головы. Перед ней оказалось молодое лицо, сплошь залитое кровью. Жуткий порез на лбу и волосистой части головы казался ещё более страшным от наслоений сворачивающейся сукровицы. «Неужели мертв?!» – словно чем-то больно стиснуло сердце. Девушка схватила

с повозки флягу с земляничным вином, омыла лицо рыцаря и обтерла кожу вокруг пореза. Когда слабенький спирт попал на обнаженное мясо, парень застонал. «Жив!» – в груди сразу стало легко и приятно.

– Сэр рыцарь, сэр рыцарь, не умирайте! – тормошил его паренек. – Сэр рыцарь, это я, Джонни. Я хотел помочь вам убить де Шансона. Я очень хорошо стреляю, сэр рыцарь. Но ветки подломились. Простите меня, сэр рыцарь! Сэр рыцарь!!!

Не открывая глаз, тот оскалился. Николай, всё ещё пребывавший в сладком плену и рас- точавший девушкам комплименты, неожиданно услышал, как кто-то внятно, по-русски, послал своего собеседника... очень далеко. А затем тот же голос вдруг протянул:

– Больно... Господи, как мне больно... Мама... Мамочка!!! Мне больно, мама!

– Это же Володька! – испуганно воскликнул Зубров. Как он мог забыть, что друг в оди- ночку дрался с грабителями! Рванул на голос и увидел группу мужчин, обступивших рас- терзанного лежащего человека. Около него на коленях сидели первая спасённая красавица и какой-то вооруженный мальчишка. Оба старательно освобождали части этого кровавого месива от железа и тут же что-то перевязывали в нём длинными холщовыми лоскутами. Тряпки один из крестьян отрывал от большой праздничной скатерти. Лишь подойдя совсем близко, Николай узнал Феоктистова. Испуганно упал рядом на колени:

– Володя, что с тобой? Володя, очнись! Господи! Да не умирай ты!!!

– Коля? – переспросил тот, пытаясь приподнять голову. – Коля, как мне больно...

С трудом открыл глаза, обвел всех затуманенным взором. Задумчиво пробормотал:

– Девушка, мальчик, рыцарь какой-то... Сплю, что ли?

И окончательно потерял сознание.

* * *

Когда Феоктистов, наконец, пришел в себя, то с облегчением увидел, что снова лежал на топчане в избушке бабушки Линде. Опять пахло травами и магическими химикалиями. В изголовье горела маленькая свеча, а рядом, неудобно примостившись у стола, спала на своём локте незнакомая девушка. «Это ещё кто?!» Он внимательно присмотрелся к доступной обо- зрению части лица. Ровная бровь и густые ресницы. Едва выступающий бугорок скулы над нежной, слегка впалой щекой. Красивая, самой природой твёрдо очерченная линия губ. Длин- ные тёмные волосы с выгоревшими на солнце светлыми прядями. (Хм, ему всегда нравились темноволосые...) Где-то он уже видел эти черты. В своём мире, что ли? Здесь? Или, вообще, во сне? Этого он пока не мог вспомнить.

Неожиданно острая боль пронзила тело. Володька тихо застонал. Девушка тут же под- прыгнула и уставилась на него карими, огромными от испуга глазами. Феоктистов ещё раз попытался подняться, но новая волна боли впиалась в живот. Незнакомка быстро уперлась горя- чими сильными ладонями ему в грудь и решительно положила обратно:

– Лежите, лежите! Рано Вам двигаться. Бабушка говорит, что Вас даже трогать нельзя!

– Так чего же ты трогаешь?

Девушка испуганно отдернула руки, и разбойник расхохотался. Впрочем, очередной при- ступ тут же утихомирил его. Юная сиделка тоже рассмеялась и уже смелее поправила соло- менный тюфячок под его головой.

– Вот что, милочка, помоги-ка мне встать!

– Нет-нет! Вам нужно выпить отвар и сменить повязки, – сразу запротестовала красивая сиделка.

– Ладно, не возмущайся. Давай сюда свой отвар, а повязки подождут.

Преодолевая боль, взял деревянную чашку и решительно опрокинул в рот.

– Он же горячий!

– А, ёп... ерный театр!!! – еле сдержался, что бы не заматериться. Торопливо залил рот холодной водой, после чего смог перейти на ромейский: – Ты раньше-то не могла сказать?!

Видя, что из бархатных глаз вот-вот хлынут слёзы, постарался «отключиться» от боли. Спросил как можно более миролюбиво:

– Как тебя зовут-то, красавица?

Девушка замешкалась, испуганно посмотрела, но потом решительно представилась:

– Сусанна!

«Да, имечко, прямо скажем, не ахти!» – поморщился рыцарь. «Чем-то на леденец смахивает». Ещё раз критически осмотрел сиделку. Та выдержала откровенный взгляд, но стыдливо запунцовела. А Феоктистов вдруг почувствовал, что сам предательски краснеет. Его молодое сердце почему-то засбоило, забилося часто-часто. Он испытал огромное смущение от близости девушки. От того, что они одни в этой тесной полутемной комнате. Попросту не знал, что делать, когда такая юная, искренняя красавица сидит совсем рядом. Тем более что и робеющая незнакомка явно испытывала какие-то чувства... Голова туманилась, и всё сладко кружилось. Володька уже отвык от знаков девичьего внимания, и просто терялся. Даже слова почему-то застряли в горле. Оставалось лишь, как за шитом, спрятаться за иронией. И он мысленно подвел итог: «А вообще-то – девочка что надо!»

Она словно угадала его оценку и улыбнулась. Сердце Володьки ещё раз ухнуло куда-то в район желудка. Он закрыл глаза и полежал пару минут, успокаивая совершенно взбесившееся дыхание. Наконец, сообразил, что может попросить очаровашку о конкретной помощи. Решительно повернулся:

– Сусанна, помоги мне выйти во двор!

Ещё пару минут с увлечением спорил с этой серьёзной прелестью, доказывая, что все полученные колото-резаные, а также и прочие раны должны лечиться движением. При этом ссылался как на авторитет «бабушки Линде», так и на свой печальный опыт. Разумеется, убедил. А когда оперся о жаркое девичье тело, даже адская боль отступила от нахлынувшего томного наслаждения.

Сусанна вывела его из избушки. Что-то толкая в ступке колдунья всполошилась, всплеснула руками, выронила пестик.

– Все хорошо, бабуль. Я уже на ногах!

– Ну вот и слава Господу Создателю! – неожиданно умилилась старушка. – А то я уж и нехорошее думать начинала.

– Я что, долго был без сознания? – тихо спросил девушку Феоктистов.

– Сегодня десятый день, – еще тише ответила она. Володя от удивления обвис на её неженски сильных руках. Потом, вновь придя в себя, поинтересовался:

– И ты, что же, все десять дней около меня сидела?!

Сусанна лишь утвердительно кивнула головой.

Весь день выздоравливающий грелся на солнце. Пил крепкий мясной бульон, вперемешку с ароматными, но невкусными отварами, и потешался над Зубровым. Друг всё пырвался его обнять, но неизменно отгонялся бдительной Сусанной. А вечером, когда девушка снова собралась дежурить, Володька с удовольствием потрепал её по руке:

– Спасибо, этого больше не нужно. Мне уже ничего не сделается, а себя измучаешь. А мне ведь общение с тобой здоровья прямо на глазах прибавляет!

Она скромно потупилась, но не смогла сдержать счастливой улыбки. И Феоктистов решился задать весь день мучивший его вопрос:

– Слушай, а почему ты со мной так возишься? Я даже не знаю тебя.

– Потому что вы спасли меня. От рабства. И бесчестья. А может, и от смерти. Так как такого позора я бы не перенесла. Я вам так благодарна!

– А! Ну тогда да. Конечно, – смутился Феоктистов. – Но я ведь, вроде как, оборотень... Неужели ты меня не боишься?

– Сначала немного боялась, – честно призналась девушка. – А сейчас нет.

– Это, конечно, хорошо. Но почему?

– Оборотни плохие. Беспощадные убийцы, и беспокоятся только о себе. А Вы с сэром Николаем хорошие. Крестьяне Вас теперь очень уважают. Ну, правда, и боятся тоже.

– А ты не крестьянка, что ли?

– Не совсем. Мой отец свободный кузнец, и мы живем хоть и недалеко, но отдельно от крестьян де Шансона.

«Теперь понятно, почему у неё такая мускулатура! Небось, папе в меру силёнок помогает!» – догадался Феоктистов. Вслух же сказал:

– Ага! В твоего отца, значит, крестьяне тоже считают немного колдуном?

– Ну да. Правда, не таким сильным, как бабушка Линде. И добрым.

– А она кто же тогда? Злая колдунья?! – удивился Володька.

Сусанна вновь смущенно потупилась.

«Блин! Сроду бы о нашей бабушке так не подумал. Кстати, а девчонка-то называет её так же, как мы!»

* * *

Через три дня Феоктистов отвез Сусанну домой. Его состояние больше не вызывало серьёзных опасений, и он смог запрячь в телегу бабкиного мерина. Отцом девушки оказался тот самый рослый черный детина, которого Николай огрел копьем. Кузнец угрюмо встретил оборотня на пороге своего деревянного дома, действительно, стоявшего на некотором удалении от остальных строений деревни Солми. Правда, увидев, что дочь ухаживала не за его обидчиком, Эдвин Смит несколько смягчился. А к концу вечера распил с гостем бочонок эля и вообще раздобрел. Тем более что пиво осилил, в основном, сам. Раненый Феоктистов лишь отпивал понемногу из кружки, поддерживая компанию. Кузнец даже предусмотрительно ушёл в дом, чтобы понравившийся ему свободный воин смог достойно попрощаться с Сусанной. Хотя до этого всегда жёстко пресекал любые попытки парней из баронских крестьян поухаживать за дочерью. Володька сильно смутился и неумело чмокнул сразу подавшуюся к нему девушку куда-то мимо губ. Но она сама обхватила его сильными жадными руками, и второй поцелуй вышел таким, что ещё половину дороги у оборотня сладко кружилась голова.

Через пару дней он уже пробовал охотиться с луком, а на девятые сутки приступил к лёгким тренировкам. Силы быстро возвращались к молодому живучему организму. Правда, свежие красные рубцы всегда сильно болели и иногда вскрывались от перегрузок. Да часто накатывала тошнота и головокружение. К кузнецу он теперь ездил почти каждый день, пользуясь возможностью бесплатно чинить и усовершенствовать оружие. А Эдвин Смит не переставал удивляться необыкновенной смекалке в обращении с металлом, которую проявлял неожиданный вольный приятель дочери. Нравилось отцу Сусанны и усердие «оборотня». Володька всегда, чем мог, помогал ему – и в кузнице, и по хозяйству.

С помощью Эдвина разбойник не только восстановил длинный шлем, отбивающий копейные удары и усиливающий голос, но и поставил в него дополнительные резонаторы. В сочленения наплечников нанес спиральные борозды и заполнил их топленым салом. Места, всегда трущиеся о его единственный трофейный панцирь, начали смазываться. Естественно, сразу возросла подвижность и долговечность дорогушей защиты.

Раз в неделю Володька парился со старшим Смитом в русской баньке, которую они с Николаем поставили около своей избушки. Эдвин очень быстро преодолел страх перед церковным запретом на мытье (так как и до того был далеко не безгрешен), и постоянно наслаждался восстанавливающим эффектом. А вечно грязные крестьяне никак не могли привыкнуть к новому цвету кузнеца. Теперь при всем желании нельзя было назвать его «Чёрным» – кожа Эдвина лучилась здоровым коричнево-красным цветом. А отмытая Сусанна словно расцвела, как гроздь распускающейся сирени. Теперь она только и жила, что трепетными ожида-

ниями своего «рыцаря-оборотня». Правда, о дальнейшей судьбе их отношений никто старался не говорить. Лишь однажды, в промежутке учебных боёв, Зубров не выдержал:

– Слушай, а ты любишь Сусаннку?

Феоктистов аж поперхнулся от неожиданности:

– Чего?! А... Ну, люблю, конечно. Только, пожалуй, как-то не так.

– Это как не так?

– Ну, словно не хватает чего-то. Впрочем, я любил одну девчонку в классе. Ещё там, в нашем мире. Ну и было точно так же. Наверное, это и есть любовь. Да, я люблю ее! – закончил он категорически.

– Так чего же не женишься?

Володька опять растерялся:

– Как это?

– Ну, как – как все. На свадьбе погуляем.

– Ты что, смеешься?!

– С чего ты взял? Абсолютно серьезно говорю.

– Да пошел ты! – неожиданно обиделся он, берясь за меч. – Я ещё не хочу. Рано.

– Смотри, как бы поздно не было, – ответил Коля, тоже поднимая клинок.

– В смысле «поздно»? Мы с ней только целуемся иногда.

– Я не о том. Отобьёт кто-нибудь.

Феоктистов понятиливо кивнул:

– А! Ты, знаешь, я об этом сейчас меньше всего думаю. Тут другое. Понимаешь, не такая ещё какая-то любовь. Не завершённая. Вот будет в ней всего хватать, тогда и женюсь!

Он принял выжидательную стойку.

– Ну, дело твое, Ромео, – ответил Зубров, обрушиваясь на товарища с мечом. Теперь они всё больше времени уделяли этому сложному «буржуйскому» оружию. И постепенно сила и точность ударов росли. К тому же, и защита требовала от мечника совершенно иной подвижности.

Глава 6

Впервые с человеком по имени Робин Худ друзья встретились лишь после двух лет бесплодных поисков – когда Зубров начал атаку уже кем-то обстрелянного конвоя де Шансона. Как впоследствии оказалось, именно его «вольные стрелки» помогли крестьянам восстановить справедливость. Зажатые в клещи сближающимися отрядами шерифа и барона, разбойники долго пробирались по всё сужавшемуся коридору из бронированных воинов. Они уже практически отчаялись, как вдруг наткнулись на редкую цепь всадников, заменивших отряд грабителей. Вольные стрелки рассредоточились и, используя заросли, просто пропустили их мимо себя. Из-за чрезмерной жадности де Шансона разбойникам удалось выскользнуть из хитроумной ловушки шерифа. Они отпустили солдат чуть дальше и поспешили прочь от места, где должны были встретиться полицейские отряды. Вот только вышли аккурат к Солми во время её разграбления воинами барона. Стрелки не стали напасть на сильный отряд. Но, на всякий случай, поспешили за ним. Так люди Робин Худа смогли спасти Феоктистова и помочь униженным крестьянам.

Немудрено, что барон умолчал об этом позорном для него бое. Чем поставил шерифа в крайне неловкое положение. Пустые «силки» заставляли признать верной одну из двух версий: либо Фалезские разбойники, действительно, являются оборотнями и поймать их практически невозможно, либо они вообще лишь плод чьей-то больной фантазии.

Впрочем, действительность вскоре подсказала третий, истинный ответ. Но на какое-то время разбойники оказались полновластными хозяевами леса. Джонни, самый молодой стрелок из отряда Робин Худа, едва не угробивший Владимира, с того памятного боя стал самым лучшим другом Рыцарей Фалезского леса (как окрестили «оборотней» благодарные крестьяне). И, конечно, особенно полюбил Феоктистова. Даже ревновал его к Сусанне, что позволяло рыцарю постоянно подшучивать над мальчишкой. Почему-то это чувство очень нравилось бабушке Линде, считавшей, что у Джонни большие способности к колдовству.

Однажды, проводив молодого стрелка до лагеря разбойников, где новые друзья закатали по этому поводу целую пирушку, ребята возвращались домой. Солнце уходило за горизонт, в желудках ощущалась приятная тяжесть. К их седлам были приторочены рога с посеребренными устьями – подарки Робин Худа. По утверждению атамана, звук у них был характерный, благодаря чему «оборотни» могли вызвать себе подмогу почти в любой части Фалезского леса. Так как любой человек из его шайки должен был немедленно прибыть на зов, услышав особый сигнал.

Неожиданно приученные кони всхрапнули и остановились. По лесному тракту, к которому они приближались по оленьей тропе, неторопливо ехал одинокий рыцарь. Ребята притаились за кустами и постарались получше разглядеть всадника. Правда, солнце уже совсем ушло за деревья, но света ещё было достаточно. Огромные стальные пластины на кольчуге путника не сверкали, как это было в моде у обычных норманских рыцарей. Зато их покрывали следы многочисленных ударов и сколов, что красноречиво говорило о большом воинском опыте обладателя. Вместо холщовой накидки поверх брони был накинут выцветший плащ с простым красным крестом, кое-где зашитый широкими мужскими стежками. В продуманном порядке на седельных креплениях висел комплект оружия. И конь, и всадник выглядели очень уставшими.

– По-моему, это странствующий рыцарь, – негромко сказал Коля.

Конь и приближающийся воин насторожились.

– Да, похоже. В нашем мире это были бедные, но славные парни, – ещё тише ответил Володя. Но рыцарь, похоже, расслышал. Он поднял руку к забралу и громко сказал:

– Кто вы, прах вас раздери? Если честные люди, то почему прячетесь? А если злодеи – то берегитесь!

Зубров улыбнулся. Тихо опустил забрало и выехал на дорогу. Крестоносец моментально защелкнул своё и опустил копьё. Но Николай демонстративно положил оружие поперек седла, а затем громко распахнул стальную решетку. Его лицо было открыто противнику, и тот понял миролюбивый жест. Через несколько секунд его забрало тоже поднялось. Стараясь как можно больше шуметь, Владимир медленно выехал из придорожных кустов.

Буквально через пять минут друзья уже везли в свою избушку первого в их новой жизни благородного гостя. Звали его сэр Жан Дыб-Кальвадосский. В этот день бабушка с Сусанной уступили настойчивым просьбам о «чем-нибудь горячем» и напекли пирогов с олениной. К ним ребята достали из подпола бочонки с элем и яблочным сидром. Правда, сначала рыцарь встревожился, увидев, что хозяева предлагают напитки, не пробуя сами. Но молодые разбойники быстро усвоили обряд чоканья, чем снова успокоили крестоносца. А так как после пиршества у коллег много съесть не могли, зверский аппетит гостя в полной мере воздал должное женской стряпне.

После песен ребята попытались пофехтовать тяжёлым 20-фунтовым мечом нового приятеля. Крестоносец вволю посмеялся над этими неуклюжими попытками, а потом неожиданно разоткровенничался:

– Эх, ребята! Как бы не пришлось мне к вам в компанию проситься.

– С чего бы это?

– Не так далеко отсюда находится мой феод Дыб-Кальвадос...

– А, так это значит в твоих озерах самые большие раки?

– Да, пока в моих. Но три года назад я заложил Дыб-Кальвадос, за пятьсот экю золотом, аббату Кангардского монастыря святого Патрика. Я тогда только собирался встать под знамя короля Тартарийского, доблестного сира Ахилла, что бы в числе храбрейших рыцарей освободить гроб Господень. А своих средств крайне не хватало... Увы, в Трое разбогатеть мне не удалось. В ходе Тивериадской битвы попал в плен и почти все доходы отдал в счет выкупа. Остатки же заплатил иоаннитам, в своём чудесном госпитале смог залечить свои раны. Денег ещё хватило, чтобы к сроку добраться до дома. Но уже завтра, с закатом солнца, Дыб-Кальвадос должен отойти монастырю. Правда, я надеюсь, что добрейший аббат Йорген позволит мне несколько продлить срок договора со Святой Церковью. Завтра собираюсь просить его об этой милости.

Ребята понимающе переглянулись – этот настоятель столичного монастыря давно был на примете как возможная жертва. Очень многие отзывались о нём как об алчном ростовщике, удачно прикрывавшимся саном. Феоктистов смущённо прокашлялся:

– Боюсь, уважаемый сэр Жан, у Вас несколько неверное суждение об аббате Йоргене.

– Хрена лысого этот «святоша» тебе отдаст, – как всегда прямодушно вмешался Зубров. – Как же – продлит он!!! Держи карман шире! Он поиздевается над тобой, втопчет в грязь, а когда наиграется – пинком под зад вышвырнет из твоего же собственного замка!

Владимир лишь пожал плечами. Мол, извини, но это так. Рыцарь растерянно смотрел на хмурых парней, от волнения то сжимая, то разжимая кулаки. Он сразу поверил этим странным и наивным лесным воинам, которые так непосредственно выражали свои чувства. На душе сэра Жана Дыб-Кальвадосского стало ещё тяжелее. Мало того, что всё награбленное пришлось отдать троянскому паше Урзуну, сумевшему пленить его на проклятой Тивериадской равнине? Так теперь ещё и с отчим домом придётся расстаться!

– Ты, сэр Жан, погоди убиваться-то! – сказал Феоктистов, вытаскивая из тайника увесистый мешочек с их «кассой». – Сколько, говоришь, тебе надо? Пятьсот экю?

После разгрома грабительского каравана друзья, наконец, разбогатели. Стрелки Робин Худа сразу же забрали все деньги, которые нашли у убитых и в отбитых повозках. И, по пра-

вилам разбойничьего дележа, половину отдали «рыцарям-оборотням», в лице находившегося в сознании Зуброва. Так же друзьям достались и лично добытые трофеи – вооружение и имущество сэра Кристофера де Гретевила, а также солдата, заколотого Николаем. Кое-что из этого удачно продали через Эдвина Смита в Фалезе. А потом ещё и выжившие крестьяне Солми, также прибыльно сбывшие трофеи, передали через бабушку Линде денежную «благодарность». Так что сейчас мешочек друзей весил более 4-х килограмм. Или 10 фунтов, по местному.

Владимир что-то быстро подсчитал, рисуя пальцем крупные цифры в пыли тропинки:

– То есть, тебе нужно 5100 деннариев!

Подсчёт занял гораздо больше времени. Наконец его лицо удивленно вытянулось:

– Блин, у нас «маней-маней» ровно на пятьсот экую!

Парни ещё два раза пересчитали свой капитал. 2 полновесных фунта, из которых один золотой, 235 золотых монет со щитом и 15 тетрадрахм, 31 цехин, 43 куска серебра, по солиду каждый (отрубленные от фунтов), 871 деннарий и пара пригоршней «рубленок», из которых набиралось чуть более 100 полновесных монет. Итого, практически ровно 5100 деннариев. К сожалению, весов для более точного подсчёта не имелось. Приходилось верить математике.

– Ну ладно, утро вечера мудренее, – наконец глубокомысленно изрек Николай. – Пошли спать, что ли. Финансовые дела оставим на завтра.

* * *

Но спокойно поспать не удалось. Сначала ребята пристали к новому товарищу с расспросами. У них ведь было так мало информации об этом мире! Тем более что рассказчиком сэр Жан оказался хорошим. Прежде всего, их интересовало всё, что было связано с Сыном Божиим. Ведь совсем недавно Он жил здесь среди обычных людей! Одно это переворачивало с ног на голову всё, что они знали ранее. Там, в своём мире.

– Сын Божий, по имени Андроник, родился в семье очень достойных людей из императорского рода. Сейчас троянцы обычно называют его Иегошуа, а подданные короля Ахилла – Иисус Христос. То есть, Мессия, – начал свой рассказ сэр Жан.

С его слов выходило, что около 40 лет назад на окраине большого северного королевства Тартария, жителей которого троянцы именуют готами, в монастыре Единого Бога, жила юная благочестивая дева Мария. Её высокопоставленные родители с малолетства посвятили девочку служению Всевышнему. Более прекрасной и чистой девушки ещё не было в Яви! Поэтому именно ей Единый Бог и оказал великую честь – родить Его земное воплощение. Согласно древним пророчествам, Сын должен был стать великим правителем и спасти человечество от его постоянно растущей греховности. Вскоре Мария, действительно, чудесным образом зачала ребенка, оставаясь девственной.

Об этом чуде узнал доблестный князь Георгий (он же Иосиф, по версии троянцев), двоюродный брат правящего императора Ирода. Из столичного Царьгарда князь приехал в тот далёкий тартарийский монастырь. А увидев Пречистую Деву, по благородству крови приходившуюся ему ровней, сразу влюбился. Георгия, находившегося уже в достаточно зрелом возрасте, просто поразили Её ангельская красота и Высшее Предназначение. Да настолько, что близкий родственник Ирода уговорил беременную девушку стать его официальной женой, чтобы будущий Спаситель получил юридическое право на престол империи. Доблестный Георгий обручился с Пречистой Девой и окружил Её истинно царским почётом. Но фактически жил как с любимой сестрой.

В это же время правящий император не желал никому отдавать свой трон. Пусть даже и грядущему Сыну Господа. От волхвов он узнал точную дату рождения Спасителя. Которая совпадала с ожидаемым временем появления на свет его племянника. Что бы подстраховаться, император Ирод приказал солдатам умертвить в Трое всех детей младше двух лет. А так же убивать и всех остальных младенцев, которые будут рождаться в предсказанный год. Узнав

об этом чудовищном приказе, Пречистая Дева Мария с князем Георгием, переодевшись простыми людьми, бежали из Царьгарда обратно в Тартарию. Во время этого пути у них и родился Спаситель.

Ирод, узнав о бегстве беременной родственницы, тотчас послал в погоню отряд особо преданных головорезов. Но земляки Девы Марии, воинственные и мудрые готы, смогли опередить их. Сам правитель Тартарии, готский король Владимир, его мать, королева Малка, и военачальник Валтасар, верно истолковав пророчества, заранее вышли в путь. Они первыми поклонились новорожденному Сыну Божию и принесли ему богатые дары. А свита, состоявшая из наиболее умелых готов, полностью перебила погоню троянцев.

Святое семейство с огромным почетом сопровождали в Тартарию, и Сын Божий до совершеннолетия воспитывался в любви и всеобщем уважении. Правда, император Ирод не успокоился. Он раз за разом посылал всё новые отряды убийц. Но хитрые готы постоянно меняли места жительства семейства Спасителя. Слуг же императора вычисляли и уничтожали. Причем, каждый раз обставляли дело так, будто посланцы Ирода гибли от рук диких разбойников. Тартарийцы всегда чествовали Богомладенца Адроника как собственного королевича – великого князя Андрея, по прозванию Боголюбский. Когда же Он вошёл в зрелый возраст, Андроник решил вернуться в Царьгард. Проповедями и чудесами Богочеловек к тому времени собрал огромную армию последователей из числа ромейских народов, убедившихся в Его Божественном происхождении. К тому времени Ирод скончался, и Сын Божий законным образом был провозглашён новым императором Ромеи, под именем Андроник-Ангел.

Два года под Его правлением привели к сплошному процветанию. Император Андроник жёстко боролся со взяточничеством, которое махровым цветом расцвело при предшественниках во всех фемах. При этом Он старался всячески облегчать жизнь простого народа, который хорошо знал и искренне любил. Деятельность императора Ангела привела к бурному развитию торговли и сельского хозяйства. Но она же вызвала и небывалую ненависть большей части богатых троянцев, жизнь которых резко усложнилась. Сложился обширный заговор, в результате которого в Царьгарде вспыхнул мятеж. Император Андроник был схвачен и прилюдно объявлен самозванцем, лжецом и обольстителем по имени Иегошуа. После жестоких пыток Его демонстративно казнили наиболее мучительным способом, который применяли специально для взбунтовавшейся черни – распяли на кресте. Причём, крест установили на самой высокой горе в окрестностях Йороса. Этим заговорщики хотели доказать, что в Андронике-Ангеле не было ничего Божественного. По принципу: «Вот если бы Он, действительно, был Сыном Божиим – Господь обязательно защитил бы Его!»

Однако всё обернулось по-другому. Сначала тело умершего на кресте императора таинственным образом исчезло из запертой гробницы. А затем живой Андроник-Исус вообще объявился в окрестностях Царьгарда. При этом на Его теле имелись свежие следы всех ранее перенесенных пыток и крестных страданий, а также рана от смертельного удара копьём. (Каким имперцы добивают распятых на крестах преступников). Воскресший Сын Божий продолжил общение лишь с 11-ю самыми близкими учениками, прозванными в народе апостолами. Он подробно разъяснил им, как нужно проповедовать учение его Отца, Единого Бога, которое за прошедшие века сильно исказили правившие цари, жрецы и иные священнослужители. Затем даровал каждому апостолу часть силы Святого Духа, которая позволяет им теперь проповедовать во всех землях и всем людям, от правителей до землепашцев, и изгонять любую нечисть. Пояснил, что за время Своей смерти искупил предыдущие грехи человечества. На сороковой день после чудесного Воскрешения, на глазах учеников и матери, Андроник вознесся на небо, к своему Отцу, Единому Богу.

В самом Царьгарде это вызвало новые волнения народа, которые пришедшие к власти мятежники постарались быстро и жестоко подавить. Однако весть об их злодеянии, а так же чудесном Воскрешении императора уже полетела по фемам. Тартарийцы сразу пришли

в ярость, и их многочисленные отряды помчались карать убийц Сына Божия. Армия готов, под руководством умелого и беспощадного короля Ахилла (или, как его зовут тартарийцы – князя Святослава), пересекла Эвксинское море и атаковала столицу империи. Но мощная крепость устояла, так как у прибывшего войска была мощная пехота, сильная конница, но не было стенобитных машин. Тогда Ахилл решил взять Йорос осадой. Начал опустошать прилегающие территории Трои, пересаживая пеших готов на местных коней. При этом беспощадно уничтожал всех мятежников. Мать Богочеловека, Пресвятую Деву Марию, со всем возможным почётом сопровождали в Тартарию. Где она и живёт по сей день, во всенародной любви и почитании. А её муж, прославленный князь Георгий, является одним из лучших военачальников армии короля Ахилла. В бою он настолько хорош, что заслужил у готов почётное прозвище «Победоносец».

Постепенно к войску мстителей начали примыкать всё новые армии имперских наместников. Но увы, не всех. Значительная часть фемов, вслед за Троей, отказалась признать Божественную суть Андроника-Христа, и присягнула Его убийцам. Сейчас последователи Богочеловека называют таких людей общим словом «троянцы», и на их землях также ведут войны. Король Ахилл уже основал на освобожденных территориях вокруг Йороса Иерусалимское королевство. Там он принимает вассальные присяги от прибывающих правителей союзных фемов и их рыцарей, а так же собирает с подвластных королевств имперский налог – «десятину».

– Там и я присягнул королю Ахиллу, – завершил свой рассказ сэр Жан.

– Ты хочешь сказать «князю Святославу»? – уточнил Феоктистов.

– Да, это его готский титул. Но я – норманский рыцарь, поэтому величал короля так, как велит наш обычай.

– То есть, у готов принято иметь несколько имен? – вмешался Зубров.

– Конечно. Как у всех цивилизованных людей.

– А что, готы и тебя как-то по-своему называли?

– Разумеется. Для них я был «храбр Иван-Дыба».

Уставший от долгого рассказа крестоносец пожелал друзьям доброй ночи и пошёл спать. А они ещё некоторое время задумчиво сидели у костра. Никак не могли прийти в себя от грандиозности услышанного.

– Офигеть! – наконец, подытожил впечатления Феоктистов. – Вот если бы у нас так Христу помогали! Совсем другая история могла получиться.

Зубров, довольно слабо разбиравшийся в истории и библейских преданиях, удивился:

– А что не так?

– Да всё не так! Здесь у Сына Божия и императорский титул был, и фактически поправить империей успел. Да ещё такой мощный народ как эти тартарийцы-готы Его и Богородицу своими считают... Блин! А у нас жил Он, бедолага, в какой-то пустынной дыре, среди евреев. Эти же евреи его и убили! Да теперь ещё и наживаются на Его имени. А наши Крестовые походы вообще не против убийц Богочеловека велись, а против ни в чем не повинных мусульман, которые к тому времени на этих землях поселились.

– Н-да, – согласился Зубров. – Здесь как-то справедливей, что ли, получается.

– Жаль только, нас это мало касается!

На этой минорной ноте друзья решили тоже отправиться на боковую. Но тут начали беспокоиться кони. Разбойники давно привыкли доверять чувствам животных, поэтому бросили жребий, кому оставаться в карауле. Первым выпало дежурить Зуброву. Пока он настороженно стоял с луком и наложенной стрелой, внимательно осматривая лес, Феоктистов с сэром Жаном натаскали ему валежника для костра. Причем, рыцарь так расстарался, что дополнительно принес целое сухое дерево. Николай присел у огня, а уставшие друзья повалились на охапки душистого сена, служившего им кроватями.

Кони продолжали всхрапывать и брыкаться, волновались всё сильнее. В конце концов, Николай решил вообще отвязать их, так как сильные животные начали так рваться с коню-вязи, что грозили развалить ее. Обычно смелые боевые першероны вдруг дружно вырвали из его рук уздечки и бросились в дом. Оттуда тотчас послышались возмущенные человеческие крики. А Зубров, наконец, увидел опасность – какие-то серые тени крадучись подбирались к избушке. Он выстрелил в одну и громко заорал. Пока помятые друзья искали оружие, успел сделать ещё несколько почти не прицельных выстрелов. Но врагов это не остановило. Силуэты неумолимо приближались. Николай обратил внимание, как странно они двигались – скачками, словно бы на четвереньках. Причем совершенно бесшумно. Затем в разных концах поляны у этих теней начали зажигаться глаза... Тьфу ты, да это же волки! Вот только, разве они бывают такими большими? Впрочем, особенно размышлять было некогда. Сгрудившись у костра, друзья начали лихорадочно посылать стрелы во всё увеличивающиеся фигуры. Но даже в этой спешке все трое успели заметить, что волков совершенно не интересовали лошади (что было более чем странно). Хищники окружали только людей.

Наконец один из них запрыгнул в освещенное пространство. Очевидно, от близости костра, его глаза вспыхнули как два угля. А слюна, капнувшая с белоснежных клыков, вызвала мысли о бешенстве. Николай тут же схватил головню и запустил в оскаленную пасть. Зверь отпрыгнул. Тогда сэр Жан сунул стрелу в огонь, и как только та загорелась, выстрелил в того же волка. Он всё же слегка дернул рукой и лишь ранил хищника. Но зато на том вспыхнула шерсть. Животное вмиг обернулось живым факелом, по-щенячьи завизжало и покатилося по лужайке. Чем сразу отогнало сотоварищей.

Разбойники последовали примеру гостя, но волки уже опомнились. Впрочем, им опять не повезло – ещё одна яркая вспышка остановила серую волну. На этот раз сэр Жан сунул в костер всю крону принесенного дерева. Сухие ветки жарко вспыхнули, и рыцарь начал расшвыривать пылающим стволом зубастых противников, с гулом вычерчивая в воздухе огромные огненные дуги. Друзья продолжали отгонять волков горящими стрелами. Причем, даже промахи помогали – выстрелы иногда поджигали траву и деревья, что еще больше пугало зверей. Рычащая волна потихоньку отступала.

Неожиданно около десятка хищников показались сзади, из-за избушки. Случайно обернувшийся Феоктистов почти инстинктивно отпустил лук. Тут же выхватил из ножен на поясе Зуброва меч с кинжалом милосердия и бросился навстречу зверям. Тела человека и волков быстро сплелись в один мохнатый ком. Это сразу остановило схватку. Очевидно, в гуще дерущихся был вожак. Сэр Жан Дыб-Кальвадоский воспользовался передышкой и треснул горящим бревном по этому клубку. Несколько обожженных тварей метнулись в стороны, а затем и остальная часть рассыпалась неровными кусками. Остался лишь один громадный волк, который упорно тянулся зубами к шее скользкого от крови Володьки. А тот изо всех сил стискивал горло зверя своими руками.

«Прям как тогда, в квартире!» – болезненно поморщился Николай. Он натянул лук и начал тщательно выцеливать серую тушу. Увы, противники, словно специально мешая, непрестанно елозили по телам мертвых зверей. Наконец, хватка человека сделала своё дело, и волк начал задыхаться. Он всё ещё пытался достать Феоктистова, но предсмертная пелена уже заволокла глаза. Содрогаясь всё меньше и меньше, хищник обмяк. К этому времени живых волков у избушки уже не осталось. Уцелевшие большими скачками покинули поляну.

Пока обессиленный Феоктистов приходил в себя, а весело подпрыгивающий Зубров бегал в избушку за веревкой и радостно связывал полупридушенного волка, крестоносец настороженно обошёл место побоища. Неожиданно раздался его исполненный торжества вопль, и он что-то пришил к земле своим мечом. А затем сорвал с шеи большой серебряный крест, наподобие тех, что носят священнослужители Единого, и принялся быстро крутить у земли. Словно наматывал невидимую бечеву.

Когда друзья приблизились, волосы на их головах зашевелились, в буквальном смысле поднимаясь дыбом. На земле, пригвожденное стальным клинком, извивалось страшное черное существо с когтистыми лапами, волчьей головой и телом человека. В провалах глазниц полыхало красное пламя, а от середины туловища шел почти прозрачный шнур с бегущими алыми искрами. Его-то рыцарь и наматывал на серебряное распятие. Перед крестом искорки останавливались и не попадали в чудовище. Оно злобно шипело, пытаясь освободиться, но почему-то даже не пыталось ударить крестоносца, сосредоточенно занимавшегося своим делом всего лишь в шаге от его лап.

– Это оборотень! – объяснил сэр Жан ошеломленным друзьям. – Сейчас прикончу.

– Подожди, о благородный рыцарь! – неожиданно заговорило кошмарное создание. Но крестоносец грубо оборвал его:

– Заткнись!!! Ребята, быстро очертите вокруг него круг горячей палкой!

Зубров поднял одну из головней и торопливо выполнил распоряжение. А рыцарь, практически в последнюю секунду, выдернул из жуткой твари свой меч. Она заметалась в границах узкого круга, словно почти незаметная царапина на земле ограничивала её невидимыми стенами. Крестоносец поднял клинок, что бы разрубить прозрачный шнур, что ещё связывал существо с этим миром. Но тут чудовище взмолилось:

– Пощади! Не убивай меня! Я открою вам место, где есть много золота!

Сэр Жан поперхнулся, но потом грозным голосом произнес:

– Кто ты и кто послал тебя?

– Я Ливарский колдун, волчий пастырь. Барон де Шансон призвал меня и приказал, чтобы я убил рыцарей-оборотней. В противном случае грозился истребить всех моих подданных, включая незрячих щенков.

– Снова де Шансон... – задумчиво произнес Володя.

Крестоносец, увлеченный допросом, не заметил, как соединил распятие и меч. Красные искорки, скопившиеся перед крестом, начали стекать по клинку и растворяться в воздухе. Неожиданно огонь в глазницах пленника потух. Он начал съеживаться, на глазах превращаясь в маленького отвратительного старичка.

– Что ты наделал... – едва слышно прошептал оборотень. Связанный волк рванулся к нему, но Феоктистов успел поймать животное.

– Золото, где золото? – в отчаянии закричал сэр Жан, понимая, что в очередной раз упускал свой шанс. Но существо уже не слушало его.

– Вольф, ты жив... – умиротворенно, но все более слабей, произнес старичок. – Что ж, служи этому рыцарю. Он хороший вожак, сильный и благородный. Сбереги хотя бы его, сэр рыцарь!

Последние слова относились к Володьке.

– Но я не рыцарь! – ошеломленно ответил тот.

– Значит, будешь им... Отпусти же меня!!! – взмолилась полуразложившаяся фигура.

– Где твое золото? – сэр Жан, всё ещё надеясь запугать оборотня, замахнулся мечом.

– Поздно! Теперь я тебе не скажу. Я уже обречен.

Крестоносец грустно вздохнул. Он опять ухватил удачу за хвост и тут же упустил. Как последний дурак. Оставалось лишь не «потерять лицо» перед юными разбойниками. Рубанул «шнур», и старичок пропал. Лишь жалобно, как по покойнику, завыл волк.

– А где тело? – спросил Николай.

– Где-нибудь в укромном уголке. Там теперь и сгниет.

– А это тогда что было? – Зубров указал на пустой круг.

– Что? А, это... Это была душа оборотня. Очистите это место огнем, да пошли спать!

Прежде чем развести новый костер, Феоктистов перерезал веревки, стягивавшие их четвероногого пленника. Волк встряхнулся и убежал в лес. Даже не посмотрев на своего «нового хозяина».

А через несколько часов, когда не выпавшийся крестоносец начал седлать своего першерона, Володька сказал ему:

– Мы же говорили, сэр Жан, что утро вечера мудренее. Ночью ты спас нас, теперь мы спасем тебя.

И протянул рыцарю мешок с монетами. Но потом вдруг быстро отдернул руку и многозначительно поднял палец:

– Стоп! Я вспомнил один отличный фильм!

– Какой? – изумленно вскинулся Николай.

– «Стрелы Робин Гуда»!

– При чем тут Робин Гуд?

– Там была похожая история с рыцарем и замком. Поехали, сейчас попробуем забабахать одну классную шуточку!

Всё трое уверенно вскочили в седла.

Глава 7

В небольшом, но уютном зале центральной цитадели Дыб-Кальвадоса аббат Йорген принимал гостя, приора из Тюри-Аркура. Святые отцы уже закончили осмотр «нового приобретения монастыря святого Патрика», как именовал этот замок его новый владелец. Теперь они спокойно беседовали, потягивая сладкое церковное вино из глиняных чарок. Солнечный свет врвался через распахнутые окна, выгодно высвечивая на гобеленах сцены боёв и охот. Эти огромные тканые полотнища практически полностью закрывали каменные стены зала. Две квадратные колонны, ошестинившиеся подставками для факелов, оружием и щитами, подпирали крепкий деревянный потолок. На остальном пространстве в продуманном порядке были расставлены шкаф с кожаными фолиантами и пергаментными свитками, письменный стол, небольшое серебряное распятие и троянский столик красного дерева с двумя мягкими креслами.

В них-то и сидели священнослужители, наслаждаясь общением и вином, которое регулярно подливал безмолвный служка. Полупустая хлебница, деревянное блюдо с остатками жареного поросёнка в остром перечном соусе, да почти полная плетёная ваза с фруктами свидетельствовали, что беседа носила не совсем богословский характер. Аббат в третий раз выслушивал как «злостный еретик и богоотступник» Робин Худ ограбил приора на дороге в Фалез, куда святой отец отправился по случаю дня Святого Воскресения. Правда, Йорген достоверно знал, что брат во Христе имел в городе немного иной интерес – там жила весёлая блудница, которую приор изредка посещал, скрывая свой сан. Но пока он лишь обдумывал, как бы ловчее обратить этот секрет в звонкую монету.

– Как же все-таки ловко Вам удалось получить для нашей Церкви это великолепие! – неожиданно сменил тему захмелевший толстячок. – И всего за пятьсот экю золотом!

Аббат скромно улыбнулся, показывая, что ему приятна столь высокая оценка его заслуг. Но достойно ответить не успел. За окном послышался требовательный сигнал рыцарского рога. Йорген слегка переменился в лице. Неужели всё-таки вернулся хозяин? Ведь по договору Дыб-Кальвадос переходит к аббатству после захода солнца. То есть через несколько часов! И глупый приор нужен именно как свидетель, чтобы подтвердить перед епископом факт невыполнения сэром Жаном своих обязательства. А теперь, забодай его сохатый, получится наоборот – будет свидетель, что рыцарь вернёт займ!

Святые отцы подошли к окну. И здонжона хорошо просматривалась площадка перед главными воротами. Да, действительно, сэр Жан Дыб-Кальвадоский. И тоже не один. А, впрочем, стоит ли переживать? Йорген невольно усмехнулся, вспомнив, что не далее как вчера странствующий монах-пилигрим рассказывал о возвращении в Норман отважного крестоносца. Который не привез из Трои ничего, кроме славы! А из неё, как известно, золота не выжмешь. Успокоившийся аббат ровным голосом приказал впустить рыцарей. Пока опускали мост и поднимали решетку, священники рассматривали топчущихся всадников. Их сильно смущал неизвестный спутник сэра Жана, рыцарь в черном тораксе, гарцевавший на вороном коне. Наконец, его першерон повернулся так, что стал виден герб на притороченном к луке черном щите – белая лилия на алой косой полосе. Святые отцы даже ахнули одновременно. Сэр Кристофер де Гретевил! Любимец барона де Шансона. Что бы это означало? Уж не начал ли барон собственную игру, нарушив договоренность с аббатством? От этого жадного пройдохи всего можно ожидать.

– Интересно, что у него общего с этим нищим, сэром Жаном? – вполголоса проговорил аббат. Приор лишь удивленно пожал плечами:

– Я слышал, что сэра де Гретевила повергли в каком-то поединке. Не думал, что он так быстро оправится.

Но менее чем через четверть часа, когда поникший сэр Жан почти на коленях умолял аббата отсрочить срок уплаты, святые отцы отвлеклись от недоумения. Нечасто удается почти в открытую потешиться над огромным крестоносцем. Впрочем, зловещая черная фигура сэра де Гретевила, неподвижно вставшего в углу с опущенным забралом, удерживала от совсем уж оскорбительного смеха. А свежеработанная пробоина на его панцире постоянно отвлекала внимание, заставляя Йоргена извлечь из памяти какое-то неясное, но крайне неприятное воспоминание.

Когда рыцари ещё только поднимались в залу, трусоватый приор спросил:

– Брат мой, а ты не боишься, что эти верзилы попросту вышвырнут нас из замка?

– Нет, не боюсь! Я предусмотрел, что сэр Жан может попытаться таким варварским способом расторгнуть договор со Святой Церковью. И кое-что приготовил.

Толстячок воспрял духом:

– Да?! И что же?

– Обратите внимание на расположение мебели в этом зале и щелей между гобеленами.

– Честно говоря, я заметил, что у Вас между полотнами на стенах оставлены просветы. И никак не мог взять в толк, для чего. Они же теперь совершенно не спасают от сквозняков! – приор поежился и отпил очередной глоток.

– Временно, брат мой, временно. За щелями находятся бойницы, которые соединяют этот зал с соседними. А около бойниц сейчас стоят лучшие стрелки нашего доброго соседа и верного христианина, барона де Шансона. И, если Вы уже изволили заметить, мебель расположена таким образом, что лучники могут простреливать всё пространство зала. Не задевая, естественно, этих кресел.

– О, как умно! – обрадовался толстяк, намертво вцепляясь в подлокотники. – Но сэр де Гретевил...

– Посмотрим! – перебил его аббат. Он сам никак не мог понять, по своей ли воле появился здесь второй рыцарь, или же это барон де Шансон послал с сэром Жаном своего любимца? И если всё же послал, то зачем? Неужели хочет отменить свой приказ?

Наконец, Йорген соизволил ответить крестоносцу:

– Оставим суетные просьбы. Ты заключил договор со Святой Церковью, а теперь богохульствуешь, пытаясь оттянуть срок. Сам Господь был свидетелем твоей клятвы. Если Он не дал тебе денег во время крестового похода, то это значит только одно – ты был слишком грешен, и не искупил грехи постом и молитвой. Так не увеличивай же хотя бы теперь числа своих прегрешений.

– Это ты богохульствуешь, аббат!!! – неожиданно пророкотал под сводами зычный металлический голос. Святые отцы и сам сэр Жан, еще не знакомый с системой усиления звука в рыцарском шлеме, присели от неожиданности. Лишь через несколько мгновений они поняли, что слова принадлежали всё ещё неподвижному сэру Кристоферу.

– Кто ты? Ты не сэр де Гретевил! – указал перстом на мрачную фигуру Йорген, стараясь придать голосу большую твердость.

– Конечно, нет. Сэр Гретевил мёртв.

Вот оно!!! С неожиданной ясностью священник, наконец, вспомнил рассказ одного из монахов о том, что Кристофер был не просто повержен, а убит! Аббат поднял руку для жеста изгнания дьявола, но черная фигура уже направилась прямо к нему.

– Кто ты такой, и по какому праву врываешься в чужие владения? – презрительно спросил Йорген. Теперь-то он был полностью уверен в помощи лучников. Рыцарь взял из вазы крупный кастильский апельсин и неожиданно с силой воткнул в перекошенный рот священнослужителя. Тот поперхнулся, потерял равновесие и упал в кресло. Воин тут же прижал его руки к подлокотникам своим мечом в ножнах.

– Сэр Жан доблестно сражался с неверными в Иерусалимском королевстве, – снова раздался его нечеловеческий рокот. – Он покрыл себя и Церковь неувядаемой славой, служа делу императора Андроника, а не Мамоне. Ведь богатство и роскошь вызывают лишь похоть и развращение.

Мнимый де Гретевил ударом руки сбил со стола стаканы, и вино вылилось на приора. Но тот не оставил безопасного кресла. Попытался лишь отодвинуться. Рыцарь заметил это. А Йорген смог прожевать и выплюнуть апельсин:

– Пошел вон! – заорал он и так же резко затих, заткнутый вторым цитрусовым.

– Господь отметил воина Своей десницей. Так как же ты, святой отец, бессовестно предающийся греху обжорства, смеешь глумиться над крестоносцем?

Блюдо с остатками поросенка так же полетело в приора. Но тот стоически перенес и это оскорбление. К немалому удовольствию рыцаря. А аббат снова прожевал апельсин:

– Мерзавец! Я отлучаю тебя от церкви! Пошел вон! Во-он!!! Пошел прочь, грязная свинья! Вон из моего замка! Мо-е-го!!! – по складам проорал он, в бессильной ярости пытаясь испепелить обидчика взглядом. – Ни минуты, ни секунды отсрочки!!! Пошли вон, нищие ублюдки!

Рыцарю надоел поток грязных ругательств, и он прекратил его румяным яблоком.

– Как можно святому отцу так поносить мирянина? И такими недостойными словами! – мягко пожурил он священника. – Однако вернемся к Солдату Господа, славному рыцарю сэру Жану. Как я уже сказал, Великий, Единый в Трех Лицах отметил его...

Яблоко – не чета толстокожему апельсину. Йорген попросту перекусил его, и выплюнул кусок в забрало де Гретевила. Но рёв рыцаря перекрыл его новые вопли:

– И Господь не позволил своему крестоносцу отдать замок и земли в грязные руки грешников в рясах!!!

Металлическая рука рванула веревочку, стягивающую тяжелый мешочек, до поры висевший сзади на поясе. Рыцарь поднял его над головой аббата. И крик прервался на полуслове, захлестнутый золотом и серебром.

– Здесь ровно пятьсот экю! Можешь пересчитать.

Меч отпустил руки священника. Йорген затравлено посмотрел в окно – солнце все ещё ярко светило. Даже слепой не назвал бы это закатом. Оставался последний козырь.

– Стреляйте!!! – истерически закричал он. – Стреляйте в них!

Почти мгновенно клинок рыцаря освободился из ножен. Одновременно с этим акустическая волна усиленного резонатором крика ударила по ушам:

– Жан, падай на попов!!!

Крестоносец плашмя рухнул на многострадального приора, стол и аббата. А там, где только что была его голова, со свистом пересеклись пути двух длинных стрел. Третью, направленную в шею, «Кристофер» отбил лезвием меча, а совершенный при этом небольшой поворот спас от четвертой. Она лишь впилась в металл доспеха, пригвоздив шлем к панцирю.

«Де Гретевил» в два прыжка покрыл расстояние до ближайшей бойницы и с силой ткнул в неё своим мечом, аж по плечо забросив в проём руку. Лезвие ударилось во что-то, послышался короткий вскрик. Когда рыцарь вытащил меч, его конец был алым от крови. В этот момент воин заметил укрытую гобеленом дверь, ведущую в соседнюю комнатку. Очевидно, такие же были и у других бойниц.

Заклиненный шлем очень стеснял движения, поэтому «Кристофер» сорвал его. Взорам перепуганных попов предстало оскаленное лицо неизвестного юноши, обезображенное свежим кровавым рубцом. Над металлическими плечами взметнулись слипшиеся пряди тёмно-русых волос. А сэр Жан, удобно расположившийся на священниках, с удовольствием наблюдал за молодым Феоктистовым. На ходу тот отбил ещё две летящие стрелы. «Отличная реакция!

Интересно, где мальчишка научился ТАК чувствовать меч? Немного подучить, и выйдет первоклассный боец!» – думал крестоносец.

Разбойник ворвался в комнатку со второй бойницей. Кто-то испуганно закричал, но металлический удар оборвал крик. Снова появился в зале. Теперь кровь закрашивала уже половину клинка. Во Владимира ударили ещё одной стрелой. Доворот корпусом с взмах меча – и смерть снова прошла мимо. А он бросился к не стрелявшей амбразуре.

Там стрелок выбегал в коридор. Увидев преследователя, развернулся и решительно обнажил клинок. Увы, навыка фехтования у него оказалось меньше! Разбойник в два удара обезоружил солдата и с силой ткнул мечом в грудь. Оружие застряло в убитом.

– Да, блин!!! Что ж ты сроду не во время!

С топором таких проблем никогда не возникало. Оборотень поднял лук заколотого и побежал в четвертую комнатку. Интуиция не подвела – последний солдат, с кабаньей головой и розой на накидке, тоже убегал по коридору. Уже в его конце, футах в тридцати, обернулся. Как раз в это время Владимир вбегал в комнатку. Стрелок выстрелил. Разбойник всем телом бросился на стену и, вскинув оружие, ответил «по-татарски», удерживая тетиву со стрелой и резко выкидывая вперёд руку с луком. Увы, до Робин Худа ему было далеко – промах получился ярда в два. А вот стрела противника пришла точно в левый бок. Она даже пробила торакс, но глубоко поранить не смогла.

– Сволочь... – оскалился Феоктистов. Выдернул из себя окровавленный стержень и наложил на лук. Стрелок уже скрылся за поворотом, и разбойник, прихрамывая, побежал следом. Настиг в одном из переходов. На этот раз, вовремя отшатнувшись за угол, избежал смертоносного выстрела. Стрелял солдат, действительно, хорошо. Стараясь не дать противнику времени на перезарядку, бросился вперед. И увидел несущегося на него воина, закрывшегося щитом. Очевидно, тот снял его со стены – в замке было много оружия. Почти в упор, с нескольких ярдов, Владимир выстрелил. Удар стрелы лишь отклонил щит противника, но не остановил его атаку. В следующую секунду пришлось парировать удар боевого топора. Древко лука с хрустом разлетелось, и разбойник остался вообще без оружия. Лицо противника посветлело. Но он не успел поднять руку для второго удара, как оборотень уже вцепился в неё. Всей бронированной массой качнулся в сторону, увлекая стрелка, и резко махнул ногой вверх. В принципе, Феоктистов целил в колено. Но не попал. Ловкий солдат успел убрать ногу. Зато отягощенная металлом конечность всей нерастраченной инерцией чиркнула пах. Не давая стрелку опомниться, Владимир от души добавил по роже. Прямо ладонью в боевой перчатке. От этой затрепщины мир померк, и руки ошеломленного солдата ослабли. Следующий удар сбил его с ног.

Как только противник упал, злость Феоктистова улетучилась. Он поднял его топор:

– Вот так-то, милоч! Впредь умнее будешь.

Противник скорчился на деревянном полу и судорожно пытался глотнуть воздух. Но сжатая спазмом грудная клетка не распрямлялась. Лицо начало багроветь от удушья.

– Выдохнул! Резко! Ещё раз! Через рот! – уверенно, но беззлобно скомандовал Феоктистов. Это помогло. При резком выдохе грудь слегка отпусало и вдох получался сам собой. Через минуту пленник уже мог не только дышать, но и двигаться. Но теперь его лицо начало наливаться сине-красным от полученных латных оплеух.

– Кольчугу снял! И сапоги!

Солдат повиновался. Вскоре он остался в одном холщовом белье. Победитель не стал подбирать одежду. Успеют и потом. Под угрозой топора отконвоировал в залу.

А там святые отцы старательно собирали монеты. Точнее, трудился один бедолага приор. Сэр Жан вновь прижимал аббата Йоргена к креслу. Только на этот раз уже обнаженным мечом. Тот злобно вращал глазами, скрипел зубами, но на этом его участие в действе и заканчивалось. Всё-таки аргумент крестоносец выбрал самый доходчивый. Параллельно хозяин ещё и следил за старанием и честностью работавшего гостя. Наконец, в холщовом мешке оказались

все составные части пятисот эку. Оставшуюся небольшую горстку «рубленок» Феоктистов небрежно впихнул прямо в рот приора:

– Молодец! Это тебе за старание!

После этого священники, служка и избитый стрелок бесцеремонно («на пинках», как выразился разбойник) были выпровождены из замка. Но на прощание, странно улыбаясь, Владимир сказал солдату:

– Если ты когда-нибудь встретишь крепких молодцев в зелёных холщовых куртках, с луками и топорами, или же рыцарей-оборотней, немедленно отложи оружие в сторону, встань на колени и скажи: «Я, бедный и несчастный, затем свое имя, пострадавший от кулаков рыцаря-оборотня, друга рыцаря сэра Жана Дыб-Кальвадоского и доблестного Робин Худа. За великие мучения рыцарь-оборотень назначил мне пенсию». Запомнил? И протянешь руку. Повтори!

Избитый солдат покорно повторил оскорбительную фразу. А затем четыре несчастных человека побрели прочь от великолепного замка, который недавно считали своим. Счастливей же хозяин стоял на подъемном мосту и искренне махал им рукой.

* * *

Аббат Йорген, приор из Тюри-Аркура, служка и стрелок де Шансона торопливо шли по лесной дороге. Хотелось до заката добраться хотя бы до ближайшей деревни. Разбитое лицо солдата, даже умывшегося в ручье, страшно распухло и больше напоминало какую-то неудачную маску. Поэтому лишь на нём не проявилось выражение ужаса, когда из придорожных кустов вышел ладно скроенный детина в зеленой холщовой куртке и треугольной шляпе с длинным фазаньим пером. Он многозначительно похлопал по ладони полированным лезвием аккуратного меча и вежливо поздоровался:

– Добрый вечер, святые отцы!

Аббат проворно сунул под рясу тяжелый мешок с деньгами, а приор из Тюри-Аркура начал креститься.

– Сгинь, сгинь, нечистый, – запротестовал он. – Исчезни!

Похоже, для Йоргена день сплошных огорчений ещё не окончился.

– Кто это?

– Как кто?! Этот чертов разбойник, Робин Худ! – истерично выкрикнул приор.

Н-да, уж! Именно это аббат надеялся услышать меньше всего.

– Да, святые отцы! Это действительно я, великий грешник Робин Худ. И, наверное, поэтому Господь не внимлет моим молитвам и не дает хотя бы немного денег. Может быть, вы мне их дадите, святые отцы? – с самым благочестивым видом спросил разбойник.

– Да что ты! Господь с тобой! Не видишь – мы сами избиты и ограблены рыцарями-оборотнями!

– Да?! Какой ужас! Вот мерзавцы-то.

Аббат горестно развел руками, демонстрируя полную безысходность, и картинно закатил глаза к небу.

– Вижу, мы с вами в одинаково бедственном положении, – продолжил разбойник.

– Да, да! – согласно закивали головами святые отцы. Служка от страха впал в состояние временного ступора и лишь беззвучно шептал молитвы. А стрелок безучастно смотрел на происходящее заплывшими от отёков глазами.

– Ну что ж! Мои молитвы до Господа не доходят. Но вы-то, как-никак, Его служители. Причем, довольно высокие. Несомненно, ваши молитвы прямехонько, ещё тёплыми, попадают прямо в уши Всевышнему. Давайте вместе помолимся, чтобы Он послал нам немного денег. Вам Господь не должен отказать.

Поощряемые мечом Робин Худа, все четверо опустились на колени и молитвенно сложили руки, обратив взоры вверх. Сам он тоже встал рядом и сделал вид, что упорно просит Всевышнего. Впрочем, довольно скоро встрепенулся и весело сказал:

– Пожалуй, Бог уже внял нашим молитвам!

Не вставая, порылся у себя за поясом.

– Ну, у меня пусто!

Осмотрел несчастного служку и стрелка.

– И у этих бедолаг ничего не прибавилось.

Затем протянул руку к приору. Нашупал и срезал с его пояса увесистый кошель, куда тот аккуратно ссыпал и давешние «рубленки». Тот молча, со страдальческой миной, смотрел в равнодушные небеса. Третий раз, среди белого дня, Робин Худ грабил его!

– Ого! Смотрите, святой отец. Господь услышал Вашу молитву! – изумился разбойник. – А что у Вас?

На этот раз он обращался к аббату. Йорген попробовал вскочить, но Робин железной хваткой удержал его:

– Зачем же так волноваться?

Мешок с 500 экю тоже перекочевал к разбойнику.

– Святой отец, да Вы воистину святой! Только молитва праведника может сразу дать столько золота! Я обязательно помолюсь за Вас сегодня вечером. Вот только, наверное, Всевышний опять меня не услышит.

Робин Худ встал и отряхнул дорожную пыль. Аббат с ненавистью смотрел на него.

– К чему эти яростные взгляды, святой отец? Если Господь за такую короткую молитву отвалил Вам не менее 20 фунтов, то сколько же Вы получите после Всенощной в храме? А раз вам Единый в трех лицах даст ещё, то эти кошельки я заберу себе. Уж, видно, такой я грешник, что только вашими молитвами, святые отцы, живу на этом свете!

Вскоре аббат, приор и мгновенно вышедший из ступора служка со всех ног улепетывали по ещё тёплой пыльной дороге, сопровождаемые свистом и улюлюканьем Робин Худа. Лишь один стрелок продолжал стоять на коленях.

– А ты чего расселся, мил человек? – наконец не выдержал тот. – Тебе бояться нечего. Ступай, куда шёл.

Видя, что тот не поднимается, участливо спросил:

– Ты вообще кто?

Пристально глядя на разбойника, стрелок ответил:

– Я вижу Вы крепкий молодец в зеленой холщовой куртке. Но, почему-то без лука...

– Он в кустах. Тебе что за дело до него? – насторожился Робин Худ.

На обочине зашуршали ветки, и на дорогу, сверкая кольчугой, выбрался Николай с прославленным оружием атамана.

– Ого, и рыцарь-оборотень здесь!

Разбойники удивленно переглянулись.

– Увидев вас, я должен отложить в сторону оружие, сесть на колени и сказать: «Я бедный, несчастный Дэниэл Скотт, пострадавший от кулаков рыцаря-оборотня, друга рыцаря сэра Жана Дыб-Кальвадоского и доблестного Робин Худа. За великие мучения рыцарь-оборотень назначил мне пенсию». И протянуть руку.

Он закрыл глаза и, опустив голову, со страхом вытянул вперед левую кисть, ладонью вниз. Ожидая, что её сейчас отрубят. Секунду разбойники стояли в полной растерянности. А затем Зуброва осенило:

– А! Так это Володька его отделал! И просит заплатить мужику за страдания! Ну-ка, ну-ка, пенсионер, расскажи-ка всё по порядку.

Солдат с удовольствием рассказал, как по приказу барона охранял аббата. Как рыцарь-оборотень, не пробиваемый бронебойными стрелами, в одиночку сразил трёх его товарищей, а его самого избил, оставшись без оружия против топора. Причём, красочно и самокритично описал и свои ощущения. В конце рассказа разбойники так хохотали, что у стрелка появи-

лась робкая надежда сохранить хотя бы часть руки при осуществлении обещанной «пенсии». Каково же было его изумление, когда всё ещё смеющийся оборотень отобрал у Робина кошелек приора и, предварительно перевернув ладонь солдата, вложил мешочек в непроизвольно трясушуюся кисть:

- Ступай с миром, мил человек!
- Подожди, это мои деньги! – возмутился атаман.
- Из нашего кошелька возьмешь.

Стрелок изумленно смотрел то на врученные деньги, то на уходящих разбойников. Вместо нанесения нового увечья они неожиданно одарили его... А вот в Шансоне точно не ждало ничего хорошего. Либо повесят за невыполнение приказа, в назидание остальным, либо продадут в рабство. И солдат неожиданно взмолился:

– Постойте, ради всего святого! Подождите! Вы не разбойники – вы ангелы! Простите меня, я не хочу сражаться против вас. Умоляю, возьмите меня с собой! Мне не нужны эти деньги, – он отбросил кошелек к ногам Робина. – Честно! Возьмите! Вы увидите, что Дэниэл Скотт тоже честный человек!

Лесной стрелок неопределенно пожал плечами и хмыкнул:

– Ну что ж, посмотрим.

Хозяйственно подобрал кошелек, но, наткнувшись на взгляд Зуброва, снова отдал Дэниэлу Скотту. И лишь после этого обратился к Николаю:

- А это было в вашем «фильме»?
- Что «это»? Избитый стрелок, что ли?
- Ну да. «Пенсия» эта.
- По-моему, не было. Я точно не помню. Но с попами ты точно как в кино пообщался!
- Ну и славно! – довольно улыбнулся Робин. – Но вы мне обещали половину добычи!
- Сомневаешься?!
- Да нет, конечно! Только этот кошелек тоже в добычу входит!
- Ладно, сочтёмся! Тебе бухгалтером надо быть! – ругнулся Николай.
- От «бухгалтера» слышу! – привычно парировал атаман.

Дэниэл благоговейно прислушивался к непонятной ему перебранке. Что ж! Он жив, это главное. Даже при деньгах. А новая разбойничья жизнь может оказаться не менее интересной. Тем более, семьи у него нет, так что и терять особо нечего... Три человека постепенно исчезли под широким пологом Фалезского леса.

Глава 8

Когда Зубров с Робин Худом подъехали к Дыб-Кальвадосу, над его воротами уже развёлся стяг сэра Жана. У поднятого моста скопились крестьянские повозки, и возницы сдержанно обменивались мнениями. Крестьяне явно пребывали в растерянности. Разбойники уверенно раздвинули их крупами коней и подъехали почти к самым воротам. Однако в цитадели, похоже, их прибытие осталось незамеченным.

– Дрыхнут они там, что ли?

Атаман взял у Зуброва рог и требовательно протрубил. Через несколько минут мост начал опускаться, и за замковой решеткой обозначился сам крестоносец.

– Что, дармоеды, заждались владельца? – весело обратился он к крестьянам.

Ответом был нестройный, но явно обрадованный гул голосов. Сэр Жан сразу же принялся отдавать указания. Первым делом приказал вынести из замка и похоронить лучников де Шансона. Энтузиазм селян сразу сник, зато авторитет феодала вырос до прежней отметки – сэр Жан, оказывается, не разучился убивать норманцев. Уже через пару часов из прибывших, наиболее крепких простолудинов он набрал новый гарнизон. Это было легко, так как зависимый крестьянин, ставший дружинником, сразу получал статус свободного человека. Чуть сложнее пришлось с комплектованием замковой obsługi. Ведь переход в ранг слуги принципиально для селянина ничего не менял. Но рыцарь справился и с этим. Благо жизнь в цитадели, как правило, была существенно легче и сытнее многотрудного добывания крестьянского хлеба.

Разбойники в это время увлечённо поглощали трапезу, любезно оставленную аббатом. А именно – ели жареную свинину, запивая сладким церковным вином. Правда, с хлебом пришлось туговато. На троих им осталась одна, да и то надкушенная лепешка. Зато мяса было вдоволь. Друзья развели в камине огонь и соорудили импровизированный шашлык, насадив крупные куски молодой свинины на кончики мечей.

Когда с хозяйственными хлопотами было покончено, к пирующим присоединился счастливый хозяин. Два новых слуги неуклюже втащили за ним бочонок прошлогоднего эля, пару головок сыра, а также корзины с ароматными ковригами горячего свежего хлеба и сырыми яйцами. Из последних Зубров сразу же принялся готовить огромную яичницу.

– Где это они так быстро хлеб успели испечь? – изумился Феоктистов. Сэр Жан, в свою очередь, удивленно взглянул на него:

– В пекарне, конечно.

– Пекарни, как и мельницы, стараются ставить только в замках. Так крестьянам сложнее увильнуть от уплаты налогов, – пояснил Робин Худ.

– Вы что, не знаете этого? – недоверчиво спросил крестоносец.

– Они иностранцы! – вступился за друзей атаман. – Многого у нас не понимают.

Вечер закончился вполне благополучно.

* * *

Преисполненный благодарности сэр Жан предложил ребятам погостить, пообещав научить «драться по-настоящему». Друзья, конечно же, согласились. Но сначала решили справиться с делами. А их накопилось уже изрядно. Нужно было оборудовать несколько зимних подходов к своей избушке, поправить крышу на хибаре бабушке Линде, помочь ей и семье Смитов в заготовке сена на зиму, запастись дров для баньки...

Примерно через месяц всё было завершено, и ребята направились в Дыб-Кальвадос. Замок уже бурлил полноценной жизнью рыцарской цитадели. Подъезжали повозки с дровами и съестными припасами, дымили трубы пекарни и кузницы, стучали молоты кузнецов, топоры плотников, поскрипывали лебедки каменщиков. Сэр Жан, как и следует рачительному хозяину, спешил укрепить замок, пользуясь тем, что под его стенами ещё не толпились воины

какого-либо соседа, обнищавшего золотом и рабами. Увы, нравы в Норманском королевстве были далеки от заповеданных Богочеловеком.

– Друзья мои! – радостно приветствовал их крестоносец. – Ну, наконец-то вы решили посетить мое скромное жилище!

Он немедленно распорядился начать подготовку к пиру. Приятелей же пригласил скоротать время в свою оружейную комнату. «Оружейка» располагалась на третьем уровне донжона, и снаружи в неё вела довольно хлипкая деревянная лестница. Сам вход в башню располагался на высоте примерно тридцати футов, что, конечно, было очень удобно в плане обороны, но весьма рискованно в мирное время. Впрочем, глядя на сэра Жана, беззаботно вышагивавшего по прогибавшимся мосткам, друзья так же постарались не подать виду, что побаивались невзначай грохнуться с почти 10-метровой высоты.

Оружейная комната представляла собой просторную каменную залу, на всем протяжении которой стояли крашенные олифой деревянные подставки, заполненные ровными рядами копей и алебард, боевых топоров, а так же луков со снятыми тетивами. Тут же лежали связки длинных стрел, теснились деревянные, обтянутые кожей, щиты. Отдельно висели мечи, стальная кольчуга феодала и кожаные доспехи дружинников.

Ребята с удовольствием опробовали различные виды оружия. Покрутили, сравнивая, старые и недавно выкованные образцы, проверили наиболее понравившиеся клинки на прочность легкими ударами о свои мечи. Крестоносец гостеприимно предложил гостям выбрать себе в подарок по одной смертоносной «игрушке». С учетом огромной стоимости, которую здесь имело стальное оружие, это был поистине царский жест. Николай тут же присмотрел себе добротный норманский меч, решив особо не скромничать. Владимир же сначала неторопливо перебрал связку просушенных луков, но потом зацепился взглядом за трофейный троянский кинжал.

Изящное, чуть выгнутое жало его клинка было около 6 дюймов длины. Полированная голубоватая сталь пересекалась короткой медной гардой в виде двух голов змей, изготовленных с большим изяществом. А их «тела» крест-накрест оплетали узкую рукоять, дополнительно обтянутую хорошо выделанной кожей. Заканчивалось всё это великолепие резной серебряной шишечкой, в которую сплетались хвосты рептилий. Кинжал был красив тем самым смертоносным очарованием, которое присуще только боевому оружию.

Сэр Жан понятиливо улыбнулся:

– Это один из немногих сувениров, которые мне удалось привезти из крестового похода. Он принадлежал наемному убийце, ассасину. Думаю, в твоих руках, Владимир, этот кинжал найдет более благородное применение.

– Я не могу принять его, сэр Жан. Это слишком дорогой подарок.

– Не дороже моего замка. Я всегда буду благодарен вам с Николаем за вашу помощь.

Дальше отказываться у Феоктистова просто не было сил. Рукоять словно сама легла в ладонь, и от неё, вверх по руке, поползла тонкая змейка холода. Владимир зачарованно провёл перед глазами голубоватым лезвием:

– У него есть имя?

– Конечно, это же боевое оружие. Но я не знаю его. Мне, знаешь ли, пришлось свернуть шею тому ассасину прежде, чем он смог что-либо сказать. Да и сомневаюсь, что он вообще собирался говорить. Зарезать, да, собирался... Так что попробуй придумать сам.

Владимир ненадолго задумался.

– «Сарацин»! Я назову его «Сарацин»!

– Прекрасное имя. Да, кстати! Думаю, пора испытать его в деле. Мясо на столе!

В дверях оружейной залы, действительно, маячил слуга, известивший владетеля, что подготовка завершена. Вслед за сэром Жаном друзья спустились на второй этаж, который занимала большая пиршественная зала. Здесь, как и в большинстве помещений донжона, царил

полумрак. Несмотря на яркий день, солнечного света было не достаточно. Небольшие окна, оставленные в толще стен, были забраны толстыми железными решетками. Поэтому в стенных держакках дополнительно горели смоляные факелы, от чего в воздухе ощущалась устойчивая горечь дыма. Впрочем, в качестве своеобразного освежителя здесь выступали охапки свежего душистого сена, устилавшие пол. Посередине стоял огромный «П»-образный стол, собранный из длинных досок, положенных на специальные козлы, которые накрыли белыми домоткаными скатертями.

Около стола уже столпилось человек 20 дружинников, а несколько слуг споро таскали разнообразные блюда. По знаку феодала принесли таз и кувшин с водой. Сам крестоносец лишь символически омочил ладони перед трапезой, а друзья, напротив, с удовольствием вымыли руки. Остальные ненавязчиво проигнорировали непонятный «троянский» обряд. Вслед за владельцем все весело устремились к лавкам, установленным с внешней стороны стола. Тут же, словно сами по себе, испарились крышки с бочонков, на равном расстоянии выставленных вдоль лавок, и кружки дружинников до краев наполнились светлым элем и яблочным сидром.

– За моих друзей! – провозгласил сэр Жан и, подавая пример, осушил серебряный кубок. Слуги немедленно последовали примеру и жадно набросились на мясо. Впрочем, рыцарь, перед тем как выпить, сначала аккуратно вытер рот специальной салфеткой. Чувствовалось, что он опять выполнил какой-то ритуал, ещё неизвестный его новым слугам. Друзья, на всякий случай, тоже аккуратно промокнули губы перед питьём и, по примеру сэра Жана, отхватили собственными ножами по здоровенному куску мяса. Благо, перед ними красовалась целая туша зажаренного оленя. Феоктистов был приятно удивлен остротой «Сарацина». Кинжал резал как хороший скальпель. Рядом с олениной обнаружилась чашка, наполненная острым соусом из перца и гвоздики, которым, как оказалось, местные поливали любое мясное блюдо.

Сначала друзья чувствовали себя на пиру довольно стесненно. Но потом сообразили, что новые слуги сэра Жана тоже не знали установленных правил поведения. По простоте душевной бывшие крестьяне жадно хватали наиболее приглянувшиеся куски со всех блюд, до которых только могли дотянуться, и обеими руками до отказа набивали рты. При этом дружинники отвратительно чавкали, хохотали и что-то рассказывали. Многие, словно изголодавшиеся собаки, перехватывали пищу у соседей. Кроме того, солдаты почти непрерывно накачивались пивом и яблочным вином. Куски грубого хлеба, заменявшие здесь тарелки, многими попросту игнорировались или же использовались по прямому назначению. Поэтому, на общем фоне, друзья смотрелись сущими образцами благовоспитанности – аккуратно отрезали ножами большие куски мяса и, положив на собственные горбушки, не спеша разделялись с ними. Эль и сидр пили только после крестоносца, который делал это в промежутках между сменами блюд.

Пиршество проходило под довольно заунывное пение бродячего гистриона, уже неделю обретавшегося в гостях у сэра Жана. Певца звали Питер из Фалеза, и он, уже в который раз, исполнял балладу о доблестном сэре Гильороне Ливарском, ушедшем в крестовый поход. Впрочем, с каждой выпитой кружкой пение Питера казалось друзьям всё более мелодичным. А ко второму часу застолья они уже не только подпевали гистриону, но и подтанцовывали. Тем более, что за зажаренными целиком оленями последовали кабаньи окорока, медвежатина, жареные дикие гуси, громадные пироги с начинкой... А в перерывах активно употреблялся добротный ячменный эль, вперемешку со слабым яблочным вином.

Правда, окончание пирушки прошло не совсем приятно. Захмелевшие дружинники, очевидно устав от пения Питера, начали наперебой приставать к гостям с расспросами. Кто, мол, такие, да откуда, и как вообще там у вас люди живут? Настроение у гостей моментально упало. Ну не рассказывать же, в самом-то деле, каким-то слугам о трудовых буднях разбойников или о житье в далеком XX веке параллельного пространства.

– Сэр Жан, – наконец не выдержал Феоктистов. – Мы приехали к тебе в гости, чтобы отдохнуть, а не для того, чтобы устраивать балаган для дружины или развлекать слуг рассказами! Если ты считаешь иначе, можем сейчас же уехать.

Крестоносец изумился, но для порядка рыкнул на распоясавшееся воинство. Вообще-то он и сам сильно рассчитывал на интересный рассказ о делах, творящихся в дальних краях. Как-никак гости были самыми настоящими иностранцами и наверняка могли порассказать такое, что потом вспоминали бы в Дыб-Кальвадосе долгие годы. Странно всё это. Почему они, интересно, не желают рассказать о своей стране? Разве что обет какой себе дали. Но, с другой стороны, ни рыцарями, ни монахами друзья не являлись, а, значит, ни о каком-либо серьезном обете и речи быть не могло. В общем, категорический отказ от рассказа неожиданно заставил крестоносца всерьез задуматься о всех странностях, отмеченных со времени первого знакомства с молодыми разбойниками.

Закончился инцидент тем, что Питеру пришлось еще раз вспомнить весь свой репертуар. После чего ещё более подвыпившие друзья неожиданно все-таки запели хором на незнакомом языке что-то вроде:

Zemlja v illjuminatore, zemlja v illjuminatore,

Zemlja v illjuminatore vidna!

Пение несколько примирило дружинников с несбывшимися надеждами на увлекательные истории. Закончился пир в тот момент, когда голова последнего пьяного воина упала на забрызганную мясным соком скатерть.

Утром следующего дня Феоктистов проснулся поздно. Оказалось, что более трезвые слуги заботливо перенесли его в одну из верхних комнат боковой башни. Он лежал на небольшой кровати, застеленной выделанными шкурами и закрытой белым балдахином в форме рыцарского шатра. Из одежды с него сняли лишь сапоги и перевязь с мечом. Помятый и хмурый Владимир вылез из этой «палатки» и первым делом проинспектировал большой ночной горшок. Есть, все-таки, у пива одна неприятная особенность... Ему существенно полегчало. Тогда он обратил внимание, что на прикроватном столике стояла большая деревянная кружка со специальной откидывающейся крышечкой. Вот теперь эль был кстати. Ополовинив сосуд, Феоктистов почувствовал себя ещё лучше и смог заняться гимнастикой. Взбодрившись, оделся и спустился во внутренний дворик.

Около колодца обливался холодной водой Николай.

– Здорово, алкоголик! – радостно заорал он при виде похмельного друга. – Скупнуться не желаешь?

– Желаю.

Душ из пары холодных вёдер ещё более примирил с жизнью. Теперь ребята были в состоянии более детально ознакомиться с устройством норманского замка. Вплотную к донжону примыкали казармы и иные жилые помещения челяди, а также кузница, оружейная мастерская, пекарня, кухня, амбар, погреб, конюшня и псарня, сколоченные из грубых необрезных досок. Постройки были окружены внутренней, более высокой, чем внешняя, каменной стеной со вторыми воротами. Пространство между крепостными стенами, называемое первым двором, было оставлено достаточно просторным. Почти весь его покрывала свежескошенная зелёная стерня, истоптанная сложной сетью тропинок. У северной стены обнаружился небольшой огород с лекарственными травами. Друзья без труда опознали подорожник, крапиву, бессмертник... Похоже, это была своеобразная аптечка сэра Жана. Неподалеку располагалась избитая конскими копытами площадка ристалища, с расставленными по периметру деревянными тренажерами и мишенями. Наверняка, крестоносец совершенствовал здесь своё воинское искусство. Чуть поодаль крутились лопасти небольшой ветряной мельницы.

Больше всего друзей, конечно, заинтересовали тренажеры. В основном, это были разнообразные квинтаны, предназначенные для развития меткости и реакции конного воина. Самая

простенькая представляла собой «Т» -образную вращающуюся перекладину, достававшую примерно до уровня груди всадника. На одном её конце был закреплен деревянный квадрат, а на другом – небольшой кожаный мешочек с опилками. На следующей, вместо квадрата был установлен настоящий деревянный щит, а мешок, теперь уже с песком, имел в диаметре около полутора футов. Перекладина последнего тренажера доставала примерно до головы всадника. Её концы, соответственно, украшали помятый рыцарский шлем и шипастый железный шар на короткой цепи.

– О, блин, смотри! – уважительно оценил квинтану Николай. – Если таким по башке приложить, точно ногами вперед унесут!

Не нужно было быть семи пядей во лбу, что бы догадаться, как проходили тренировки феодала. Наверняка, разогреваться сэр Жан начинал с простенькой квинтаны. На полном галопе он поражал острием копья деревянный квадрат, от чего всё сооружение резко разворачивалось и норовило шарахнуть тренирующегося по спине мешком с опилками. Удар должен был прилететь чувствительный. Затем наступал черёд перекладки со щитом и большим мешком с песком. В этом случае пропущенная плюха запросто могла выбить всадника из седла. Ну и третий, наиболее опасный номер – удар копьём в голову противника, с последующим уходом от ответного, наверняка смертельного, удара кистеня.

Имелись и меньшие квинтаны, для пеших тренировок. Вскоре Николай уже азартно забавлялся с одной. Он от души лупцевал щит тренажёра своим новым мечом и уклонялся от ответных движений кожаного мешка. Чуть дальше, почти у самой стены, стояли многочисленные деревянные мишени, чьё назначение тоже не допускало двойного толкования. Владимир выбрал наиболее широкую и попробовал метнуть «Сарацин». Он тоже быстро вошёл во вкус. Кинжал был прекрасно отбалансирован.

– Я вижу, времени зря не теряете! – неожиданно раздался за плечом голос сэра Жана. Феоктистов непроизвольно вздрогнул.

– Да вот, решили развлечься.

– Ну-ну... Может, на мечях поиграем?

– Без кольчуг? – несколько насторожился разбойник.

– Как хочешь.

– Нет, давай-ка, защиту наденем. Не люблю поцарапанным ходить.

Зубров бросил свою квинтану и подошел к облачающимся приятелям:

– Вы это чего?

– Тренироваться будем.

– А! Ну, тогда я следующий.

Наконец, воины изготавились.

– Нападай! – великодушно предложил Владимир. И тут же его меч вылетел от мастерского взмаха, а по закрытым кольчугой ребрам хлестнул рубящий удар клинка.

– А, блин! – он с трудом восстановил дыхание и поднял клинок.

– Нападай!

Взмах, отбив, удар по ребрам, ещё один, закрут – и оружие Феоктистова вновь сверкнуло стальной щучкой, отлетая прочь. При этом, похоже, сэр Жан бил лишь вполсилы, специально не прорубая кольчугу.

На этот раз Владимир даже не ругался. Молча восстановил дыхание, поднял меч и, без предупреждения кинулся в атаку. Клинок крестоносца словно развернулся в стальной веер. Буквально через секунду разбойник вновь остался без оружия и получил серию рубящих по корпусу.

– Ты слишком предсказуем, – ровным, совершенно не запыхавшимся голосом, сказал сэр Жан. – Хотя техника довольно неплоха.

– Да как же неплоха, если ты меня уже в капусту изрубил!!!

– Да ладно, не переживай! – успокоил взбешенного Феоктистова крестоносец. – Просто я немного более опытен с мечом. Надеюсь, что таких противников тебе, скорее всего, встретится не так уж и много. Хотя...

– Ну, спасибо, блин! Утешил!

– Если не возражаешь, я порублюсь с Николаем.

Коля торопливо влез в кольчугу и взял свой старый, более привычный меч. К сэру Жану он приближался уже с некоторой опаской. Взмах, ответная россыпь ударов, и обезоруженный Зубров тоже скрючился с отбитыми ребрами. Ещё несколько похожих атак показали полное превосходство крестоносца.

– Ладно, ребята, давайте усложним игру.

Сэр Жан снял кольчугу:

– Нападайте вдвоем и рубитесь как с настоящим врагом. Если сможете хотя бы ранить, ещё по клинку подарю.

Упрашивать злых избитых разбойников не пришлось. После секундного промедления оба дружно кинулись в атаку. А крестоносец, поймав клинком меч Феоктистова, извернулся таким образом, что Володька оказался между ним и Николаем. Пока Зубров пытался обежать друга, чтобы вступить в схватку, сэр Жан уже «обработал» рубящими многострадальные бока Феоктистова. Он даже не стал его обезоруживать. Подсек ногой, а затем переключился на Зуброва. Кольку встретил несильным, но весьма чувствительным тычком меча в грудь, а затем плашмя приложил лезвием по голове.

– Два-ноль. В твою пользу, – злобно подвел итог Феоктистов.

– Совсем немного тренировки, и будете рубиться не хуже! – успокоил сэр Жан.

– А ты научишь нас? – с плохо скрытым волнением спросил Николай.

– Конечно. Если принесёте мне присягу верности.

– Э, нет. Так не пойдет. Мы с детства росли вольными людьми, и в слуги к кому бы то ни было, не пойдём. Даже к тебе.

– Но ведь и я приносил вассальную присягу своему сюзерену. Сначала шерифу Фалеза, а затем королю Иерусалимскому, сиру Ахиллу.

– Та-ак, – голос Феоктистова прервался от волнения, – Ты хочешь посвятить нас в рыцари?!

Вообще-то в мыслях сэра Жана не было ничего подобного, но волнение странных разбойников было слишком красноречиво. Оказывается, эти непонятные приятели просто-таки жаждали золотых рыцарских шпор. На этом можно было сыграть.

– Я бы сказал, что такой вариант был бы вполне возможен. Но...

– Что «но»?!

«Вот оно!!! Вот шанс узнать их тайну!»

– Кроме того, что вассал должен быть непременно благородных кровей, он также должен быть полностью откровенен со своим сюзереном. А я вообще ничего о вас не знаю.

Колебался Феоктистов не долго.

– Хорошо, сэр Жан. Мы расскажем тебе свою историю. Здесь, кроме тебя, об этом знает лишь один человек – Робин Худ. Поэтому, даже если ты нам неверишь, поклянись никому не рассказывать об услышанном. Поклянись своей рыцарской честью.

Сэр Жан ненадолго задумался. Стоило ли давать столь серьёзную клятву? И решил, что, пожалуй, всё-таки стоило. Во-первых, обещанная история обещала быть невероятно занимательной. (А здесь это стоило очень дорого). А, во-вторых, сами разбойники вполне устраивали его как потенциальные оруженосцы. А может и полноценные рыцари-вассалы. Крестоносец поклялся.

– Тогда давай поднимемся в башню, что ли. Где нас не могут подслушать. Там и позавтракаем заодно. История-то у нас довольно длинная, да и вопросов у тебя может много возникнуть.

Сэр Жан не возражал. Вскоре в одной из верхних комнат накрыли стол, и крестоносец с гостями заперлись высоко над землей. Зубров скромно помалкивал, интеллигентно чавкая гузкой фазана, а Феоктистов, прожевав свежий огурчик, заговорил:

– Я родился в другом мире, в 1971 году от Рождества Христова, в далекой стране под названием Советский Союз. Такие времена как здесь, в нашем мире были где-то лет 600—700 назад. Так что, в некотором смысле, мы живем сейчас в далеком прошлом. Николай младше меня на год, и познакомились мы с ним в нашем городе Бузулуке, так как были соседями. Росли мы, в принципе, без особых забот, как обычным детям и положено. Но не очень долго. В 1984 году ещё один наш друг, тоже Владимир, встретился с могущественными волшебниками, прибывшими к нам из какого-то другого мира. Воспользовались они для этого своим магическим путем. Получилось так, что эти волшебники подарили нашему другу магические вещи, силы которых мы, к сожалению не понимали. И мы, идиоты, по глупости, решили с ними позабавиться. В итоге нас с Николаем закинуло непонятным образом сюда, в далёкое прошлое. То есть в чужой мир, похожий на наше прошлое. В общем, сюда, где мы сейчас живём. В твой мир и это время.

Затем Феоктистов вкратце рассказал об их жизни в Фалезском лесу и приступил к трапезе. На многочисленные вопросы отвечал уже Зубров. Затем опять Владимир, потом снова Николай, а далее они оба. И так до глубокой ночи. Пока перед сэром Жаном почти наяву не встала величественная и страшная картина чужого пространства, похожая на вероятное будущее его мира. Там, где все сказочные чудеса, в том числе и сама волшебная страна счастливых свободных людей, «Советский Союз», со страхом ожидали наступления Апокалипсиса – «Ядерной войны». Возможное будущее было не настолько прекрасно, как невыразимо пугающе.

Если романтичному Робин Худу больше всего понравилось, что его аналог на протяжении, по крайней мере, ближайших семи веков окажется кумиром для миллионов жителей соседнего мира, то сэра Жана, профессионального воина, «сразили» описания фантастических средств уничтожения. Долго потом в кошмарных снах к нему приходили стальные рукотворные чудовища – «танки», плюющиеся смертоносным огнем (и, в отличие от местных драконов, вместо лап имеющие по две гигантские железные гусеницы); железные птицы, летающее на ревящем огне быстрее скорости звука – «реактивные самолеты»; годами таящиеся в океане «подводные лодки» с огромными огненными стрелами – «баллистическими ракетами». А в завершение кошмаров, как правило, всегда наступал Конец Света, и на бедного сэра Жана набрасывалось воняющее серой само дьявольское «Оружие Массового Поражения». Причем, с рогатой головой Люцифера, нарисованной в углу одной из икон его замковой церкви.

На второй день после рассказа крестоносец дополнительно переговорил с Робин Худом и убедился, что друзья не обманули его. Поэтому он торжественно сообщил, что признаёт вольных лесных воинов обладателями благородной крови и будет готовить их к посвящению в рыцари. Сэр Жан тут же провозгласил друзей своими оруженосцами – сквайрами и, первым делом, приступил к обещанным тренировкам.

В целях наилучшего закрепления нужных навыков Владимир и Николай сменили свои кавалерийские клинки на учебные двуручные мечи. Сначала учились действовать ими поочередно то правой, то левой рукой. А когда это начало получаться, сэр Жан дополнительно утяжелил оружие специальными железными накладками. И продолжал постепенно увеличивать вес до тех пор, пока обычные клинки не завертелись в руках сквайров со скоростью жонглёрских палочек.

Одновременно крестоносец учил друзей эффективно защищаться и наносить сокрушительные удары щитом, наколенными и налокотными шипами, а так же просто бронированными кулаками (чем остальные рыцари обычно брезговали, считая ниже своего достоинства драться с кем-либо без оружия). Часто в Дыб-Кальвадос приходил Робин Худ, и тогда тренировки в стрельбе из лука становились наиболее продолжительными. Когда оруженосцы уже неплохо освоили меч, сэра Жан добавил занятия с булавами и боевыми топорами, которые являлись дополнительным оружием рыцарей. И каждый день упражнял мальчишек в верховой езде и конном копейном бою. Пока, с самой простой квинтаной.

– Конь – это самое дорогое, что есть у рыцаря! – часто говорил крестоносец. – После чести и дамы сердца.

Кроме того, заставил выучить «9 рыцарских идеалов», которым при посвящении они должны были поклясться служить и исполнять:

1. «Мужество» – рыцарь готов поступать правильно, и способен сражаться даже против превосходящих сил врага.

2. «Защита» – церкви, лордов, их семей, а также сирот и вдов.

3. «Вера в Бога» – которая поможет избежать искушений и вынести жертвы.

4. «Смирение» – признание силы и героизма других, без хвастовства своими подвигами.

5. «Справедливость».

6. «Щедрость» – которая позволит рыцарю быть милостивым к врагу и противостоять слабости и жадности.

7. «Умеренность» – делать всё в меру, даже при наличии богатства.

8. «Лояльность» – рыцарь должен поклясться церкви и лорду, отдать жизнь за них.

9. «Благородство» – принцип вежливости: рыцарь должен быть вежливым, честным, щедрым и развивать благородный характер, чтобы стать образцом для подражания.

Нужно ли удивляться, что при повышенной восприимчивости их возраста мастерство юношей росло с каждым днем. Желанное учение они впитывали, как пересохшая губка воду. А сэру Жану доставляло огромное удовольствие наблюдать два увлечённых подтверждения его педагогических талантов. Но была и ещё одна причина, заставлявшая ребят заниматься днями напролет – по сведениям, в избытке поступавшим в шайку Робин Худа, барон де Шансон усиленно увеличивал гарнизон своего замка. Причем, не просто набирал новых воинов, а активно обучал их действиям в лесу. Только идиот не догадался бы, что с наступлением теплых дней он собирался уничтожить разбойников. «Оборотни», в свою очередь, так же решили избавиться от своего злейшего врага.

Ранней весной, когда ещё лежал снег, сэра Жан Дыб-Кальвадоский посвятил друзей в рыцари (без выделения земель). После официального обряда они гордо сбили с трофейных щитов гербы прежних владельцев, а отец Сусанны сделал им собственные. У Николая на лиловом поле засеребрилась эмблема шайки Робин Худа – три дерева, растущих из дубового листа, а у Владимира, на лазоревом – профиль оскалившегося волка. И у обоих одинаковый девиз – «Кальвадос». Теперь Зубров уже именовался сэром Кальвадосским Громом, а Феоктистов, в честь победы над Вольфом – сэром Кальвадосским Волком.

К концу апреля, когда и рыцари-оборотни и барон решили начать активные боевые действия, армия де Шансона состояла из 120 латников и 80 всадников. В Фалезском лесу им противостояли две дюжины вольных стрелков, двадцать воинов-слуг сэра Жана, составлявших его рыцарское «копье», и около сорока крестьян деревни Солми. Ну и, разумеется, сами юные рыцари. Несмотря на более чем двукратное превосходство войск барона, сборная лесная армия первой выступила в поход. В немалой степени этому способствовало известие, что Фалезский шериф тоже собрал против разбойников около 100 пеших и 50 конных латников, которые со дня на день готовились выступить в облаву.

Шел третий год пребывания друзей в кровавом, жестоком, но романтическом мире параллельной реальности.

Часть 2. «Ударом на удар»

Глава 1

Третьи сутки злосчастный аппарат, включенный в земную розетку, лишь мерно гудел и абсолютно не собирался раскрываться. Емельянов был на грани истерики. Может, ребята там уже задохнулись? Но, с другой стороны – вдруг они сейчас лежат в самом настоящем анабиозе? И тогда как раз принудительное открытие аппарата (например, с помощью лома) может их убить... Что ему делать?!

Все семьи уже знали о случившемся. Единственное, чего Вовка не понимал – почему матери Феоктистова и Зуброва не стали обращаться в Академию наук? Ну, или хотя бы в милицию? Сам он уже изнемог под гнетом ответственности и необходимости принять какое-то решение. Почему этим должен заниматься он, пятнадцатилетний подросток, а не взрослые ученые или кадровые сотрудники? Что за странные разговоры о «психушках» и «подопытной жизни в лабораториях» ведут с ним? Ещё неокрепшее сознание не справлялось с запредельной нагрузкой.

Вовка никуда не уходил от Феоктистовых. Там же постоянно дежурила одна из сестрёнок Зуброва. Семьи пропавших мальчишек, и до того дружные, ещё более сблизились. Сначала обе матери долго рыдали и всё порывались куда-то бежать. Но вид непривычного аппарата, инопространственных «сувениров» и гигантской Василиски каждый раз жёстко отрезвлял их. В конце концов, женщины как-то смирились, без слов уповая на чудо. Ведь если парни пропали так странно, не менее странно должны были и вернуться. Во всяком случае, так хотелось в это поверить! То одна, то другая изредка подходили к «тюльпану» и что-то шептали, не решаясь прикоснуться рукой.

Много хлопот доставляла выросшая кошка. Ей на шею повязали яркий голубой бант, что бы смотрелась не столь устрашающе. А при встречах с соседями объясняли, что это представитель особой сибирской породы – помесь с рысью. После того как Василиска загрызла во дворе бродячую собаку, этому быстро поверили. Дворовые бабки даже начали требовать купить ей намордник.

Была и ещё одна неприятность. Если матери пропавших мальчишек относились к Вовке тепло (ведь он сам только чудом не оказался в проклятом «тюльпане»), то младшая Феоктистова, и до того недолюбливавшая Емельянова, сейчас просто взъерилась. От её колкостей и оскорблений перенервничавший подросток готов был провалиться сквозь землю. Тем более, она ему нравилась. Поэтому в голову всё чаще стала закрадываться гаденькая мыслишка: «Вот сейчас прыгнуть с балкона – и всё!» Он даже пару раз опасно перевешивался через перила, но в последний момент испуганно отползал обратно.

Поэтому, когда на третьи сутки сверху раздались знакомые раскаты, сначала не поверил ушам. С колотящимся сердцем бросился к окну, выходящему на карьеры. И даже заплакал от облегчения, действительно увидев межпространственную иллюминацию. Фантомы возвращались! Через несколько минут Емельянов уже стоял среди поросших травой глиняных холмиков и во все стороны крутил головой. Какая же из них корабль пришельцев? Снова, как и тогда, в чистом небе вставало яркое солнце, а прохладный ветер с ароматами лесостепи наполнял легкие. Сердце бешено колотилось... Вовка засмотрелся на горюшку причудливой формы, и тут чьи-то упругие теплые ладони закрыли ему глаза. Он поспешно ухватился за них и ощутил бархатистую кожу, горячую силу под ней.

– Зоринка!!!

Конечно же, это была она, его звездная мечта. Вот только одежда на ней красовалась обыкновенная, самая, что ни на есть земная. Простенькое легкое платье, явно не новые туфли-плетенки. А темные длинные волосы прихвачены сзади модной заколкой «банан». Всё ещё держа девушку за руки, Емельянов недоверчиво переспросил:

– Зоринка, это ты?

И уже понял, что ошибся. Не могла эта очаровательная студентка быть корабельным врачом из другого пространства. Но почему тогда она подошла к нему? И – этот «фейерверк»?! На лице подростка попеременно отражались обуревавшие его чувства.

– Да я это, я! – неожиданно рассмеялась Зоринка. – Ты разве не рад, что я прилетела?

– Конечно, рад! А что это за маскарад?

– По-твоему, я должна была выйти в скафандре?

– Да, конечно, – смутился Вовка. – Извини. Но просто мы так тебя ждем...

– Кто это «мы»? – вдруг посерьезнела фантом.

– Ну, понимаешь, мы тут анабиозную ванну вашу починили. А потом она опять сломалась. С ребятами внутри. В общем, там все три наших семьи переживают. Как ты думаешь, ребята там ещё живы?

– Та-ак... – его слова явно не понравились девушке. – И что же вы с ванной сделали?

– Да ничего, в общем. Приспособили под нашу розетку. Электрическую. Она заработала, кошку и собаку увеличила. Ну и мои друзья сами в неё залезли. Тоже захотели стать большими и сильными. А она после этого взяла и не открылась. Мы все здорово испугались, когда ванна ребят не выпустила. А потом матери ни в милицию, ни к ученым обращаться не стали. Хотя я предлагал. Всё ждут чего-то.

– И сколько человек об этом знает?

– Ну, Феоктистовы, Зубровы, мои мать с отцом. Больше мы никому не говорили.

– Это хорошо. Можно попробовать посмотреть, что вы там натворили. Но говорить о нас никому ничего не нужно. В смысле – о фантомах. Это понятно?

– Понятно, – Вовка смотрел на неё совершенно влюбленными глазами. – А ты здорово говоришь по-русски. Никогда бы не подумал, что так можно выучить неродной язык!

– Пустяки. Я просто способная. Ты сейчас лучше иди домой, успокой всех и объясни, что нужно говорить, а что нет.

– А ты? – совсем по-детски изумился Емельянов.

– А я чуть позже подойду.

Вовка с изумлением обнаружил, что стоит совершенно один. Лишь лёгкий след на глине от девичьих туфель говорил, что встреча ему не пригрезилась. Совсем сбитый с толку, он пошел обратно.

* * *

Второе появление Зоринки было более эффектным. В прихожей феоктистовской квартиры рассыпался в трелях звонок, и на пороге возникла девушка-фантом в парадном корабельном костюме, благородную белизну которого подчеркивали серебристые ранты в алой окантовке. Покроем он почти копировал тот, в котором Емельянов впервые увидел её. А темная врачебная эмблема почему-то ощутимо добавляла значимости владелице. В руках Зоринка держала небольшой металлический чемоданчик, напоминавший земные «дипломаты».

Она лучезарно улыбнулась, выслушала имена присутствующих и, после сличения с голографией, была допущена к аппарату. Но, едва подойдя к «тюльпану», нахмурилась. Ещё раз, уже подозрительно, оглядела лица:

– Там никого нет!

– Как нет?! – ахнула мать Феоктистова. Фантом неопределенно пожала плечами:

– Когда в саркофагах лежат тела, вот эти индикаторы горят голубым светом, – она указала на две серые выпуклости цвета металла.

– А перегореть они не могли? – с надеждой спросил Вовка.

– Это полупроводники. Впрочем, можно проверить на наличие поля.

Она извлекла из чемоданчика хитроумное устройство, напоминающее микроскоп, соединенный с аптекарскими весами, и немного поколдовала над ванной.

– Странно... Похоже, здесь нужно полное сканирование.

Взгляд фантома упал на подарки, аккуратно сложенные в углу. Зоринка выбрала небольшой металлический ранец с кучей ремней и спросила:

– Есть здесь какой-нибудь выход в сторону корабля?

– Только окно...

Девушка критически осмотрела открывающуюся панораму, потребовала открыть створки и убрать цветочные горшки. Сама тем временем приладила ранец с двумя смотрящими вниз трубками себе на спину. Проверила натяжение ремней и вдела руки в кольца выдвижных манипуляторов. Оказывается «юбка» на звездных платьях ничуть не мешала использовать их как обычные комбинезоны.

– Готово?

Легко запрыгнула на подоконник и тут же бросилась вниз ногами вперед. С высоты третьего этажа. Обе Феоктистовы, Емельянов и сестра Зуброва одновременно кинулись к окну, но внизу что-то уже громко хлопнуло, и странная белая фигура высоко подпрыгнула по направлению к карьерам. Затем начала падать, но уже у земли из-под неё вылетел шарик белого пламени, и фантом снова подпрыгнула вперёд-вверх, исчезнув за грядой холмов. Звук характерного хлопка чуть запоздал, а затем прилетел ещё раз. Минут через десять Зоринка припрыгала обратно с ещё одним странным аппаратом. Красиво влетела точно в окно и легким выхлопом погасила скорость. В воздухе почему-то запахло парной. С чуть заметной улыбкой фантом разоблачилась и убрала манипуляторы в гнезда. Вовка с восхищением смотрел на ранец:

– Что это?

– Ракетный попрыгунчик. У вас сейчас тоже что-то подобное начали выпускать. Правда, пока только для диверсантов.

У всех присутствующих непроизвольно сжались губы, словно они одновременно оказались на пытке и решили не выдавать военную тайну. Зоринка сделала вид, что ничего не заметила. Обследовала ванну ещё раз. Наконец над саркофагом Феоктистова загорелся голубой индикатор, и по поверхности нового прибора поплыли странные строки, чем-то напоминавшие рунические письмена. Девушка внимательно их изучала.

– Что ж, более-менее ясно, – наконец изрекла она, деловито убирая устройство. И, обращаясь к матери Феоктистова, пояснила:

– Я связалась с кораблем, и через бортовые системы мы проанализировали все доступные параметры этого аппарата. Получается, что теперь ванна стала переходником из одного пространства в другое. Как, например, наш корабль. Но, в отличие от него, переходником неуправляемым. Так что ваши ребята сейчас, действительно, где-то далеко. Единственное, что могу сказать – они живы. А самое интересное, что направленность межпространственному потоку дал Ваш сын. Он что, первый, в саркофаг лёг?

– Да, – растерянно подтвердил Вовка. – Колька вообще в последний момент заскочил.

– Может, так оно и к лучшему. По двум настройка наверняка сбилась бы, и их просто размазало по эфемеру... Кстати, чем Владимир увлекался в последнее время? Может какой-нибудь фильм, книга, человек?

– Кажется, он был влюблен, – робко произнесла мать Феоктистова.

– О, господи!!! – Зоринка в ужасе схватилась за голову. – Да в любом пространстве может оказаться подобный типаж! Мы же и за миллион лет его не найдём. А если и повезёт, то он со своей юношеской мечтой, найденной во плоти, предпочтёт там и остаться навеки...

– Впрочем, – прервала сама себя фантом, – они же были вдвоём! Так что психоматрица отпадает. Если только они не были влюблены в одну и ту же девушку.

– Нет! – авторитетно заявил Емельянов. – Вовка любит свою одноклассницу, а Колька – девчонку из соседнего дома.

Сестры мальчишек захихикали, а мать Феоктистова достала с полки книгу:

– Вот это он недавно прочел и уже неделю рыцарями бредил.

На серой плотной обложке почти готической вязью красовалось название – Вальтер Скотт, «Айвенго». Зоринка пролистала книгу:

– Что ж, это попроще. Пласт средних веков. Вы дадите её мне?

– Конечно-конечно... А как же мой сын?

Зоринка ласково приобняла женщину:

– Мы найдем их. Нужно просто вычислить пространство, где условия жизни максимально похожи на сюжет этой книги. Несколько раз такие операции проводились. И почти все увенчались успехом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.